

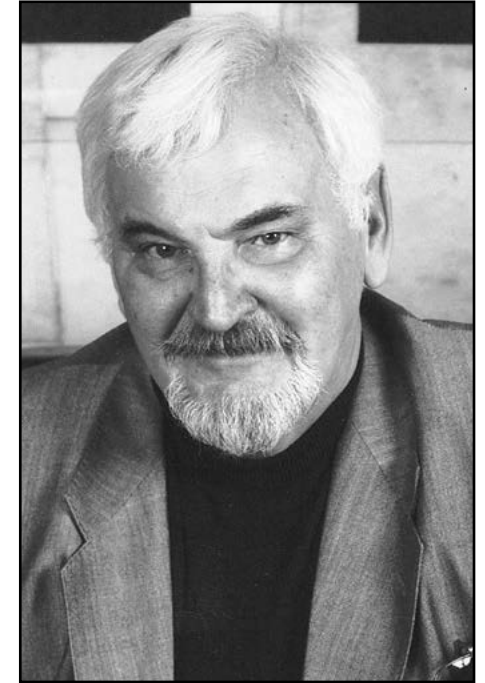
**ПРИОКСКАЯ
ГЛУБИНКА 1 • 2022**

Приокская глубинка
№1(22)—2022

Нижний Новгород
2022

Мастер слова

Игорь Пчелян – из породы книжечеев. Книги для него – и страсть, и любимое занятие, и предмет гордости. Когда удавалось купить то издание, которое искал, радовался и сообщал собратьям книголюбам. Книжный человек рано или поздно и сам начинает колдовать со словом. Это случилось и с ним. Пришёл в редакцию местной газеты «Выксунский рабочий». Принёс свои заметки. Редактор Михаил Михайлович Рогов (прозорливый был человек и чуткий) отметил, оценил, дал задания. Игорю не пришлось и вживаться в коллектив: он

Игорь Анатольевич Пчелян

стал своим сразу же. Газетчики увидели в нём интересного собеседника, эрудированного, владеющего словом, умеющего быстро сходиться с людьми. Это был уже готовый газетчик.

Так началась его журналистская карьера. Начал работать в промышленном отделе, которым руководил Николай Коршунов. У Игоря было техническое и гуманитарное образование (металлургический техникум, исторический факультет Нижегородского университета). Его статьи отличались глубиной и точностью. Он умел о сложных производственных процессах написать просто. О людях металлургической профессии рассказать так, будто с этим человеком он знаком давно.

**ББК 63.3 (2Рос=4Ниж=2Вык)
П76**

Приокская глубинка: краеведческий альманах. Вып. 1 (22) : 12+ / [отв. за выпуск Наталья Анатольевна Гусева; сост. Ольга Николаевна Громова]. – Выкса : Дятловы горы, 2022. – 236 с.: ил.

- © Администрация городского округа г. Выкса. 2022
- © МБУК «ЦБС городского округа город Выкса». 2022
- © Издательство «Дятловы горы». 2022

Бланк действительного члена
историко-родословного общества в Москве

Потом ему стало тесно в рамках производственной тематики, и он перешёл к очерковой. Затем его увлекло краеведение. «Хождение» в старину глубокую, знакомство со старожилами, которые помнили своих предков из рода мастеровых и торговых людей, работа с документами в областном архиве открыли ему богатейшие пласты человеческих судеб, историй. Он так погрузился в этот мир, что ничто другое его уже не интересовало. Исследования требовали времени, поездок в архивы, тогда не было интернета, до всего приходилось докапываться самому.

Уйдя из редакции, некоторое время преподавал в техникуме, вёл Клуб книголюбов, и всё ради того, чтобы иметь больше свободного времени, изучать архивы, знакомиться с потомками тех, кто когда-то был солью земли выксунской и оставил после себя память многими добрыми делами.

На страницах новой, родившейся в годы перестройки молодой газеты «Провинциальная хроника» стали печататься его статьи под рубрикой «Семейный архив». В них был и иной подход к теме прошлого, нередко резко критический, и неординарный взгляд на события. Статьи были замечены читателями, они обсуждались и их ждали.

Закономерно, что главное место в этом сборнике занимает исследование «Дельные люди, или Прежние “новые русские”?». Нигде и никогда не опубликовано, потому как автор работал над ним несколько лет и постоянно пополнял новыми данными, фактами и сведениями. Кропотливая, напряжённая и вдумчивая работа в архивах Арзамаса и Нижнего позволила Игорю Анатольевичу собрать богатейший материал о деловых людях не только села Выксы, но и окрестных сёл и деревень и даже найти их потомков, встретиться с ними, добавить к имеющимся новые факты. В материале много фотографий, на них запечатлены люди XIX – начала XX веков. По ним можно судить о том, какими они были, те деловые люди. Жаль, не все фото подписаны.

Бланк члена общества «Нижегородский краевед»

О том, что автор был истинным историком, чей пытливый ум проникал сквозь толщу лет, он сам рассказывает во вступлении к материалу. Кстати, это отмечали и краеведы. Игорь Анатольевич был действительным членом общества «Нижегородский краевед», в которое его приняли 27 ноября 2002 года, и историко-родословного общества в Москве (нижегородское отделение), в которое он вошёл 8 декабря того же года. Он не кичился ни званием, ни членством. Да и зачем? Он просто работал. В результате мы имеем солидное исследование. По жанру оно не только краеведческое, но и публицистическое, с элементами добротной журналистики. До Игоря Анатольевича в нашем краеведении этой темы коснулась Надежда Князева. Но – именно – коснулась, а разработал, поднял её пласт – Игорь Пчелян. Работал с присущей ему дотошностью, кропотливостью, уважительным отношением к истории. За что ему низкий поклон и светлая память.

Уйдя на пенсию, Игорь Анатольевич продолжал писать. Правда, «в стол», надеясь когда-нибудь издать книгу. Но не сложилось. Кажется, обычная история талантливого человека. Но рукописи не горят, сказал устами Воланда гениальный Булгаков. Часть статей Игоря Анатольевича, которые публиковались в «Хронике» в 2000-х годах, собраны в этом издании.

Игорь Пчелян – мастер слова. Он чувствовал его так, что оно сверкало в его статьях многочисленными гранями. Любил шутку и знал ей цену. Прекрасный собеседник и умный рассказчик, он по праву принадлежал к славной когорте газетчиков и краеведов Выксы. Его статьи войдут в золотой фонд выксунской журналистики

Сборник дань памяти Журналисту с большой буквы. Мастеру слова. Эрудиту. Краеведу. Жизнелюбу Игорю Пчелян.

Елена Липатова

Дельные люди, или Прежние «новые русские»?

Много лет назад впервые увидел энциклопедию Эфрона и Брокгауза. Найдя в ней упоминание о Выксунском заводе и Выксунском монастыре, невольно проникся еще большим уважением и к весьма respectable изданию, и к точке на карте, где волею судьбы оказался еще в юном возрасте. Город, в котором прошло детство, был немногим старше меня самого, а о Выксе, пусть пребывавшей в сельском «чине», вот еще когда в энциклопедии сообщалось...

В энциклопедической статье было, в частности, сказано, что в означенном селе (в 1897 г.) на 8236 человек имелось две православные церкви, богадельня, больница, школа

Министерства народного просвещения и две церковно-приходские, а также (акцентирую ваше внимание!) – 16 лавок.

Приземистые и тесные, но вместе с тем непропорционально массивные на взгляд современника кирпичные здания по сей день сохранились в заповедных уголках старой Выксы, в окрестных поселках, селах и деревнях. Кажется, некоторые и ныне служат «по торговой части»...

Несколько лет назад, работая в Государственном архиве Нижегородской области, наткнулся на дело, которое содержало сведения о «персональном составе» представителей этого «цеха». Документы начала позапрошлого века предназначались для упорядочивания взимания налогов. Точнее сказать, для того чтобы взыскать в казну недоимки по налогу (как он точно назывался, признаться, уже не помню, но в данном случае это и не важно). Имен в том деле было названо куда более чем шестнадцать. Можно предположить: либо автор упомянутой энциклопедической статьи располагал далеко не полной информацией, либо торговое дело на Выксе за годы, прошедшие после переписи 1897-го, развивалось очень быстрыми темпами. Наконец, возможно, что далеко не все, так или иначе к нему сопричастные, успели разжиться такими торговыми «точками», которые могли бы называться лавками. Ведь и ныне немалая часть граждан, занимающихся торговлей, довольствуется несколькими квадратными метрами, арендуемыми на территории городского рынка или на торговых площадях, принадлежащих другим предпринимателям.

Я пополнил свою картотеку несколькими именами, приводимыми по аналогичному поводу краеведом Н.А. Князевой. А несколько позже в библиотеке Муромского историко-художественного музея попались на глаза протоколы заседаний Меленковского уездного земского собрания (за 1909 и 1914 гг.). С их помощью удалось значительно расши-

рить список заинтересовавшей меня категории граждан за счет жителей тех выксунских окрестностей, что до 1917 г. входили в состав Владимирской губернии. Причем и в обновленном виде он заведомо не исчерпывающий. Найденные в зворыкинском доме документы указывали только тех, чей «бизнес» к началу 10-х гг. XX века приказал долго жить. Но, так или иначе, а люди-то успели «вкусить плоды» торговой или какой-то другой деятельности, поработать на самих себя. Почему бы не отнести к категории предприимчивых людей и хозяев постоянных дворов (в дореволюционные времена они учитывались в тех же реестрах, что промысловые и торговые люди).

...Шли годы. Время от времени в архивах и библиотеках обнаруживал новые источники для изучения данной темы. Пополнился список «фигурантов», появились составленные добросовестными губернскими статистами описания отдельных ремёсел, которые наши давнишние земляки более или менее успешно освоили. Сведения о том, как сложились судьбы иных из них.

К счастью, в некоторых семейных альбомах сохранились фотографии особ, упоминавшихся в постепенно растущем списке, которые мне любезно разрешили отсканировать. А в том же архиве нашлись даже образцы тогдашней рекламной продукции, образчики «деловой переписки» и т. п. Всего этого, увы, не так много, но, как говорится, чем богаты!

Ну что же, в путь...

Агеев Григорий Игнатьевич. Кирпичное заведение при с. Песочном.

Азин Кузьма Алексеевич – постоянный двор в с. Семилово.

Александров Егор Никифорович. Из кр-н д. Ергаево Тучковской вол. Судогодского уезда Владимирской губ. Бакалейная лавка в с. Велетьма. Галантерейная лавка в с. Выкса. Благодаря сохранившемуся в архивном деле рапорту полицейского надзирателя с. Выкса в Ардатовское полицейское управление известно, что Егор Никифорович был одним из немногих в Выксе, у кого ваши предки могли приобрести золотые и серебряные украшения.

Аксенов Алексей Васильевич. Постоялый двор в с. Ново-Дмитриевка.

Алексеев Василий Поликарпович. **Бакалейная лавка в с. Ново-Дмитриевка (закрыта ок. 1900 г.), пивная лавка (закрыта с осени 1902 г.).**

Алексеев Иван Титович (кр-н с. Верхней Вереи). Смольное заведение (уничтожено в 1906 г.).

Алексеев Яков Васильевич. Постоялый двор в с. Ново-Дмитриевка.

Ананьев Василий (кр-н д. Нижней Вереи). Смольное заведение (уничтожено с 1891 г.).

Андриянова Александра Павловна (кр-ка с. Полдеревка). **Хлебопекарня и мелочная лавка в с. Полдеревке.**

Анисимова Пелагея Ефимовна. **Мелочная лавка в с. Выкса.**

Антипов Анисим (кр-н д. Верхней Вереи). Смольное заведение (уничтожено с 1891 г.)

Ашмарин Михаил Петрович. **Мануфактурная лавка.** Ашмарины были весьма состоятельными людьми. Достаточно сказать, что известный многим выксунцам их дом (в нынешнем пер. Пионеров) по строительным нормам был оценен в 9074 рубля. Дороже – только дом Головановых («десятый магазин»).

Балабанов Афанасий Иванович. **Мельница в д. Клоповке (1915 г.).**

Балабин Иван Иванович (кр-н). **Постоялый дом в с. Полдеревка, в собственном одноэтажном деревянном доме, с тесовой крышей, размерами 8 на 8 арш., высотой 4 арш., с тремя окнами (1895 г.).**

Баланин Кузьма Егорович. **Лавка в с. Шиморском (не существует с 18 авг. 1913 г.).**

Балашева Мария Викторовна (жена отставного рядового). **Бакалейная лавка в с. Выкса в доме мастеровой Елены Ивановны Глотовой (1895 г.).**

Балдин Дмитрий Константинович (из с. Ляхов). **Паровая мельница в Шиморской волости (уничтожена в 1906 г.).**

Балдин Сергей Пахомович (кр-н с. Верхняя Верея). **Мелочная лавка (закрыта в 1910 г.), смоляное заведение (закрыто с 1 янв. 1898 г.).**

Балдин Андрей Федорович (кр-н с. Верхняя Верея). **Смоляное заведение (закрыто с 1896 г.).**

Балихина Анна Павловна. **Мелочная торговля в с. Досчатом (закрыта с 1 янв. 1910 г.).**

Баранова Марья. **Мануфактурная лавка в с. Выкса.**

Баринов Михаил Алексеевич. **Пивная лавка.**

Баринов Михаил Гаврилович. **Хлебопекарня в с. Сноведь.**

Барышов Иван Васильевич. **Мелочная лавка в с. Грязном. Закрыта в 1910 г.**

Батуров Николай Федорович. **Бакалейная лавка в с. Выкса.**

Беспалов Александр Васильевич. **Ветряная мельница.**

Беспалов Александр Федорович. **Шерстобитное заведение в с. Решном.**

Беспалов Василий Гаврилович (кр-н д. Чупалейки). **Ветряная мельница (1915 г.).**

Беспалов Василий Капитонович (кр-н с. Решного). **Мелочная лавка в с. Решном (уничтожена в 1913 г.).**

Бесчастнова Татьяна Ивановна. **Бакалейная лавка в с. Велетьма.**

Белова Анна Семеновна. Из с. Песочного Меленковского уезда. **Мануфактурная лавка в с. Выкса на Базарной площади. Торговля красным товаром.**

Беляков Сергей Яковлевич (кр-н с. Мотмос). **Хлебная и бакалейная торговля в с. Мотмос.**

Блинов Михаил Матвеевич (кр-н с. Шиморском). **Кузница в с. Шиморском.**

Вот здесь есть повод прервать перечисление, чтобы узнать некоторые подробности об этом весьма распространенном виде ремесла. Обнаружил их я в интереснейшем издании – Трудах Владимирского губернского статистического комитета (1871 г.). Вот что незатейливо, но надеюсь, достаточно достоверно пишет автор о кузнечном мастерстве.

«Почти у каждого селенья, в конце усадьбы, одиноко стоит приземистая, бревенчатая избушка – кузница; перед нею всегда устраивается станок дляковки лошадей и снаряд для натягивания шин на колеса.

Каждый будний день раздается в кузнице стук молота о наковальню, и кузнец что-нибудь кует из железа, или сваривает, или что-то другое мастерит своим односельцам или крестьянам соседней деревни.

Кузница в селении составляет предмет важной необходимости: нужно ли крестьянину подковать лошадь, натянуть шину на тележное колесо, или сварить изломавшиеся сотники и т. п. случайные надобности, он бежит в кузницу и скорой услугой кузнеца снова продолжает начатую спешную полевою работу.

На эти починки и поделки употребляется кузнецами старое железо, так называемый домашний лом; редко, когда покупается новое железо и сталь.

В этих кузницах кроме починки земледельческих орудий, ножей, буравов,ковки лошадей, натягивания шин и других незначительных поделок изготавливают: гвозди, пробои, обоймы для натягивания шин на колеса, тяпки для капусты, косари (ножи для лучины), кочадыки для плетения лаптей и т. п. принадлежности, употребляемые в крестьянском быту.

В селениях, ближе расположенных к заводам, кузнечное мастерство изготавливает различные предметы для продажи, как то делается в юго-восточной части уезда за р. Окой – селе Дощатом. В одной кузнице изводится железа до 270 пуд в год, четыремя наемными рабочими, получающими заработок от 50 до

200 руб. за сдельную работу; они выковывают разного размера гвозди, в год на 800 рублей.

В соседнем селе Решном, в четырех кузницах, 10-ть человек перерабатывает железа до 650 пуд.; из него куют гвоздей на 1200 руб., подков, сошников, палиц, шин и др. на 500 руб., всего приготавливается железных изделий в год до 2/т. р. Рабочим кузнецам платят не свыше 50 руб.

На противоположном берегу р. Оки, в селе Григорове, в двух кузницах, четыре человека употребляют: лома до 10 пуд. и нового железа до 500 пуд.; из этого количества изготавливают на продажу в г. Муром: втулки, подоски, подковы, долота, буравы и т. п. вещи для ручного ремесла. Тут же неподалеку, в д. Старинках, в 1 кузнице расходуется до 200 п. железа на сошники, палицы, подоски, петли, втулки и др. принадлежности сельского хозяйства; на такие же изделия в дер. Усаде, на 4 кузницах, 12 человек рабочих изводит ежегодно железа до 1100 пудов.

Все эти железные изделия находят постоянный сбыт в г. Муроме и окрестных селениях».

Бобылков Егор Федорович. Торговля железным товаром (в с. Выкса).

Большаков Иван Иванович (кр-н с. Мотмос). Бакалейная торговля в с. Мотмос.

Большаков Иван Иванович (кр-н д. Ново-Азовки). Мелочная торговля в д. Ново-Азовка.

Борисов Николай Михайлович (кр-н д. Алешино). Кузница в Дощатом.

Бородачева Екатерина Петровна (куп.). Бакалейная лавка в с. Выкса (закрыта с 1 января 1902 г.). Екатерина Петровна владела также кирпичным заводом (мы не знаем, где именно он был расположен, но известно, что прекратил существовать в 1899 г.).

Если вы заметили, Е.П. Бородачева – первая в данном списке особа, в отношении которой достоверно известно, что она принадлежала к купеческому сословию. А всего таких – обо-его пола – раз-два и обчелся. Большинство же из называемых в нём людей были крестьянами и мастерами. Ну, какое-то количество мещан.

Очевидно, что довольно бурный рост числа торговых заведений в с. Выкса произошел в самом начале XX века. Почему именно тогда? Что ж за поветрие такое? – недоумевал я, когда начинал это исследование, и строил различные предположения. Повысилась покупательная способность населения? Возможно, и так, но это не исчерпывающее объяснение.

Нужно было поднять работы по истории российского предпринимательства, чтобы понять механизм явления, наблюдавшегося на большей части страны. Дело в том, что 1898 г. в Российской империи был введен в силу Закон о государственном промысловом налоге. С этого момента право на ведение собственного дела перестало быть прерогативой высших сословий. Желаящим попробовать свои силы и утвердиться на этом поприще была предоставлена возможность выкупать «Промысловые свидетельства» трех торговых и восьми промысловых разрядов (в зависимости от доходности, степени механизации предприятия, числа рабочих).

То есть произошло нечто подобное тому, что случилось на глазах нашего поколения примерно четверть века назад, когда торговое дело перестало быть монополией государства. Ген предпринимчивости, дремавший в народе несколько десятилетий, «ожил» и проявился в самых различных формах «купи-продай». Налоги были спущены сверху вполне приемлемые, да «поджулить» всегда казалось заманчиво и реально...

По принятии вышеупомянутого закона прямая связь между получением купеческого гильдейского свидетельства и правом на занятие предпринимательством перестала существовать.

Купеческое звание еще оставалось атрибутом предпринимательской традиции, большинство связанных с ним социальных или экономических льгот и привилегий канули в Лету. Даже крупнейшие предприниматели прекращали приобретать гильдейские свидетельства и выходили из состава купечества, предпочитая носить более престижное звание потомственного почетного гражданина.

В период промышленного подъема перед Первой мировой войной среди руководящего состава крупнейших предприятий почти не было лиц, входивших в гильдии. К концу XIX в. численность гильдейского купечества составляла во всей империи не более 0,2% населения с семьями. Исключение составлял только Петербург.

Купечество уже в середине XIX в. было самым переменчивым по составу сословием. Верхушка купечества стремилась через чад своих породниться с дворянами. Ей представлялся предпочтительным более высокий социальный статус, доступ к государственной службе и неограниченное право на покупку крепостных. В то же время представители сословия, не «осилившие» гильдейских пошлин, оказывались ступенькой ниже. В свою очередь, мелкие предприниматели из крестьян, мещан и ремесленников, сколотив минимальный капитал, необходимый для перехода в купеческое сословие, вступали в гильдии. Как сформулировано в работе Скубневского В.А., Гончарова Ю.М. «Купечество Сибири второй половины XIX в»

«...купечество в социальном плане являлось своего рода “перевалочным пунктом” для всех, кто двигался вверх или вниз по общественной лестнице».

Быков Петр Васильевич – Постоялый двор в с. Полдеревка.
Быстровы Иван и Григорий Федоровичи (Шиморская вол.).
Торговая лавка.

Быстрова Мария Павловна (кр-ка д. Борковка). Торговля в каменной палатке.

Быкова Мария Дмитриевна. Мелочная лавка в с. Сноведь.

Бычков (Быков?) Петр Васильевич. Постоялый двор в с. Выкса.

Буданов Василий Петрович. Торговля готовым платьем в с. Выкса.

Именно история В.П. Буданова провоцирует следующее отступление от утомляющего перечисления. Немалое число из названных в нашем списке людей не были коренными жителями Выксы, других сёл и деревень, существовавших на нынешней территории района. Пришлых торговцев и ремесленников привлекала многолюдность, относительное благополучие населения, приличные доходы здешних мастеровых и служащих. Многие из них жили в добротнo обустроенных домах, ни в чём жизненно важном – по меркам того времени – себе не отказывали. Количество представителей «цеха», которых мы намеревались выявить с возможной полнотой, говорит само за себя.

Это то интуитивно понятное, что документально подтвердить статистическими выкладками, какого-либо рода документами крайне сложно: таковых разыскать не удалось.

Тем более интересным представляется нам приведенный ниже фрагмент воспоминаний известного знатокам истории края младшего сына Василия Петровича, контр-адмирала Фёдора Васильевича Буданова, любезно предоставленный нам его сыном Олегом Фёдоровичем.

До переезда в Выксу семья Будановых жила в селе Кабачищи, в районе нынешнего Зеленодольска. Неподалеку велось строительство моста, которое привлекло множество людей из разных российских губерний. Но к осени 1911 года работы по устройству насыпи, кладке мостовых устоев и прокладке железнодорожной ветки на обоих берегах Волги были закончены,

и наступила пора монтажа ферм. Бум, вызванный строительством, затихал, начался отлив рабочих. А вместе с тем пришёл конец и благоденствию села. Количество заказчиков у Василия Петровича, занимавшегося мелкой торговлей ситцем и готовым платьем в ларьке на базаре, упало. В семье стали обсуждать возможность переезда на новые места.

«...Адрес этих “новых мест” определился совершенно неожиданно и точно. У сестры матери, Евдокии Новожиловой, умер муж, тоже портной, имевший мастерскую и небольшой магазин готового платья в селе Выкса Нижегородской губернии. На похороны родственника поехал отец и, кажется, Алексей (старший сын?). Вернувшись домой, он, захлёбываясь от восторга, рассказывал о том, какое золотое дно для мастерового человека представляет собой Выкса.

Большое село, подавляющее население которого работало на металлургических заводах, было довольно богатым. Среди работавших на заводах, два из которых были расположены непосредственно в селе, вернее в заводском посёлке, можно было найти достаточную клиентуру. Что же касается природы, то Выкса, по уверениям отца, была настоящий райский уголок: дремучие леса, в которых в изобилии произрастали грибы и разные ягоды, многоводные пруды, кишачие рыбой, которую местные жители будто бы ловили прямо голыми руками.

В конце концов родители решили, что лучшего места для нашей новой жизни не найти и нужно туда переезжать. Отец решил сагитировать на этот шаг нашего дальнего родственника, крестного нашей матери, Василия Ивановича Добродеева, который жил в Казани и добывал себе средства к жизни тоже портновским ремеслом. Добродеев (он оказался в нашем списке прежде, чем мне удалось прочитать воспоминания Буданова) был классным дамским портным, на работу которого было любо-дорого посмотреть, но конкуренция не менее искусных специалистов не давала ему в Казани особого простора.

Василий Иванович быстро согласился на уговоры отца и вскоре они уехали в Выксу окончательно готовить почву для переезда. В результате длительных переговоров наши коммерсанты решили основать товарищество «В.П. Будановъ и В.И. Добродеевъ». Основной капитал этого предприятия составил равный денежный взнос и различное оборудование, оцененное по обоюдному согласию компаньонов в зависимости от его качества и степени износа. Это товарищество

было основано буквально “на вере”, так как никакого договора, юридически обосновывавшего обязательства сторон, составлено не было. Взаимоотношения друзей основывались исключительно на обоюдном доверии их друг к другу.

Прятели сняли мастерскую – целый низ не существующего ныне большого двухэтажного дома на главной улице посёлка в непосредственной близости от Базарной площади. Большую комнату дома, выходящую окнами на главную улицу, занял по жребию Василий Иванович. К ней примыкала другая комната примерно такой же площади, которую компаньоны решили оборудовать под магазин. Эта комната кроме большого входа с улицы имела ещё маленькую дверцу из квартиры Добродеева...

Василий Иванович взял на себя обязанности выполнять заказы на пошив дамского платья и пополнять им запасы общего магазина. Отец оставлял за собой пошив мужского платья.

Алексея определили в качестве продавца и кассира в магазин. В дни большого наплыва покупателей к обслуживанию привлекались безвозмездно все члены семьи. Кроме того, все работоспособные члены семьи привлекались к работе в мастерской в зависимости от своих способностей: кто шил простые вещи, кто распарывал старое платье, кто стегал ватную подкладку, а кто просто убирал мусор по окончании рабочего дня.

Отец оставил на старом месте мать, меня и маленькую сестрёнку Тосю, а сам с Алексеем и старшими сёстрами Марией и Шурой отправился на новые места. Он забрал с собой всё оборудование мастерской, остатки товаров и готового платья, поручив матери после окончания мною школы продать дом и всё ненужное имущество и переезжать в Выксу».

В другой части воспоминаний ещё одна любопытная подробность, касающаяся нашей темы.

«В Выксу мы приехали после обеда. Быстро выгрузили наши вещи, отец расплатился с извозчиком, и я вошёл в дом, который на целых пять лет приютил нашу семью. Как сейчас помню то гнетущее впечатление, которое произвела на меня наша новая квартира после просторного и уютного дома, брошенного в Кабачицах. Там – три светлые чистые комнаты дома, расположенного на приволье волжской долины; здесь – мрачный, тесный и грязный сарай, упирающийся окнами в не менее грязный и мрачный двор. Он был весь заставлен какими-то громадными бочками и корзинами с пустыми пивными бутылками.

Как я вскоре узнал, двор наш был общим с разливочной базой пивного завода братьев Ермолаевых. На этот же двор выходили двери из пивной, из окон которой с утра до поздней ночи разносились пьяные песни. С другой стороны к нашему дому примыкал постоялый двор Лачугиных с трактиром – самое грязное и мерзкое заведение во всей Выксе. Во дворе стояла двухэтажная каменная казарма-общежитие рабочих разливочной базы. Наверху нашего дома находились квартира полицейского

надзирателя и казарма полицейских, которые жили там вместе со своими семьями...»

Поясним: речь, по всей видимости, идёт о принадлежащем Надежде Филипповне Мясниковой доме, который находился в районе нынешней Красной площади.

Следующий фрагмент из воспоминаний сына В.П. Буданова воспроизводим потому, что случаи, описанные Федором Васильевичем, и портрет человека предприимчивого, как представляется, является достаточно типичным. Это определенный «сквозной» типаж, и почти каждый из нас может назвать не одного из своих знакомых, принадлежащих к такому же.

«Отец мой по характеру был неуёмный прожектёр. Вспоминая своё детство, я не могу припомнить такого периода, в который умом нашего отца не владела бы какая-нибудь идея, очень далёкая зачастую от его основного занятия – портновского ремесла.

Вот он прослышал как-то, что какая-то казанская фирма, изготавливающая из рогожи рогожные мешки, очень нуждается в сырье и платит за него большие деньги. Этого слуха было вполне достаточно для того, чтобы отец загорелся желанием стать поставщиком мочала для этой фирмы. Отец быстро находит источник сырья и мобилизует всех членов семьи на обдирку лип, ивняка и других деревьев, кора которых пригодна для изготовления мочала.

Смутно помню довольно трудоёмкую работу по вымочке лыка в каких-то колдобинах на волжской пойме, охрану опущенного в воду лыка и ещё какие-то мудреные операции по выделке мочала, требующие большой затраты сил и времени.

Наконец все работы закончены, мочало заготовлено в довольно большом, на его взгляд, количестве и отец едет в Казань искать потребителя. Возвращается он из Казани мрачный и неразговорчивый: оказывается, в Казани мочалом хоть пруд пруди и приходит оно туда в громадном количестве на многотонных

баржах. Некоторое время после этой неудачной попытки разбогатеть отец ходит хмурый и зло огрызается на подначку матери, а наше лыко тем временем преспокойно гниёт на месте его заготовки.

Но тут возникает и начинает осуществляться новый план, который уж наверняка обеспечит большие прибыли. Отец от знакомого механика узнаёт, что для буксирных пароходов, базирующихся на Паратский затон, требуется очень много дров. Поставка дров разыгрывается на торгах: кто дешевле предложит дрова, тот и получит лицензию на их заготовку со всеми вытекающими отсюда выгодными последствиями.

Недолго думая, отец решает стать лесозаготовителем. Приобретается билет на лесную делянку, закупаются топоры, пилы, и вся семья, бросив домашние дела, отправляется на лесозаготовку. Расчет отца, по сути дела, очень реален и прост. Заготовка дров, несомненно, обойдется нам значительно дешевле, чем нашим конкурентам – ведь мы будем заготавливать лес своими силами, за что ничего платить не надо, а нашим конкурентам придётся нанимать рабочих. Значит, разница в стоимости рабочей силы и будет тем козырем, которым отец побьёт своих соперников на торгах и будет, благодаря этому, монопольным поставщиком дров.

Но в этом весьма реальном плане был один существенный просчёт: силами одной семьи невозможно заготовить, то большее количество дров, которое требуется буксирам. И, следовательно, весь план отца оказывался построенным на песке. Так оно и получилось. Наступил день торгов, а на делянке отца сиротливо лежало десятка полтора сажень невывезенных дров. С такими запасами, как установил отец, нечего и нос показывать на торгах. Так отцветает, не успев расцвести, ещё одна попытка отца найти путь к богатству. Разница, по сравнению с заготовками лыка, та, что дровагодились нам самим, а лыко сгнило на просторах приволжских лугов.

Пережив горечь поражения с дровами, отец вскоре, поджываемый тем же самым знакомым механиком, который тоже был, очевидно, неисправимым мечтателем, вроде нашего отца, решил стать судовладельцем. От друга механика он узнал, что с торгов будет продаваться затонувший у берега затона большой деревянный дебаркадер. Начальная цена за этот дебаркадер назначалась смехотворно низкая – что-то вроде пяти, от силы десяти рублей. Продать же его обратно пароходству после незначительного ремонта, по словам механика, можно будет за тысячу рублей.

Помню, мы всей семьёй ходили смотреть на этот дебаркадер – источник нашего будущего богатства. Приткнувшись к берегу затона, стояла большая деревянная плавучая пристань с надстройками на верхней палубе. Длина этой пристани была никак не меньше 50 метров. Очевидно, баржа имела большую пробоину в днище, так как все внутренние помещения её были залиты водой. Сквозь прозрачную воду на дне баржи был виден толстый слой песка, нанесенного через пробоину. В воде, как в аквариуме, бойко плавала небольшими стайками мелкая рыбёшка.

Отец быстро прикинул, что из этой баржи в случае неудачи с ремонтом одних дров и разных железных скоб и болтов можно набрать на несколько сот рублей. И решил принять участие в аукционе.

Наступил торжественный день аукциона, который проходил в одном из просторных залов очень красивой императорской пристани, которая по миновании надобности стояла законсервированной в нашем затоне. Начальная цена за дебаркадер действительно была объявлена в пять рублей, но с каждым возгласом аукционщика цена эта всё ползла и ползла вверх, пока не достигла суммы не такой уж и маленькой, а именно ста рублей

– Кто больше? – воскликнул аукционщик.

– Сто один! – хрипло крикнул отец, освоившийся с порядками аукциона.

После этой цифры охотников нагонять цену больше не нашлось, и с третьим ударом молотка аукционщика отец стал владельцем дебаркадера.

Тут начались хлопоты с ремонтом нового приобретения. Прежде чем приступить к ремонту, необходимо было определить размеры повреждения, а для этого откачать из дебаркадера сотни тонн воды. На помощь опять пришёл знакомый механик. Он снабдил отца старенькой ручной помпой, и... начались казни египетские! Сколько времени длились эти мучения, я не помню, но отлично помню, что, несмотря на старания всех членов семьи, воды в трюме не убавлялось ни на сантиметр.

Единственным человеком, получившим от этой очередной выдумки отца хоть небольшую выгоду, был я. Пользуясь правами собственности, я не пускал на борт пристани никого, даже своих приятелей. Таким образом, я был монопольным владельцем всех запасов живой рыбы, плававшей в нашем судёнышке, как в рыбном садке. Пока старшие члены семьи надрывались над помпой, я сидел над трюмом с удочкой в руках и занимался рыбной ловлей!

Летом 1962 года я был на родине, и мы с Алексеем, вспомнив эту историю, установили, что она, не в пример другим попыткам отца разбогатеть, закончилась всё-таки довольно благополучно. Отчаявшись откачать воду, отец распилит дебаркадер на дрова и на выгодных условиях продал их затону. Пошли в дело и все железные болты и скобы, которых оказалось великое множество.

Самым интересным во всех этих финансовых похождениях отца было то, что он действительно мог извлечь из своих махинаций немалую пользу. Для этого только нужно было применить единственный источник всех богатств – наёмную рабочую силу. Ему по детской наивности в вопросах политической экономии казалось, что всего можно достичь собственными руками. Ходячую поговорку “От трудов праведных не наживёшь палат каменных” отец считал измышлением лодырей.

Но не все затеи отца оканчивались плачевно. Значительно позже описанных “операций”, уже во время Первой мировой войны, отец при помощи своего знакомого, бывшего сидельца казённой винной лавки Шляпина, перешедшего после закрытия винных лавок на работу в контору Верхне-Выксунского завода, взял подряд по пошивке большого количества обмундирования для военнопленных, приписанных к Выксунским заводам.

Обмундирование это было весьма несложным: куртка на хлопковой вате, штаны, гимнастёрка. Всё это шилось из так называемой “чёртовой кожи” защитного цвета. Фасон также был незамысловат и под силу к исполнению всем членам нашей семьи, включая меня. Правда, на мою долю выпала такая простая работа как стёжка ватной подкладки, но всё же... Этой работой наша семья была загружена в течение длительного времени. Под конец пришлось принять в пай нескольких портных из села Урванова, что за рекой Окой сразу же против пристани Досчатое, и поделиться с ними барышами.

Помимо солидной суммы, на долю отца пришлось большое количество остатков материала в виде разных обрезков размером от 10 сантиметров до метра. Эти обрезки оченьгодились нам в тяжёлые годы голодухи. Из них отец мастерил различную одежду, преимущественно детскую, он очень выгодно менял её в деревнях на продукты. Благодаря этому в тяжёлые годы войны и, особенно во время голода в Поволжье, наша семья питалась довольно сносно, хотя и не так сытно, как в довоенные годы.

Кроме нас самих на довольствии нашей семьи негласно состояло большое племя Лопуховых. Сам Лопухов, как я его помню, всё время пил горькую, и семья его постоянно голодала. Наша мать очень любила свою старшую дочь, мою крёстную, Марию, вышедшую замуж за одного из Лопуховых. Она выручала её из тяжелого положения тем, что без ведома отца ссужала её то ведром картошки, то мешочком муки. Позднее эти подарки превратились в постоянную помощь очень большими

порциями. Это не могло не сказаться на положении нашей семьи, и сильно раздражало отца. Но он ничего не мог поделать, а иногда и сам, зайдя к Лопуховым и видя, что они сидят без хлеба, отправлялся в лавку и возвращался оттуда с буханками хлеба и другой снедью. Отец молча клал все эти продукты на стол в кухне Лопуховых и так же молча удалялся.

Несмотря на грозный вид и показную суровость, наш отец был добрым и отзывчивым человеком. Этой добротой широко пользовались окружающие, но, к сожалению, очень редко отвечали на его доброту взаимностью».

От себя добавлю: неблагодарность и поныне «норма» поведения наших с вами соотечественников, проистекающая из какой-то особенности нашей жизни, а возможно, и национального характера...

Василию Петровичу Буданову, в общем-то, повезло. Он не только не был репрессирован, как многие другие предприимчивые люди его поколения, но счастливо избежал гонений при советской власти. Дожил до преклонных лет, умер в своём доме, будучи окружён близкими людьми.

Буянов Василий Иванович (кр-н д. Черной). Торговля из клети в д. Черной (уничтожена пожаром около 1912 г.).

Валенков Иван Федорович. Мануфактурная лавка в с. Выкса (закрыта с 1 января 1903 г.). Недоимки и пени с него не удалось взыскать по 1906 г. по неимению имущества, на которое можно было бы обратить взыскание.

Васиков (Васяков) Григорий. Постоялый двор в д. Семилово (сгорел ок. 1901 г.).

Васильев Дмитрий Васильевич. Шерстобитное заведение (сломано в 1909 г.).

Вдовин Дмитрий Федорович (кр-н с. Полдеревка). Дегтярный завод.

Вдовины: Семен, Василий, Александр. **Дегтярный завод (точное местоположение неизвестно).**

Вдовин Василий Антонович. **Мелочная лавка в д. Грязной.**
Вдовин Иван Антипович (кр-н д. Грязная). **Хлебный амбар.**
Веретенев Николай Михайлович (кр-н с. Мотмос). **Мелочная торговля из амбара в с. Мотмос.**

Викулов Дмитрий (кр-н д. Мотмос). **Мелочная торговля в д. Мотмос (около 1914 г.).**

Виноградов Михаил Федорович (из с. Досчатого). **Торговля мясом в с. Выкса.**

Власов Иона Севастьянович. **Кондитерская в с. Выкса (до 1910 г.).**

Волков Сергей Иванович. **Мясная лавка.**

Герасимов Егор Григорьевич. **Мелочная лавка в с. Сноведь.**

Глебов Иван Иванович. **Пекарня.**

Глотова Елена Ивановна. **Бакалейная лавка в с. Выкса (закрыта в 1901 г.).**

Голованов Леонид Павлович (куп.). **Владелец кожевенной лавки (в здании будущего магазина № 10 торговля обувью, шорными товарами).**

Голованов Павел Леонидович, сын Л.П. Голованова (в доме Головановой Матрены Васильевны). **Кожевенная лавка в с. Выкса.**

Голованова Авдотья Дмитриевна. **Мануфактурная лавка.**

Голованова Пелагея Яковлевна. **Мануфактурная торговля в с. Выкса.**

Голубев Алексей Фролович. **Мелочная лавка в с. Шиморском.**

Голубев Михаил. **Мелочная лавка в с. Шиморском.**

Голубев Степан Кириллович. **Квартира страхового агента в с. Шиморском.**

Гонсулин (?) Алексей Иванович. **Мелочная лавка в с. Велетьма.**

Горина Евдокия Тимофеевна (Дмитриевна?) **В с. Выкса пивные лавки на Базарной площади в помещении, арендованном у Александра Ивановича Куракина, и на Нижнем заводе, в здании, арендованном у Аксины Павловны Юшевой. Пивной склад в доме Муфтелёва Ивана Васильевича (в 100 саженях от Базарной площади). Возможно, пиво было собственного производства.**

Гришунин Василий. **Ветряная мельница и круподерка в д. Проволочное (к 1 января 1909 г. несуществующие).**

Грушин Василий Васильевич (кр-н д. Филатовой). **Смольное и дегтярное заведение (с. Шиморское? Уничтожено в 1909 г.).**

Гудина Татьяна Григорьевна. **Молочная лавка.**

Гудсков (Гуцков) Ефим Матвеевич. **Трактир в с. Сноведь (закрыт в июле 1901 г.).**

Гурикова Мария Михайловна. **Бакалейная торговля в с. Велетьма.**

Гусев Ефим Максимович (кр-н д. Старой Вереи). **Хлебная и бакалейная лавка (торговля прекращена в 1908 г.).**

Дегтев Иван Иванович. **Бакалейная и мелочная лавки в с. Семилове (возможно, от ОВГЗ).**

Деев Петр Яковлевич. **Бакалейная лавка в с. Выкса.**

Деева Екатерина Константиновна. **Бакалейная лавка (1902 г.).**

Денисов Максим Михайлович. **Кирпичный сарай в д. Ляпухе (примерно с 1897 г., закрыт с 1 января 1907 г.).**

Денисов Павел Федорович. **Сапожная мастерская.**

Дерюгин Никита Макарович (кр-н с. Домнино Меленковского уезда). Постоялые дворы в с. Семилове в домах кр-н того же села: Николая Яшина, Александра Алексеевича Куликова, Васинова, Андрея Горбатого и Максима Куликова (1895 г.).

Дикарева Евдокия Харитоновна. Мелочная лавка в д. Проволочной.

Дмитриев Алексей Васильевич (кр-н д. Тамболес). Шерстобойное заведение.

Дмитриев Дмитрий Васильевич. Шерстобойное заведение в Шиморской волости. (сломано в 1909 г.).

Дмитриев Егор Васильевич (кр-н д. Тамболес). Мелочная торговля в д. Тамболес.

Добродеев Василий Иванович (в доме Мясниковой Надежды Филипповны). Торговля готовым платьем.

Дроздов Егор Степанович (кр-н д. Купреево). Кузница в Шиморской вол. (уничтожена в 1909 г.).

Дугарева Елизавета Филипповна. Бакалейная и мануфактурная лавки (в документах 1911 г. о ней как о покойной; дается поручение выяснить, производится ли в доме Дугаревой галантерейная и мануфактурная торговля, перешедшая от М.П. (И?) Серебрякова по окладному листу. Ф. 1852, оп. 2, ед. хр. 6, л. 19).

Дугарев Николай Николаевич. Торговля готовым платьем. Чайная столовая (закрыта с 1 января 1907 г.).

Дятлов Илья Григорьевич. Трактир в с. Виля (к 1906 г. помещение не существует).

Евдокимов Федор Иванович. Постоялый двор в с. Полдеревка.

Елизарова Мария Григорьевна. Бакалейная лавка в с. Велетьма.

Елисеев Иван Тимофеич (с. Семиус, Касимовского уезда). Мелочная лавка в с. Ново-Дмитриевка.

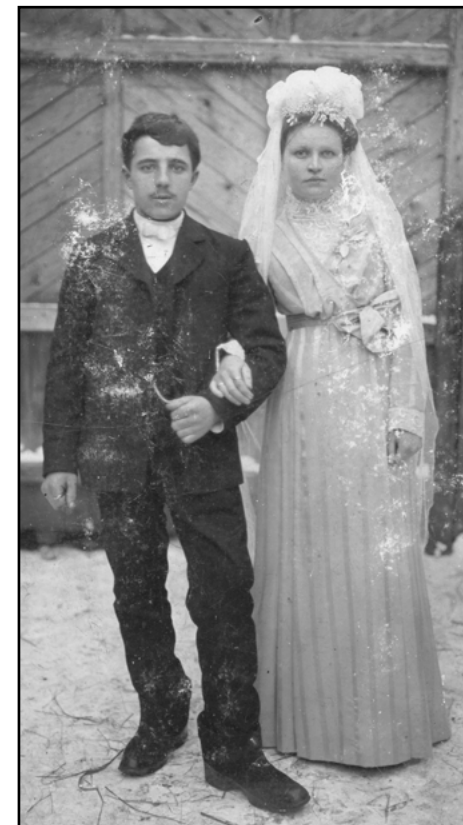
Елистратов Андрей Иванович. Торговля шапками и картузами в с. Выкса.

Еремин Василий Емельянович. Мелочная лавка в доме Парамоновой Прасковьи Емельяновны в с. Выкса.

Еремин Иван Афиногенович. Бакалейная и хлебная торговля (хлебопекарня). Мучно-хлебный амбар (Базарная площадь).

Наследники Ермолаева. Пивная лавка и оптовый пивной склад в с. Выкса, в доме Елизаветы Филипповны Дугаревой, на Базарной площади.

Ермолаев Николай Тимофеич (кр-н с. Полдеревка). Дегтярный завод в с. Полдеревка.

Ершова Мария Петровна. **Калачное и чайное заведение (чайная лавка) в с. Выкса (1912 г.).**

Жарков Александр Ефимович. **Мелочная лавка в д. Осиповка.**

Жарков Андрей Петрович (кр-н д. Тамболес) **Мелочная лавка (возможно в Усадской волости).**

Жаров Андрей Семенович. **Хлебопекарня, мучно-хлебный амбар и бакалейная лавка в с. Виля.**

Железников Николай Валерьянович. **Передвижная паровая лесопилка (есть основания предполагать, что использовалась в Шиморской вол.).**

Жукова Антонина Петровна. **Бакалейная лавка в с. Выкса.**

Захаров Александр Петрович. **Торговля мясом (Ф. 1852, оп. 2, л. 193).**

Захаров Василий Иванович. **Мелочная лавка в с. Выкса в доме Кубарева (закрыта с 1 января 1902 г.).**

Забегаев Петр Иванович. **Винная лавка в с. Выкса (закрыта в 1899 г.).**

Захаров Андрей Васильевич (мастеровой с. Виля). **Бакалейная лавка в с. Виля (сгорела 8 февраля 1909 г.). Помещение казенной винной лавки (сгорела в первой половине 1910 г.).**

Захаров Василий Иванович. **Бакалейная лавка в д. Проволочная (закрыта в 1899 г.).**

Захаров Иван Васильевич. **Хлебная лавка. Мучно-хлебный амбар в с. Выкса.**

Захаров Митрофан Матвеевич. **Шорная лавка в с. Выкса.**

Захаров Николай Иванович (кр-н д. Песочной). **Лавка (уничтожена ок. 1905 г.).**

Захаров Федор Ильич. **Мелочная лавка в д. Антоповке.**

Захаров Яков Васильевич. **Хлебопекарня, бакалейная лавка в с. Выкса.**

Зверьковы (со слов Н.А. Князевой). **Торговля зеркалами и посудой.**

Здобнова Мария Васильевна. **Мелочная лавка в д. Старой Верее.**

Зубаков Иван Иванович. **Трактир в д. Проволочной (закрыт в 1899 г.) и бакалейная лавка там же (примерно с 1899 г., а закрыта с 1 января 1909 г.).**

Иванов Дмитрий Макарович (елатомский мещ-н). **Бакалейная и хлебная торговля в с. Выкса, в здании на базарной площади, арендуемом у ардаатовской мещ-ки Липковой Екатерины Михайловны (1895 г.).**

Иванов Иван Иванович. **Мелочная лавка в с. Выкса (закрыта в янв. 1917 г.).**

Иконников Алексей Васильевич. **Бакалейная и хлебная торговля.**

Ильичев Максим Антонович. **Мануфактурная лавка в с. Выкса (прекратила существовать в 1910 г.).**

Ильичев Осип Прохорович (кр-н с. Шиморского). **Складочный амбар (уничтожен с 1 янв. 1909 г.).**

Ионов Алексей Ермолаевич (кр-н с. Кузьмины Бутурлицкой волости Меленковского уезда). **Часовая мастерская в с. Выкса (1911 г.).**

Ионов Сергей Корнилович (Корнеевич?), (кр-н с. Мотмос). **Мелочная торговля в с. Мотмос.**

Исаев Михаил Михайлович. **Бакалейная лавка в с. Выкса.**

Исаев Николай Павлович. **Сапожная лавка в с. Виля.**

Казаровы (со слов Н.А. Князевой). **Гастрономическая торговля.**

Калинин Матвей Андреевич. **Постоялый двор в с. Выкса (ф. 1852, оп. 1, д. 9, л. 6).**

Кальпицын Иван Иванович, мастеровой с. Виля. **Винная лавка в с. Виля (закрыта в 1899 г.).**

Каляшин Михаил Михайлович. Мелочная лавка в с. Шиморском (до 1 янв. 1914 г.).

Капустин Иван Егорович. Бакалейная лавка в с. Сноведь.

Капустин Павел Иванович (муромский мещанин). Типография. Располагалась в доме Шарова (ф. 1852, оп. 2, д. 6, л. 118).

Карнаев Иван Васильевич (кр-н с. Полдеревка). Дегтярный завод, ветряная мельница в с. Полдеревка (упоминается в док. 1915 г.).

Кашичкин (?) Яков Иванович. Мелочная лавка в с. Ново-Дмитриевка.

Кожевников Иван Степанович. Торговля шапками и картузами в с. Выкса.

Кожин Василий Алекс. Постоялый двор в с. Семилове.

Козлов Иван Архипович. Бакалейная лавка с 1 июля 1902 г.

Козлов Иван Васильевич. Портерная и калачная в с. Выкса (закрываются в 1899 г.).

Козяков Яков Иванович. Мелочная лавка в с. Сноведь.

Коннов Яков Ефремович. Мануфактурная лавка в с. Виля.

Колобаев Федор Дмитриевич. Мелочная лавка в д. Чупалейка.

Колобов Петр Васильевич. Овчинное в д. Чупалейка (1914 г.).

Коломенский Иван Васильевич. Мануфактурная лавка в с. Выкса, на Базарной площади.

Колпицын (Кальпицын) Иван Иванович (мастер. проволочной фабрики). Бакалейная лавка в с. Виля. Винная лавка там же (закрывается в 1899 г.).

Колышкин Михаил Федорович. Мелочная лавка в с. Выкса (в доме Короткова Михаила Тимофеевича).

Комисаров Николай Панфилович (кр-н с. Шиморского). Торговый амбар (закрывается с 1 января 1898 г.).

Комисаров Сергей Панфилович (кр-н с. Шиморского). Торговый амбар (закрывается с 1 января 1898 г.).

Кондратов Павел Иванович (кр-н с. Песочного). Кузница (продана с торгов на слом до 1910 г.).

Конышев Григорий Иванович. Сапожная лавка в с. Выкса (закрывается с 1908 г.).

Конышев Федор Архипович (кр-н д. Грязная). Мелочная лавка.

Копейкин Дмитрий. Мелочная лавка в д. Чупалейка (1902 г.).

Копейкин Никита (кр-н д. Чупалейка). Сукновальня.

Копейкин Павел Анисимович. Мелочная лавка в д. Чупалейка (закрывается с 1 января 1902 г.).

Копейкин Петр Николаевич (кр-н д. Чупалейка). Шерстобойня и сукновальня.

Копейкина Мария Ивановна. Мелочная лавка в д. Чупалейка.

Копытин Иван Васильевич (крестьянин с. Орлова Кара-чаевской волости Муромского уезда). Пекарное заведение в доме Лачугина.

Коржин (Кожин?) Дмитрий Никифорович. Постоялый двор в с. Семилове (закрыт с 1 ноября 1913 г.)

Коробов Павел (кр-н с. Мотмос). Бакалейная торговля в с. Мотмос.

Королева (?) (в доме Маркова Федора Марковича). Торговля готовым платьем в с. Выкса.

Костин Андрей А. Бакалейная лавка в д. Проволочной.

Котельников Иван Иванович. Мануфактурная лавка (сломана к 1912 г.), бакалейная лавка в с. Выкса.

Котельникова Анна Алексеевна. Мануфактурная лавка в с. Выкса.

Котровская Екатерина Васильевна. Бакалейная лавка в с. Виля.

Корчагин Панфил Илларионович. Круподерка в д. Черной (уничтожена за ветхостью до 1914 г.).

Кошелев Николай Михайлович. Дегтярный завод в с. Полдеревка.

Кошелев Павел Михайлович. Мелочная лавка в с. Полдеревка.

Кошелев Степан Гаврилович. Мелочная лавка в с. Полдеревка.

Краснобаев Иван Семенович (кр-н с. Полдеревка). Ветряная мельница в с. Полдеревка.

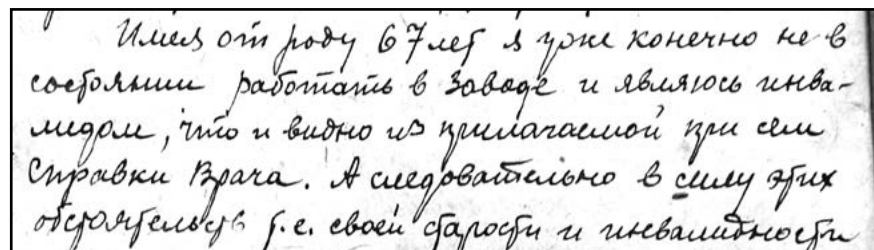
Крекина Анна Никитична. Мануфактурная лавка в с. Выкса.

Круглова Елена. Калачная в с. Виля (закрыта с 1 января 1902 г.).

Крупенников Ерофей Варфоломеевич. Из с. Дудор Закочинской волости Меленковского уезда. Трактир с продажей вина.

Кубарев Николай Петрович. Квасные и фруктовые воды (Нижний завод), бакалейная лавка в доме Котельникова Василия Ивановича. Лавка с продажей фруктовых вод и какое-то время винная лавка. После революции «лишенец». Занимается торговлей по патенту 1-го разряда. Безуспешно пытался восстановиться в правах. Ему отказывали под тем предлогом, что он был подрядчиком и крупным торговцем и что с 1926 г. возобновил изготовление фруктовых вод «преследуя цель легкой наживы» и «в силу отсутствия у него 5-ти летнего общественно-полезного труда».

В свое жалобе, адресованной в краевую избирательную комиссию, Николай Петрович напоминал о том, что с 1892 по 1909 г. он работал на Нижне-Выксунском заводе, большую часть времени – рядовым рабочим, а в 1897–1898 гг. был старшим артели по подвозке топлива на генератор. С 1909 по 1920 г. на своей лошади занимался ломовым извозом. Потом около 2 лет был сторожем на заводе. А с 1926-го занялся производством фруктовых вод («единолично, без применения наемной силы»).

Имею от роду 67 лет и уже конечно не в сообразили работать в заводе и являюсь инвалидом, что и видно из прилагаемой при сем справки Врача. А следовательно в силу этих обстоятельств с.е. своей старости и инвалидности

В «Книге памяти жертв политических репрессий в Нижегородской области» т. 3 приводятся такие сведения о дальнейшей его судьбе. Николай Петрович Кубарев, 1864 г.р., уроженец с. Борковки Выксунского р-на, житель г. Выксы, безработный.

Арестован 26.12.37 г. Приговорён «тройкой» 04.01.38 г. к ВМН. Расстрелян 16.01.38 г.

«Крупному подрядчику и торговцу», в котором разглядели опаснейшего врага, было порядка 73 лет. Кому и как он мог навредить?

Кудасов Андрей Терентьевич (кр-н д. Старой Вереи). Кузница (сломана до 1910 г.).

Кузнецов Дмитрий Дмитриевич. (кр-н с. Полдеревка). Питейный дом на помещицкой земле с. Ново-Дмитриевка Верхнежелезницкой волости, открытый ок. 1884 г. (сумма обложения 600 руб., окл. сбора – 6 руб. 54 коп.), хлебный амбар (мучная лавка) в с. Полдеревка, в собственном кирпичном доме, крытом железом (сгорел в 1902 г.). По сведениям 1895 г. она располагалась в комнате 1-го этажа с 5 окнами, размерами 3 на 2 арш., высотой – 2,5 арш.

Кулев Алексей Зиновьевич (кр-н с. Верхняя Верея). Мелочная лавка, смольное заведение (уничтожено в конце 1906 г.).

Куликов Александр Александрович. Постоялый двор в с. Семилове (1912 г.).

Куликов Иван Егорович. Постоялый двор в с. Семилове (закрыт в марте 1911 г.).

Куликов Иван Иванович. Бакалейная в с. Семилове.

Куликов Василий Алексеевич. Постоялый двор в с. Семилове.

Куликова Ирина Даниловна. Бакалейная лавка в доме Куликова Ивана Ивановича в с. Семилове.

Купцов Иван Трифионович. Мельница в с. Ново-Дмитриевка (1915 г.).

Куракин Александр Иванович. Пивная лавка в с. Выкса (1912 г.)

Кургузов Иван Дмитриевич (кр-н с. Губцева). Бакалейная лавка (до 1907 г.).

Кутырев Сергей Иванович. Бакалейная лавка и хлебопекарня (Нижний завод), казенная винная лавка с 1 июля 1901 г.) в с. Выкса. Упоминается и числе мясоторговцев.

Павел Сергеевич Кутырев, (сын Сергея Ивановича?). Упоминается в архивных документах 1912 г. как владелец бакалейной лавки. По другим источникам в 30-х гг. держал красильную мастерскую. В «Книге памяти жертв политических репрессий» обнаружилось сведения о трагической судьбе Сергея Ивановича. 1871 г.р., уроженец с. Ляхи Ляховского р-на, житель г. Выксы, кладовщик дворового цеха Выксунского металлургического з-да. Арестован 19.10.37 г. Приговорён «тройкой» 22.12.37 г. к ВМН. Расстрелян 03.01.38 г.

Кутырева Наталья Трофимовна. Бакалейная лавка в с. Выкса. Винная лавка в д. Борковке (закрыта с 1 янв. 1898 г.).

Лабутин Андрей Федорович (кр-н с. Песочного). Мелочная лавка (закрыта с 1912 г.).

Лабутин Никита Яковлевич (кр-н с. Песочного). Мелочная лавка (закрыта в 1909 г.).

Лабутин Семен Иванович (кр-н с. Мотмос). Бакалейная каменная лавка в с. Мотмос.

Лабутина Наталья Павловна (кр-ка с. Песочное). Хлебная и мануфактурная торговля в с. Песочное.

Ладугин Андрей Осипович (кр-н с. Нижняя Верея). Торговля в каменной палатке (в Шиморской вол.).

Ладугин Владимир Власович (кр-н д. Нижней Вереи). Смольное заведение (уничтожено в августе 1908 г.).

Лазутов Иван Васильевич (кр-н с. Шиморского). Мукомольная мельница с недейств. двигателем. Мучно-хлебный амбар в с. Выкса, в доме Сазонова Василия Игнатьевича.

Лазутов Василий Александрович. Бакалейная лавка в с. Шиморском (закрыта с 1 янв. 1910 г.).

Лапшина Екатерина Павловна. **Бакалейная лавка в доме Лапшина Николая Ивановича в с. Ново-Дмитриевка.**

Лачугин Федор Степанович. **Трактирное заведение.**

Лачугина Матрена Павловна – чайная в с. Выкса. В некоторых источниках упоминается трактир и хлебопекарня. Постоялый двор в с. Выкса был закрыт с 1 января 1907 г., но потом видимо восстановлен. В мае 1913 г. означенная особа

дала письменное обязательство полицейскому начальнику: «... Обязуюсь для записывания фамилий своих постояльцев и их паспортов иметь особую книгу и немедленно объявлять полиции о прибывающих и убывающих».

Лебедев Тимофей, (кр-н д. Федотово). **Торговая лавка в Досчатинской вол. (прекращена в 1908 г.)**

Леонов Василий Силович (Силантьевич?). **Мануфактурная лавка в с. Выкса, торговля шапками и картузами (Базарная площадь), готовым платьем.**

Леонов Василий Васильевич. **Мануфактурная лавка в с. Выкса, торговля шапками и картузами здесь же.**

Лепилкина Анна Ивановна (мастеровая с. Выксы). **Мануфактурная лавка в с. Выкса, на Базарной площади. Парфюмерная и галантерейная торговля (по утверждению Н.А. Князевой, подтверждающемуся архивными данными; полицейский надзиратель упоминает ее в рапорте как особу,**

осуществляющую торговлю парчой).

Лескин Петр Филиппович – с. Полдеревка.

Лизунова Мария Даниловна (кр-ка д. Верхней Вереи). **Хлебная лавка (закрыта с 1912 г.).**

Липатов Михаил Липатович (кр-н д. Ст. Вереи). **Хлебная и бакалейная торговля.**

Липков Филипп Яковлевич. **Трактир и винная лавка в с. Выкса (встречено упоминание о том, что его наследники держали оптовый пивной склад от Ермолаевых с 1 июля 1901 г.).**

Липкова Екатерина. **Сапожная лавка в с. Выкса (закрыта в 1899 г.).**

Лисин Дмитрий Абрамович (кр-н д. Чупалейки). **Крупчатка (крупорушка?) в д. Полдеревке открыта ок. 1884 г. (сумма обложения 348 руб., окл. сбор – 80 руб. 25 коп.), просянка.**

Логинова Авдотья Александровна. **Мелочная лавка в доме Логинова Андрея Абрамовича в д. Чупалейке.**

Логинова Мария Ивановна. **Мелочная лавка в с. Выкса.**

Локтева Дарья Григорьевна (кр-ка д. Черной). **Мануфактурная лавка (торговля производится только по базарным дням) в собственном деревянном (без фундамента, крыша железная) одноэтажном здании, но на земле Выксунского заводууправления, на Базарной площади. Помещение без окон, лавка ларем (прилавок открытый), не отапливаемая.**

Длиною по улице 7 арш., шириною 33/4 арш., «вышиною» 23/4 арш. (данные на 9 сентября 1895 г.).

Лопатин И.Т. (мастер). **Мелочная лавка в с. Сноведь.**

Любкина Елизавета Тимофеевна. **Мелочная лавка в с. Выкса.**

Магнитский Василий Владимирович. **Мелочная, хлебная лавка (калачное заведение) в с. Виля, в доме Колпицына (примерно с 1902 г.).**

Мазурин Николай Иванович (кр-н д. Алешино). **Колоколотейный завод в с. Досчатом (уничтожен осенью 1913 г.), мануфактурная, бакалейная и хлебная торговля (Досчатинская вол.).**

Мазурин Павел Егорович. **Мелочная лавка в с. Ново-Дмитриевка.**

Майорова Евдокия Алексеевна. **Бакалейная лавка.**

Макаров Александр Гаврилович. **Мясная лавка в с. Выкса.**

Макаров Андрей Петрович (мещ-н г. Меленки). **Трактирное заведение в с. Досчатом, деревянная бакалейная лавка на Досчатинской пристани (не существует с 1912 г.)**

Макаров Ефим Алексеевич. **Мелочная лавка в с. Песочном.**

Макаров Петр Николаевич. **Постоялый двор в с. Ново-Дмитриевка.**

Макаров Петр Федорович. **Мануфактурная лавка в с. Выкса.**

Максимов Дмитрий Васильевич. **Бакалейная лавка в с. Выкса (закрыта в 1901 г.). Недоимки и пени с него не удалось взыскать по 1906 г. по неимению имущества, на которое можно было бы обратить взыскание.**

Максимов Максим Афанасьевич. **Бакалейная лавка в с. Выкса. В документах 30-х гг. XX в. держал парикмахерскую.**

Максимов Никифор (кр-н д. Верхней Вереи). **Смольное заведение (уничтожено с 1891 г.).**

Максимова Екатерина Степановна (кр-ка д. Фурсово Меленковского уезда Владимирской губ.). **Бакалейная лавка в с. Выкса, в помещении, арендуемом у мастеровой с. Выкса Пискаревой Елены Николаевны (1895 г.).**

Малкин Ефим Михайлович. **Торговля шапками и картузами в с. Выкса.**

Малкина Евдокия Федоровне. **Торговля шапками и картузами в с. Выкса.**

Мальков Михаил Иванович (кр-н с. Тамболес). **Постоялый двор в доме кр-на Ровнова Петра Ивановича.**

Малькова Вера Николаевна (мастеровая Проволочной фабрики). **Бакалейная лавка в с. Виля.**

Маркин (Марков) Федот Маркович. **Хлебопекарня, торговля железным товаром в с. Выкса. Малярная мастерская. Торговля готовым платьем (закрыта с 1 января 1906 г.).**

Маслов Максим Гаврилович – **постоялый двор в с. Семилове.**

Матвеев Сергей Леонтьевич. **Дегтярный завод в с. Ново-Дмитриевка (сгорел в 1902 г.).**

Матюгин Иван Павлович (кр-н с. Мотмос). **Торговый амбар (закрыт с 01.01.1909 г.), картофельно-терочное заведение с конным приводом (уничтожено пожаром 21.10.1908 г.).**

Махняев Михаил Степанович. **Бакалейная лавка в с. Ново-Дмитриевка. Дегтярный завод (к 1906 г. не существующий).**

Махров (Мохров) Алексей Семенович. **Казенная винная лавка с 1 июля 1901 г., бакалейная лавка в доме Кредитного товарищества в с. Ново-Дмитриевка.**

Медведев Иван Егорович (кр-н д. Черной). **Мелочная лавка (уничтожена пожаром в 1912 г.).**

Мелешин Василий Иванович (кр-н д. Власовой, Салат. в., Ел. у.). **Деревянный торговый амбар в с. Досчатом.**

Мельников Григорий Петрович (кр-н д. Борковки). **Кузница (продана с торгов на слом полиц. управ.).**

Мельников Егор Герасимович. **Калачная в с. Сноведь от Беляева.**

Миляев Михаил Антонович (кр-н с. Шиморского). **Мелочная лавка.**

Минеев Семен Иванович (кр-н д. Тамболеса). **Помещение винной лавки (со второго полугодия 1890 г. не была открыта).**

Миронова Авдотья. **Лавка готового платья в с. Выкса.**

Мирошина Аграфена Кузьминична. **Мелочная, мануфактурная лавка в с. Виля.**

Митенков Павел Васильевич (из с. Ляхов). **Деревянная лавка, торгующая хлебным товаром в с. Досчатом (не существует с 1 января 1914 г.).**

Митрофанов Петр Гаврилович. **Дегтярня в д. Чупалейке (1914 г.).**

Михеев Николай Парамонович (кр-н д. Нижней Вереи). **Мелочная лавка (закрыта с 1 янв. 1909 г.).**

Михеева Екатерина Львовна (кр-ка д. Песочной). **Торговая лавка (на 1898 г. не открыта).**

Мичурин Василий Ефимович. **Мелочная торговля в д. Осиповке.**

Можаев Степан Иванович. **Кузница в с. Чупалейка (на 1914 г.).**

Молоков Иван Григорьевич. **Пивная лавка в с. Виля.**

Молотков Павел Егорович. **Торговля железным товаром в с. Выкса.**

Мольков (Мальков?) Иван Григорьевич. **Бакалейная лавка в с. Виля. Колбасная лавка (Базарная площадь, в доме Максимова Максима Афанасьевича).**

Монахов Павел Федорович. **Бакалейная лавка в с. Выкса (на 1909 г. подтверждено).**

Монахова Екатерина Михайловна. **Бакалейная лавка в с. Выкса (Базарная площадь).**

Морозов Иван Иванович (кр-н с. Домнино Меленковского уезда). **Винная лавка в с. Семилове в доме кр-на Ивана Петр. Фролова (1895 г.).**

Мошков Василий Федорович (кр-н с. Верхняя Верея). **Мелочная лавка.**

Мошков Николай Федорович (кр-н с. Верхняя Верея). **Мелочная лавка.**

Мошков Николай Никифорович (кр-н с. Верхняя Верея). **Смольное заведение (уничтожено в 1906 г.).**

Муфтелев Иван Васильевич. **Оптовый пивной склад (до 1910 г.), торговля швейными машинками от К^о «Зингер» (ок. 1912 г.).**

Мыслин Иван Андреевич (в др. источниках – Андрей Иванович). **Мануфактурная лавка в с. Выкса.**

Мысягин Николай Трофимович. **Мануфактурная лавка в с. Выкса.**

Назаров Иван Архипович. **Бакалейная лавка.**

Назаров Петр Алексеевич. **Постоялый двор в с. Выкса (закрыт с 1 января 1907 г.).**

Наумов Николай Григорьевич. **Мелочная лавка в с. Досчатом (закрыта с января 1907 г.).**

Нехорошев Владимир Владимирович. **Хлебопекарня в с. Выкса, на Нижнем заводе и булочная на Базарной площади.**

Нехорошев. **Трактир на Базарной площади (со слов Н.А. Князевой).**

Нехорошева-Смирнова Ираида Владимировна. **Чайная в с. Выкса, на Базарной площади.**

Нехорошева Анна Андреевна. **Калачная.**

Нехорошева Мария Васильевна (мещ. г. Муром). **Чайное заведение (находится на первом этаже собственного нового деревянного двухэтажного здания без фундамента с железной крышей, принадлежащем ее мужу, но на земле заводоуправления, на Базарной площади), калачная – подвальном**

этаже того же дома. Чайная располагается в одной комнате (в длину ко входу 17 арш., шириной 10 арш. 13 вер. и «вышиною» 3 арш. 13 вер.). В 1911 г. ходатайствовала о разрешении иметь при заведении бильярд (Ф. 1852, оп. 2, ед. хр. 6, л. 44).

...Кто полагает, что представители торгового люда начала прошлого века сильно отличались от некоторых из своих нынешних «коллег», тот сильно заблуждается. Если вы видели хорошо сохранившийся экземпляр открытки с видом на Базарную площадь села Выкса или ее отчетливую репродукцию, то не могли не заметить: на переднем плане большущая лужа. Масштаб изображения не позволяет рассмотреть детали помельче, но куда более «живописные»! Лужа, что, это – стихийное бедствие. А вот прочие атрибуты антисанитарии, надо полагать, даже нас, не забалованных рафинированной чистоплотностью представителей данного цеха, повергли бы в шок.

Вот документ, которому можно верить.

«19 июля 1913 г.

Мы, нижеподписавшиеся содержатели трактиров, пивных лавок и чайных заведений в с. Выкса выдали настоящую подписку Выксунскому полицейскому надзирателю в том, что мы обязуемся в открытых торговых заведениях содержать полнейший порядок и чистоту, а также и около наших торговых заведений. На улицах обязуются очистить весь мусор, навоз и прочие другие нечистоты на расстоянии 3 аршин от наших торговых заведений... и порядок мы должны соблюдать ежедневно, а в случае чего ответим по закону. А также свиней на волю не пускать, кроме пастбища, с пастухом.

В. Нехорошев, Ив. Татаринов, И. Смирнова...» и еще две подписи неразборчиво.

Сохранились в архивном деле и другие любопытные свидетельства. Например, обязательство владельца мясной лавки покрасить прилавок белой краской или покрыть «оцинковкой»...

Так что легкие выволочки и штрафы, которые получают сегодня владельцы ларьков, павильонов и прочих всяких «маркетов», не есть нечто новое в этом уголке «подлунного»!

Но вернемся к нашему делу, изучению персонального состава торгового и промыслового люда дореволюционной Выксы...

Новожилов Михаил Платонович. **Швальня одежды.**

Оревин Абрам Осипович. **Квартира пристава.**

Орлов Андрей Яковлевич. **Часовая мастерская (Базарная площадь).**

Орлов Василий Дорофеевич (кр-н с. Нижняя Верее). **Мелочная лавка. Закрыта в 1910 г. В документах советского времени занимался переработкой кожаного сырья.**

Орлов Николай Михайлович. **Бакалейная лавка в с. Семилове (на 1907 г.).**

Осипов Василий Гаврилович. **Мелочная лавка в с. Полдеревка.**

Осипов Дмитрий Карпович (кр-н с. Песочного). **Овчинное заведение (за ветхостью сломано в 1909 г.).**

Осипов-Пакин Иван Алексеевич. **Пекарня и мелочная лавка в с. Полдеревка.**

Панкратов Роман Никитович. **Казенная винная лавка в с. Сноведь.**

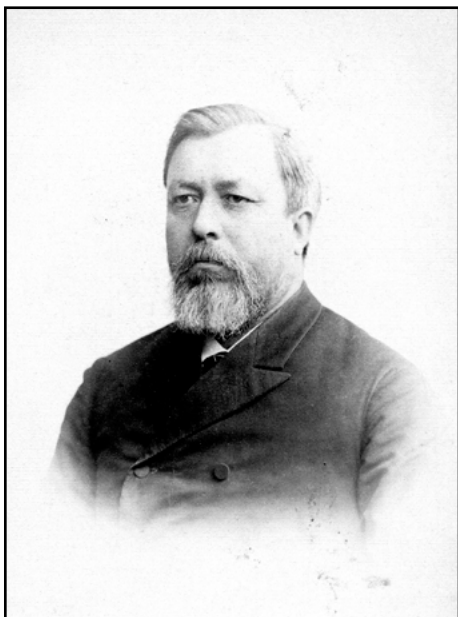
Панкратов Роман Николаевич (мастер. с. Сноведь). **Мелочная лавка.**

Пантелеев Василий Васильевич. **Мелочная лавка в Нижней Верее.**

Пантелеев Максим. (кр-н д. Нижней Верее). **Смольное заведение (сломано в 1909 г.).**

Пеплов Иван Иванович (кр-н с. Мотмос). **Шерстобитное заведение (ок. 1911).**

Перевезнов (Пепевезенов?) Иван (кр-н с. Мотмос). **Мелочная торговля в с. Мотмос.**

Перепелов Григорий (кр-н д. Нижней Верей). Торговая лавка (закрыта с 1 июля 1909 г.).

Петров Василий Николаевич. Бакалейная лавка в с. Полдеревка в доме Пищаева Михаила Тимофеевича.

Пичугин Василий Иванович (кр-н с. Чупалейка). Хлебная лавка. Мучно-хлебный амбар (Базарная площадь).

Пичугин Федор Иванович. Ветряная мельница в д. Чупалейка (1915 г.).

Пичугина Мария Дмитриевна. Бакалейная лавка в д. Чупалейка.

Погрузова Марфа Алексеевна. Мелочная лавка в с. Выкса (закрыта в 1899 г.).

Пономарев Иван Дмитриевич. Ведерная лавка в с. Выкса (закрыта с 1 января 1899 г.). Владелец помещения, арендуемого под казенную винную лавку (с 1 июля 1901 г.).

Поздина Анна Ивановна. Мелочная лавка в с. Выкса (в доме Поздина Василия Ивановича).

Пойков Яков Андреевич (кр-н д. Азовки). Деревянная лавка на Досчатинской пристани (ок. 1911).

Попков Яков Андреевич. Бакалейная лавка в Досчатинском з-де (не существует с 1912 г.).

Порхачев Павел Федорович. Пароходная пристань при с. Шиморском (помимо последней здесь же находилась и при-

стань, принадлежащая Обществу Вятско-Волжского пароходства). Лавка в д. Тамболесе (закрыта до 1914 г.).

В доме, некогда принадлежавшем Павлу Федоровичу, десятилетиями располагалась начальная школа Тамболеса, и как минимум десять лет буфетчицей в ней работала внучка купца, Антонина Петровна Логинова.

Пугачев Николай Егорович (кр-н д. Чупалейки). Смологонный завод в Чупалейке или Полдеревке.

Пушкарев Гаврила Евсеевич. Торговля железным товаром в с. Выкса (Базарная площадь, в доме Дмитрия Матвеевича Старикова).

Читатель, надо полагать, обратил внимание на то, что изрядное число торгующего люда реализовывало свой товар в съёмных помещениях. Те собственники недвижимости, которые сдавали в аренду этаж, комнату или лавку, тоже должны были делиться частью прибыли. Но все ли из них были добросовестными налогоплательщиками? Вопрос риторический...

Предлагаемый вашему вниманию документ – докладная записка домовладельцев на Выксунском заводе, не предписанных к обществу крестьян села Выксы.

«С 1914 г. наши дома и других обложены налогом Земских сборов уездного и губернского; независимо от платимого некоторыми из нас местного подушного оклада. Мы, конечно готовы платить этот налог и на этих же днях посылаем в Ардатовское Казначейство недоимку 1914 и 1915 гг. Но нам кажется странным то обстоятельство, что далеко не все, а большинство домов на Выксе не обложены этим сбором и почему именно такие дома, которые дают доход хозяевам посредством сдачи квартир и принадлежат более или менее состоятельным людям, как например Антона Исаевича Харитонова, Павла Фёдоровича Монахова, Василия Акимовича Гусева, Анны Яковлевны Денежкиной и многих других согласно списка.

Сообщая об этом, мы думаем, что земская Управа, в своих же интересах, пришлёт на Выксу более корректного своего агента, чем был в 1914 году, для описи и оценки домов на Выксе, подлежащих обложению Земским сбором».

К записке прилагается отпечатанный список из 29 домовладельцев. От руки приписано ещё какое-то количество. На полях против многих фамилий какие-то неудобочитаемые пометки, которые также не удалось прочитать. Машинописное же примечание гласит: «В этом списке помещены только лишь немногие из лиц, не уплачивающих налогов с домов; точно установить количество подлежащих обложению налогом не представляется возможным, так как для этого необходимо лично проверить статистику на месте».

Возможно, рукописные дополнения и замечания – след работы местных чиновников, вознамерившихся, как бы сейчас сказали «изучить вопрос» и «навести порядок» ...

Обращает на себя внимание следующая подробность: против двух третей неплательщиков характерные приписки: «пришлый» и «сдаёт квартиру» (то есть дополнительный доходец имеется). Отдельно отмечено, что «в местности, так называемый «Скотный двор» и «Фабрика», а также на Нижне-Выксунском заводе имеется несколько домов, не обложенных налогом». Складывается впечатление, что тогдашние «инстанции» докладную без внимания не оставили...

Но вернёмся к нашему списку.

Пчелин А.И. Торговля готовым платьем (в с. Выкса).

Пчелина Анастасия Матвеевна. Продажа кваса и фруктовыми водами в с. Выкса. Торговля капустой (со слов Н.А. Князевой).

Пчеляков Петр (мастер. с. Виля) – ???.

Пчелякова Екатерина Ивановна. Мелочная лавка (закрывается до 1906 г.). Недоимки и пени с нее не удалось взыскать по

1906 г. по неимению имущества, на которое можно было бы обратить взыскание.

Ровнов Александр (Андрей?) Иванович. Постоялый двор в д. Семилово. Рожков Петр. Хлебная лавка в д. Проволочное (закрывается с 1 января 1907 г.).

Родионов Емельян Алексеевич. Мелочная лавка в с. Шиморском.

Родионов Иван Антонович. Мелочная лавка в д. Грязной. Родионова Марья Ивановна (кр-ка с. Шиморского). Торговый амбар (закрывается с 1 января 1898 г.).

Рощин Василий Иванович (кр-н с. Решного). Каменная лавка (ок. 1911).

Рыбаков Андрей Антонович. Мелочная лавка в д. Черной (не существует с 1 янв. 1898 г., потом, видимо вновь открывалась и просуществовала до 1910 г.).

Рыбаков Михаил Спиридонович (кр-н д. Черной). Складочный амбар.

Рыбаков Ульян Владимирович (кр-н д. Черной). Торговая лавка в д. Черной (закрывается с 1 янв. 1898 г.).

Рыбин Григорий Васильевич. Хлебная лавка. Мучно-хлебный амбар в с. Выкса.

Савинов Григорий Владимирович. Мелочная лавка в с. Виля (к 1909 г. несуществующая).

Садков Иван Матвеевич. Бакалейная лавка в с. Полдеревка. Сазонов Василий Игнатьевич. Постоялый двор в с. Выкса. Сазонов Иван Дмитриевич. Мелочная лавка в д. Чупалейка. Сазонов Павел Яковлевич. Водяная мельница в с. Ново-Дмитриевка производительностью от 8 до 25 пуд. (1915 г.).

Сайбаталова Адда. Мануфактурная и галантерейная лавки в с. Выкса (закрываются с 1 января 1907 г.).

Салтыков Василий Иванович (мастерской с. Сноведь). Бакалейная лавка в собственном доме (1895 г.).

Салтыкова Прасковья Ивановна (мастеровая). Бакалейная, мелочная лавка в с. Сноведь.

Санталин Николай Андреевич. Мелочная торговля из клетки в с. Шиморском.

Самарин. Мануфактурная лавка.

Самохвалова Мария Константиновна (кр-ка с. Досчатого). Мануфактурная лавка (торговля ситцем) в с. Выкса, на Базарной площади. Деревянная, обложенная кирпичом лавка в с. Досчатое – торговля красным товаром. В документах советского времени упоминается как лицо, занимающееся бакалейной торговлей.

Сараев Григорий Андреевич. Постоялый двор в с. Полдеревка.

Савушкин Кузьма Михайлович. Ветряная мельница в с. Ново-Дмитриевка (1915 г).

Савушкин Алек. Михайлович. Паровая мельница. Крупо-рушка.

Савушкин Михаил Антонович. Дегтярный завод в с. Ново-Дмитриевка (сгорел в 1902 г.).

Сегин Николай Иванович. Мануфактурная лавка (лавка с красным товаром) в с. Выкса (1912 г.).

Седов Иван Семенович (кр-н д. Гостинино Григоровской волости Судогодского уезда). Квасные и фруктовые воды. Кроме того, видимо, еще и бакалейная лавка (упомянут в рапорте полицейского надзирателя от 7 ноября 1911 г. в числе владельцев торговых заведений, в которых производятся торговля серебряными вещами, кольцами и крестами).

Седов Семен Петрович. Бакалейный магазин.

Седов Федор Иванович. Деревянная мелочная лавка в д. Борковке (1911).

Седова Надежда Степановна. Бакалейная лавка в с. Выкса (закрыта в феврале 1917 г.).

Секретов Василий Александрович. Мелочная лавка в с. Выкса.

Селезнев Наум Варламович (кр-н). Каменная бакалейная лавка в д. Черной (1911).

Селезнева Лукерья Ивановна (кр-ка д. Черная). Мануфактурная торговля в д. Черная.

Селякин Матвей Иванович. Мастерская железных изделий.

Семьгина Анна Александровна. Мелочная лавка в с. Выкса (базарная площадь).

Серебренников Андриан (?). Мелочная лавка.

Сидоров Василий Ефимович – Постоялый двор в с. Сноведь.

Сидорова Анна Яковлевна. Мануфактурная лавка в с. Сноведь.

Сизов Иван Исаевич (кр-н д. Черная). Мелочная торговля в д. Черной.

Силантьев Александр Васильевич. Галантерейная лавка в с. Выкса (Базарная площадь).

Симонов Иван Алексеевич (кр-н д. Верхней Вереи). Смольное заведение (уничтожено с 1891 г.).

Скалкин Сидор Никитович (кр-н д. Антоповки). Мелочная лавка (уничтожена с 1 янв. 1909 г.).

Скалкина Мария Ивановна. Мелочная лавка в д. Антоповке (уничтожена с 1 янв. 1914 г.).

Склокин Василий Федорович. Хлебная лавка. Мучно-хлебный амбар на Базарной площади (до 1910 г.).

Склокин Федор Моисеевич (маст. с. Выксы). Хлебный амбар в собственном одноэтажном деревянном здании (без фундамента, без окон, холодное, крыша деревянная). Длинной со входа 7 арш., шириною 6 арш., вышиною $2\frac{3}{4}$. Данные на 11 сентября 1895 г.

Склокина Аграфена Егоровна. Мануфактурная лавка (торговля ситцем) в с. Выкса, на Базарной площади.

Склокин Николай Федорович. **Хлебопекарня (в с. Выкса).**

Склокина Анна (?). **Бакалейная лавка.**

Сметанина Наталья. **Постоялый двор и хлебный амбар в с. Виля (закрыты с 1 янв. 1903 г.).**

Смирнов Александр Дмитриевич. **Бакалейная лавка в с. Выкса (закрыта с 1 янв. 1903 г.).**

Смирнов Федор Иванович. **Чайная лавка в с. Выкса (1912 г.) в доме Нехорошева Владимира Владимировича, мелочная лавка (закрыта с 1 января 1903 г.).**

Снопков Яков Алексеевич. **Мелочная лавка в с. Виля (закрыта с 1 января 1907 г.).**

Соколов Александр Григорьевич. **Мелочная лавка в с. Полдеревка, в собственном тесовом здании без фундамента, с деревянной крышей (1895 г.).**

Соколов Андрей Яковлевич (кр-н с. Борковки Меленковского уезда). **Часовых дел мастер (1911 г.).**

Соколов Степан Тимофеевич. **Мелочная лавка в с. Полдеревка. Паровая мельница (на 18.12. 1918 г.) производительностью до 100 пуд. за 8 час.**

Соколова Евдокия Николаевна. **Паровая Мельница в с. Полдеревка (1914 г.).**

Солдатов Иван Михайлович. **Бакалейная лавка в д. Семилово (закрыта ок. 1901 г.).**

Солдатов Матвей Михайлович. **Бакалейная лавка в д. Семилово от Михаила Ивановича Молькова (закрыта ок. 1901 г.).**

Солдатов Михаил Михайлович. **Бакалейная лавка в д. Семилово (закрыта с 1 мая 1902 г.).**

Степанов Епифан Федотович. **Парикмахерская (Базарная площадь).**

Страхов Андрей Алек. (кр-н д. Тамболес). **Постоялый двор в с. Выкса, в помещении на базарной площади, арендуемом у с. Орлова Муромского уезда Назарова Петра Алексеевича (1895 г.).**

Страхов Василий Иванович. **Чайное заведение в с. Виля (к 1909 г. несуществующее).**

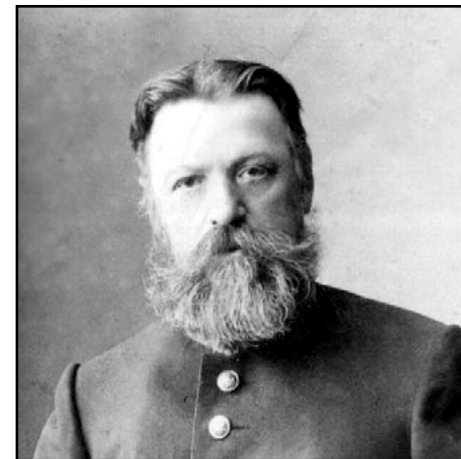
Страхов Сергей Александрович (кр-н). **Бакалейная торговля.**

Страхова Наталья Васильевна. **Мелочная торговля в с. Досчатом (на 1910 г.).**

Стручков Максим Григорьевич. **Постоялый двор в с. Семилово.**

Суворкина Дарья Кузьминична (кр-ка с. Кононова). **Хлебная и бакалейная лавка в с. Нижняя Вереея. Закрыты в 1910 г.**

Суздальцев Дмитрий Петрович (муромский куп.). **Трактирное заведение в с. Выкса (1895 г.), в доме ардатовского мещанина Липкова Филиппа Яковлевича, ведерная и винная лавка (к 1906 г. закрыты). Недоимки и пени с него не удалось взыскать по 1906 г. по неимению имущества, на которое можно было бы обратить взыскание.**

Сухарев Егор Евдокимович. **Мучно-хлебный амбар в с. Ново-Дмитриевка.**

Сухарев Михаил Евдокимович. **Мануфактурная лавка в с. Ново-Дмитриевка.**

Сухарьков Василий Михайлович (купец). **Трактир (закрыт в 1901 г.), пивная лавка (закрыта 1 января 1903 г.), казенная винная лавка (с 1 июля 1901 г., закрыта с 1 января 1907 г.), бакалейно-мануфактурная лавка в с. Выкса на Базарной площади) – закрыта в 1917 г., оптовый пивной склад, завод**

фруктовых вод (сгорел ориентировочно в 1910 г.), портерная.

Сухарьков Егор.
Хлебный амбар в с. Ново-Дмитриевка (на 1902–1903 гг.).

Сухарьков Иван Михайлович. **Трактирное заведение в с. Виля (по документам 1906 г. уже несколько лет не существовал).**

Сухарьков Михаил Васильевич. **Винная лавка в с. Выкса (закрыта в 1899 г.), пекарня,**

мелочная лавка в с. Выкса (закрыты с 1 января 1907 г.).

Сухарьков Сергей Михайлович. **Бакалейная лавка (сгорела в 1910 г.).**

Сухов Матвей Самойлович (кр-н с. Воютина). **Деревянный дом на Досчатинской пристани, в котором находятся: бакалейная лавка, чайная, пекарня (ок. 1911).**

Такуев (?) Федор Григорьевич. **Бакалейная лавка в д. Чупалейка.**

Таланов Василий Яковлевич

Таланов Яков Николаевич (мастер. Проволочной фабрики). **Бакалейная лавка в с. Виля.**

Таланов Игнатий Николаевич. **Торговля мукой.**

Таланова Дарья Афанасьевна (мастер. Проволочной фабрики). **Бакалейная лавка в с. Виля.**

Талалыкин Иван Михайлович (кр-н с. Песочное). **Хлебная торговля в с. Песочное.**

Талуков Матвей Алексеевич (с. Шиморского). **Сдача квартиры страховому агенту (не позже 1913 г.).**

Тарасов Василий Петрович и Архип Григорьевич Пичугин (кр-не д. Чупалейки). **Ветряная мельница.**

Танцевов Федор Григорьевич (кр-н д. Чупалейки). **Бакалейная лавка в с. Полдеревка.**

Татаринов (Татарников) Иван Проклович (Прокопьевич). **Чайное заведение и хлебопекарня (калачная), трактир на Базарной площади (по словам Н.А. Князевой). (Похоже, именно выходцы из этой семьи числятся в списке граждан, лишенных прав.)**

Терентьев Яков Макарович. **Винная лавка в д. Осиповке (закрыта ок. 1901 г.).**

Трефилов Дмитрий Иванович. **Мелочная лавка в Чупалейке (или Полдеревке).**

Трофимов Зиновий (кр-н д. Верхней Вереи). **Смольное заведение (уничтожено с 1891 г.).**

Трофимов Иван. **Мелочная лавка в д. Чупалейке с июля 1902 г.**

Тугарев Григорий Михайлович (кр-н с. Верхняя Верея). **Синильное заведение (уничтожено в 1908 г.).**

Тугарев Михаил (Михей?) Васильевич (кр-н с. Верхняя Верея). **Торговый амбар. Смольное заведение (уничтожено с 1891 г.).**

Тугарев Николай Иванович. **Бакалейная лавка в с. Выкса (Базарная площадь), хлебная торговля. (Видимо, следующие сведения рассказывают именно о его дальнейшей судьбе: Тугарев Николай Иванович, 1866 г.р., уроженец и житель г. Выксы Ардатовского уезда, слесарь Верхне-Выксунского завода; в 1919 г. приговорен Нижегородской губернской ЧК к содержанию в лагере принудительных работ на всё время Гражданской войны; освобожден в феврале 1921 г.)**

Тугарева Елизавета Филипповна. **Торговля готовым платьем в с. Выкса от Новожилова Михаила Платоновича (1912 г.).**

Тухленков Павел Федорович (кр-н с. Песочного). **Хлебная торговля в с. Песочном.**

Тюрникова Елизавета Васильевна. **Галантерейная лавка.**

Тюрникова Ираида Степановна (мещ. г. Муром). Упоминается в рапорте полицейского надзирателя как лицо, осуществляющее торговлю «нового золота кольцами и серьгами».

Удалова Екатерина Алексеевна (Александровна?). **Торговля железным товаром в с. Выкса.**

Уткин Иван Николаевич (кр-н с. Нижняя Верея). **Мануфактурная торговля (уничтожена в 1909 г.).**

Ухлина Александра Павловна. **Бакалейная лавка (сгорела в 1910 г.).**

Ухов Федор Петрович. **Помещение, сдаваемое под канцелярию страхового агента в с. Шиморском.**

Фалалеев Павел Иванович. **Мелочная лавка в д. Ляпухе.**

Федоров Ефим. **Бочарня в с. Ново-Дмитриевка (закрыта с 1 января 1903 г.).**

Федотов Алексей Васильевич (кр-н д. Чупалейки). **Ветряная мельница. По сведениям на 18.12.1918 г. – водяная мельница производительностью до 50 пуд.**

Федотов Иван Иванович. **Кузница.**

Федотов Алексей Васильевич. **Водяная мельница в д. Чупалейке (1914 г.).**

Федотов Петр Алексеевич. **По сведениям на 18.12.1918 г., водяная мельница в д. Чупалейке (упоминается в док. 1915 г.) производительностью до 50 пуд.**

Федулаев Дмитрий Степанович (кр-н с. Решного). **Хлебная и бакалейная торговля.**

Федулов Алексей (кр-н с. Решного). **Торговая лавка (закрыта в 1897 г.).**

Федюнин Никифор Васильевич. **Постоялый двор в с. Ново-Дмитриевка.**

Филимонов Матвей Терентьевич (кр-н д. Черной). **Хлебная и бакалейная торговля в д. Черной.**

Фокин Василий (Ильич). **Бакалейная лавка в д. Осиповке.**

Фокин Иван Дмитриевич. **Мелочная лавка в д. Осиповке.**

Фройман Алинус. **Оптовый пивной склад «Германия» в с. Выкса в подвальной части здания, арендованного у ОВГЗ. Закрыт в мае 1914 г.**

Фролов Иван Петрович. (???) **заведение. Закрыто в 1910 г.**

Фролов Михаил Васильевич. **Мелочная лавка в с. Шиморском.**

Фролов Филат Семенович (д. Нижней Вереи). **Смольное заведение.**

Харитонов Антон Исаевич – **подрядчик по печному делу (?).**

Хебнев Василий Григорьевич (кр-н д. Антоповкиа). **Хлебная и бакалейная лавка в д. Антоповке.**

Хохлов Василий Сергеевич (муромский куп.). **На 1895 г. числился владельцем трактирного заведения в с. Полдеревка, размещавшегося в ветхом деревянном доме без фундамента местного кр-на Сыноква Ивана Петровича. Ренсковый погреб в с. Выкса (закрыт с 1 июля 1901 г.). Недоимки и пени с него не удалось взыскать по 1906 г. по неимению имущества, на которое можно было бы обратить взыскание.**

Царева Агафья Григорьевна. **Хлебопекарня и мелочная лавка в д. Чупалейке.**

Царев Иван Петрович. **Кузница в д. Чупалейка (закрыта ок. 1884 г.).**

Царев Иван Осипович (кр-н д. Чупалейки). **Ветряная мельница.**

Царев Михаил (по документам 1914 и 1915 гг. братья Василий, Михаил и Яков Михайлович упоминаются как совладельцы). **По сведениям на 18.12.1918 г., ветряная мельница**

в д. Чупалейке производительность до 25 пуд. при среднем ветре.

Цветников Егор Иванович. Мелочная лавка в с. Выкса (Базарная площадь).

Цветников Иван Павлович. Мелочная торговля.

Цыпленков Иван Тимофеевич. Бакалейная лавка в д. Проволочной (закрыта с 1 января 1909 г.).

Чекрыжева Ирина Никитична. Бакалейная лавка.

Черыкова Екатерина Абрамовна (мастер. с. Досчатого).

Шерстобитное заведение (уничтожено в 1908 г.).

Черняев Александр Иванович. Ветряная мельница в с. Полдеревка (на 18.12.1918 г.), производительностью до 25 пуд. при среднем ветре.

Шашкин (?). Трактир на Базарной площади (по словам Н.А. Князевой).

Шаронова Прасковья Дмитриевна. Мануфактурная лавка.

Шершков Николай Тарасович. Мелочная лавка в с. Семилове.

Шигаров Михаил Н. Шерстобойное заведение в с. Шиморском (сломано осенью 1913 г.).

Шигаров Петр Иванович. Шерстобойное заведение в с. Шиморском.

Шилина-Рощина Прасковья Семеновна. Мануфактурная лавка в с. Выкса на Базарной площади.

Шитова Мария Петровна (мещ.). Мануфактурная лавка в с. Выкса.

Шишкин Иван Павлович. Бакалейная лавка в с. Виля, в собственном доме (примерно с 1899 г., а закрыта с 1 января 1907 г.).

Шишкин Павел Андреевич. Мясная лавка (закрыта с 1 января 1902 г.), бакалейная лавка в с. Виля.

Шишкина Акулина Яковлевна (кр-ка с. Мотмос Меленковского уезда). Мануфактурная торговля в с. Выкса. Торговля ситцем. Бакалейная торговля в Досчатинской вол.

Ширшков Тарас Герасимович. Постоялый двор в с. Семилове.

Шлоков Василий Ефимович (кр-н с. Песочное). Хлебная и бакалейная торговля в с. Песочное.

Шмелев Яков (кр-н д. Тамболес). Хлебная лавка, мелочная торговля в с. Выкса (не позднее 1892 г. закрыта).

Шмонин Петр Степанович. Калачная в с. Выкса (Нижний завод). Пивная лавка в собственном доме (сгорела в 1910 г.).

Шмырова Мария Михайловна. Мелочная лавка в с. Выкса.

Шульгина Варвара Федоровна. Бакалейная лавка в с. Выкса.

Шустов Иван Васильевич (муромский куп., по другим данным – мещанин). Галантерейная лавка в с. Выкса. Кроме прочего – торговля изделиями из серебра и золота. Бакалейная лавка (по словам Н.А. Князевой, также торговля книгами и канцелярскими товарами).

Шуряков Алексей Павлович (мастеровой). Мануфактурная торговля, хлебный амбар (в Досчатинской вол.).

Щелокова Анна Ивановна Бакалейная лавка в с. Выкса (1902 г.).

Щепкин Андрей Иванович. Мясная лавка в с. Выкса. Кинематограф (единственный в уезде) и (1879 г., уроженец д. Черниченка Ляховского р-на, житель г. Выксы, агент по заготовке скота Выксунского торгова. Арестован 20.10.37 г. Приговорён «тройкой» к ВМН).

Щепкин Иван Прокопьевич (кр-н д. Черниченка, отец А.И. и М.И. Щепкиных). Мясная лавка (сломана в 1910 г.).

Щепкин Михаил Иванович. Мясная лавка в с. Выкса (зачислена с 1907 г. на оклад вдвойне).

Щербаков Василий Михайлович и Кишкин Дм. Иван. Дегтарня в с. Ново-Дмитриевка (1914 г.).

Щербаков Петр Михайлович. Мелочная лавка в с. Ново-Дмитриевка (закрыта в 1899 г.).

Щербаков Федор Михайлович. Бакалейная лавка в с. Ново-Дмитриевка.

Щукин Алексей Иванович. Торговля шорным товаром в с. Выкса.

Щукин Иван Алексеевич. Игровая лавка. Он же или его родственник, или однофамилец упоминается в протоколе полицейского надзирателя: «С 18 на 19 марта 1913 г. ограбили лавку Щукина, похитили 90 пар мужских сапожных заготовок, 22 пары вытяжков женских башмаков, 25 пар готовых мужских сапог» (ф. 1852, оп. 2, д. 6, л. 41).

Щукина Евдокия Васильевна. Кожевенная лавка в с. Выкса.

Юшорова Мария Аксентьевна (или Алексеевна?) (кр-ка д. Борковки). Мануфактурная лавка в с. Выкса (Базарная площадь). Бакалейная и мелочная лавки.

Юшорова Мария Ивановна. Бакалейная лавка в с. Виля.

Юшорова Мария. Лавка в д. Борковке (не существует с 1 янв. 1914 г.).

Ядров. Мастерская (?) (Ф. 1852, оп. 1, ед. хр. 9, л. 40-42).

Ярославцев Александр Михайлович. Бакалейная лавка в с. Сноведь.

Ярославцев Андрей Яковлевич (мастер. с. Сноведь). Бакалейная и мучная лавки в с. Сноведь.

Яшин Андрей Трофимович. Винная лавка в с. Семилово (закрыта ок. 1901 г.).

Яшин Григорий Дмитриевич (кр-н). Кузница в с. Семилово (на 1907 г.).

Яшин Григорий Трофимович. Постоялый двор в с. Семилово.

Яшин Иван Николаевич (кр-н). Кузница в с. Семилово (на 1907 г.).

Яшин Кузьма Николаевич (кр-н). Кузница в с. Семилово (на 1907 г.).

В источниках, на которые уже ссылался, заподлицо с вышеперечисленными, приводятся и другие люди, но без обозначения конкретного вида, освоенной ими деятельности. Перечисляю их отдельно в расчете на то, что так они, возможно, легче могут быть замечены и узнаны потомками (не теряю надежду, что таковые живут еще в нашем районе, что соблаговолит дать нам подтверждение и, хотя бы минимум, уточняющей информации).

Голованова Пелагея Дмитриевна.

Голова Анна Федоровна.

Деев Петр Яковлевич.

Кондратьев Андрей Иванович.

Котов Федор Васильевич.

Лабутин Григорий Павлович.

Мыслин Николай Павлович.

Новожилова Евгения Абрамовна.

Оревин (Аревин) Абрам Осипович.

Савватъев Иван Петрович.
Сипянкин Матвей Егорович.
Тебов Иван Иванович.
Уханов Александр (?).
Чекрыжев (Чекрыгин) Иван Алексеевич.
Юсупов Ибрагим.

В подготовленных ардатовским краеведом А.В. Базаевым на основе документов Государственного архива Нижегородской области справочных материалах к книге «Знаменитые люди Ардатовского края XVI–XXI веков» находим перечень здешних лесопромышленников. 17 из 49 обозначенных в нем персон действовали в Выксе или её окрестностях к 1916 г. Вот они.

Андриянов И.И. разработка леса (с. Полдеревка).
Лаптев А.Я. — (Ризадеевская дача).
Пичугин М.Я. — (с. Чупалейка).
Соколов А.Г. — (с. Полдеревка).
Гусев И.И. — (с. Выкса).
Зайцев И.И. — (с. Выкса).
Кутырев С.И. — (с. Выкса).
Липков Е.Г. — (с. Выкса).
Миронов М.А. — (с. Выкса).
Миляев И.А. — (с. Выкса).
Мольков М.В. — (с. Выкса).
Паутов Т.В. — (с. Выкса).
Смирнов Н.П. — (с. Выкса).
Смирнов Ф.И. — (с. Выкса).
Утинов В.П. — (с. Выкса).
Финагин А.М. — (с. Выкса).
Харитонов Н.А. — (с. Выкса).

Торговали на Выксе не только частные лица. Выксунский металлургический был представлен в этой сфере ренсковыми погребами и лавками, расположенных в окрестных деревнях и сёлах. Кроме того, ОВГЗ получало арендную плату за землю с владельцев торговых предприятий, расположенных на Базарной площади, а их там было довольно много.

Общество потребителей – прообраз будущей потребкооперации – также торило дорогу в глубинку. Какие-то дивиденды получало и Торгово-кредитное товарищество.

И само собой – казенные винные лавки. Вот, в архивных документах, относящихся к 1912 г., перечисляются места их дислокации: Выкса (помещение арендуется у Николая Петровича Кубарева), Виля (в доме Андрея Васильевича Захарова), Ново-Дмитриевка (у А.С. Махрова), Полдеревка (у Кузнецовых), Сноведь (у Романа Никитовича Панкратова) и т. д.

Итак, уже под две с половиной сотни человек. И перечень, как уже отмечено, не полный. Стало быть, его можно и нужно уточнять и пополнять. Ознакомившись со списком выксунских «лишенцев», я был удивлен: скольким из тех, кого советская власть определила в изгой, вменялось в вину именно причастность к торговому и кустарному делу. Порядка 70 человек! Однако разобраться, какие из них едва-едва успели попрактиковаться в годы НЭП, а какие еще при царе-батюшке, возможности пока не представилось. Отдельным «лишенцам» этой категории удалось даже восстановиться в гражданских правах. Вот персоналии, которые почерпнул из этого «черного списка», а также из списков тех, кого нашел в списке кустарей довоенного времени.

Агеев П.Г.
Аладышев Яков Степанович.
Александров Е.И.
Александров Ф.Е.

Алексеев Семен Илларионович (пер. Почтовый, 11). **Моментальная уличная фотография (с 1931 г.).**

Аникин А.М.

Аникин А.С.

Аникин И.В.

Анохин Федор Николаевич (Почтовый пер.) – **ломовой извозчик с 1927 г.**

Базанов Николай Васильевич. **Кондитерская.**

Базин Иван Филиппович (ул. Ленина, 25). **Кустарное мыловарение.**

Баикина Евдокия Федоровна.

Баринов П.М.

Батков Николай Михайлович.

Бахин Д.Л.

Болясников Максим (?) Никифорович.

Боброва М.И.

Богатенков.

Большаков Василий Иванович.

Булгаков Леонид Николаевич.

Быстров Иван Федорович.

Вайншток (Вайншток?) Копель Исаевич. **Кондитерская.**

Виноградова Вера Михайловна (Советская пл., 9). **Вышивание белья и платков.**

Галкин Яков Иванович, с. Шиморское. **Бакалейная торговля из дома. Торговля семечками на базаре в Выксе, торговля стельками и воротниками.**

Гальянова Анна Михайловна. **Бакалейная торговля из помещения без доступа покупателю в Виле.**

Гармаш (или Гармат) А.И. (содержал парикмахерскую).

Гельц Мотя Павловна (Красная пл., 38). **Пошив одежды на заказ.**

Галанин И.В.

Голенков (или Голенкова).

Гальянова Анна Михайловна. **Бакалейная торговля.**

Глубоков А.Т.

Гундобина Л.Н.

Гусев Василий Федорович (ул. Ленина, 36). **Производство хромовой обуви. Район продаж Выкса, Ковров.**

Еремин Павел Иванович. **Зеркальная мастерская.**

Ерофеев.

Ефимов Е.С.

Ефимова А.А.

Желабанов Семен Куприянович (или Капитонович).

Журавлев Дмитрий Дмитриевич (ул. Максима Горького, 20). **Картузно-шапошное производство.**

Забалуев Николай Иванович (кустарь).

Заикин Павел Степанович (Советская пл., 2) – **Ломовой извоз.**

Зефирова (жена Ли-Жу-Тян) – **торговля искусственными цветами.**

Зорилова Агрипина Павловна. **Починка обуви.**

Захаров Иван Васильевич.

Ивакин П.И.

Исаев Максим Иванович. **Парикмахерская.**

Калинин И.И. (Почтовый пер.) – **Ломовой извоз.**

Калинкин (или Калинин) Егор Андреевич.

Калинина Мария Григорьевна – **содержательница постоянного двора).**

Кирилов Иван Семенович (ул. Наполеона, 1) – **выработка замков.**

Коблова Мария Яковлевна.

Кондрашев Александр Николаевич.

Котельников Николай Иванович. **Постоялый двор. Постоялый двор.**

Крашенинников И.Д.

Круглова Евгения Васильевна. **Хлебно-бакалейная торговля.**

Кубарев А.В.
Кузнецов И.Ф.
Кулакова Анна Васильевна.
Курбатов Михаил Владимирович.
Куров Василий Павлович.
Курышева Н.К.
Лапаев А.Ф.

Леонов Василий Васильевич (Досчатое) Картузно-шапошное производство.

Ли-Жун-Тян (ул. Луначарского, 19). С 1925 г. торговля искусственными цветами, бумажными занавесками, мячиками с резинкой (возможно, собственного изготовления).

Ли-Куй-Чун (базар). Торговля мелкими галантерейными товарами: пуговицами, булавками, иглками, гребешками, нитками, наперстками пр.

Луныков Алексей Иванович. Переработка кожного сырья.
Молотков Павел Дмитриевич (пер. Коммунистический, 5).

Изготовление ведер, тазов, ковшей.

Мальков (Мольков?) Иван Федорович.

Монакова (или Монякова) М.Н.

Морозов А.Ф. (бывший заводчик).

Морозов Василий Иванович. **Водяная мельница.**

Морозов Иван Иванович. **Кустарное паточное производство.**

Мочалин Иван Васильевич.

Наседкин Иван Николаевич.

Наумов Михаил Николаевич (не сын ли упоминаемого ниже Николая Григорьевича Наумова из Решного?). **Выделка кожного сырья.**

Никифоров Николай Ефимович.

Носов Николай Николаевич.

Панкратов Михаил Илларионович, (д. Песочная). **Торговля льняным маслом с воза (в Выксе) и в развоз (по району). Он же, видимо, держал овчинную.**

Питизин (?) Алексей Кузьмич. **Производство ведер, других жестяных изделий.**

Площанникова Н.И.

Площанникова А.И.

Пономарева Клавдия Михайловна (ул. Шаблыгина, 9). **Пошив одежды.**

Попов Константин Дмитриевич (ул. Луначарского, 13). **Слесарная мастерская.**

Пушкарев Гаврила Евсеевич (ул. Максима Горького, 29). **Скобяные слесарные изделия.**

Пяткин Данила Кузьмич (ул. Вокзальная, 18). **Ломовой извоз.**

Розовский Самуил Яковлевич (из Могилева). **Фотография.**

Садиков А.

Садиков У.

Садиков Ф.С. **Выбирал регистрационное удостоверение на парикмахерскую (1928–1929).**

Садиков Ш.

Самодурова А.Н.

Седакова Е.Н.

Седов Иван Семенович (ул. Больничная, 11). **Изготовление чемоданов, ученических сумок и пр. (с 1929 г.),**

Секретова Е.Н.

Селезнев Фома Егорович (ул. Футбольная, 29). **Ломовой извоз.**

Семочкин К.Ф.

Семочкина Н.С.

Синев Федор Пантелеевич (ул. Луговая, 3). **Ломовой извоз.**

Сироткин Семен Андрианович (д. Новая). **Ложкарство.**

Скорodelов Максим Дмитриевич, Скорodelов Иван Максимович (отец и сын), Адолин (?) Иван Васильевич, д. Тамбо-

лес. Имели в совместном пользовании сухогрузную баржу (1925-26).

Сорокина Фекла Степановна (Досчатинская пристань).

Выработка мороженого.

Смирнова М.И.

Смирнов Михаил Дмитриевич (ул. Ленина, 82). **Выработка кожаной обуви. Район продаж: Муром, Выкса, Ковров.**

Смирнов Федор Иванович.

Стажкова Е.А. **Хлебная и бакалейная торговля в Выксе (1929).**

Сущева А.А.

Сущев А.Г.

Татаринев Василий Иванович (торговля колбасными изделиями домашнего приготовления).

Татарниковы.

Трубин Петр Степанович (ул. Ленина, 25). **Часовая мастерская.**

Ухлин Василий Иванович.

Холодов Сергей Федорович. **Парикмахерская.**

Царев Павел Андреевич (ул. Проезжая, 25). **Ломовой извоз.**

Цветков Т.А.

Чуприн Алексей Петрович (ул. Пролетарская, 26). **Ломовой извоз (в прошлом лесник).**

Шейнфейн Аарон Веняминович (ул. Ленина, 29). **Изготовление очков, починка часов.**

Ширшов Егор Николаевич. **Бакалейная торговля.**

Шустов И.В.

Шербакова Надежда Петровна. **Чайная.**

Юшерева Ксения Осиповна (в 1930 г. – 55 л.). **Упоминается дочь Юшерева М.П. (18 л.). Проживали в Типографском пер., д. № 15.**

Юшерева Екатерина Осиповна (147, а затем – ул. Ленина, 49). **Торговля по патенту 2-го и 3-го разрядов с 1925 по 1932 г.)**

В 1932 г., обращаясь с заявлением в горсовет, Екатерина Осиповна пишет:

«По спискам Горсовета я числюсь лишенной прав гражданства за торговлю. В 1913 году мой муж умер, оставив меня с малолетними 5-ми детьми совершенно без средств. Был он рабочим, получал ничтожную зарплату. После смерти мужа я была вынуждена поступить на работу (работала конторщицей с 1916 по 1920 г. – *И.П.*), но ввиду общего сокращения была сокращена...

После чего начала производить мелкую бакалейную торговлю семечками и прочей мелочью с лотка. Торговля была незначительная, как видно из справок финансового отдела. В настоящее время я работаю в совхозе... Имущества никакого не имею.

Вину свою сознаю, и прошу простить сделанную мною ошибку, т.к. мне трудно переживать такое безвыходное положение. Поэтому убедительно прошу восстановить меня в правах голоса и гражданства».

Ядрова Глафира Михайловна (в 1930 г. – 79 л.). В период по меньшей мере с 1928 по 1930 г. торговала мелкими бакалейными товарами на рынке с лотка и на улице по удостоверению 2-го разряда.

Работая в ГУ ГАНО № 2 (г. Арзамас), обнаружил сведения по учету промышленных предприятий уезда на январь 1928 г. Уже при беглом знакомстве с документом понял, что наткнулся на список «последних из могикан». До начала коллективизации оставались считанные годы. Тем сельчанам, кто имел какое-то собственное дело или хотя бы дельце, кто работал в поте лица, чтобы обеспечить достаток семье, очень уже скоро скажут: «Выходи строиться... В колхозный ряд!.. Что значит, «сам по себе»?! Ах, ты, вражина!» Кого уговорят, кого напугают, а многих обернут до нитки и отправят в места не столь отдаленные... Тем самым власти приступят к решающему этапу «селекцион-

ной» работы – к изведению той части народа, что тяготеет к хозяйственной самостоятельности...

Мотмос:

Кузнецов Гр. Ив. Кузница.

Ст. Верей:

Липилов И.Н. Смолокурня.

Липатов Т.И. Смолокурня.

Нижняя Верей:

Витушкин. Кузница.

Витушкин Ал-р Ив. Кузница.

Витушкин Ан. Ник. Смолокурня.

Витушкин Ив. Ионов. Смолокурня.

Калинин А.А. Смолокурня.

Калинин В.А. Смолокурня.

Ладугин Ф.В. Смолокурня.

Суслов В.С. Смолокурня.

Фролов Вас. Сав. Смолокурня.

Фролов М.Ф. Смолокурня.

Фролов Сав. Ф. Смолокурня.

Фролов Т.Ф. Смолокурня.

Фролов Т.Г. Смолокурня.

Верхняя Верей:

Карпов В.С. Смолокурня.

Кулев Ал. З. Кирпичное пр-во.

Кулев И.З. Мельница (нефт. дв.).

Лизунов В.А. Смолокурня.

Лизунов В.И. Кирпичное пр-во.

Мальцев В.В. Смолокурня.

Мальцев С.И. Смолокурня.

Мошков В.Ф. Смолокурня.

Мошков С.И. Смолокурня.

Резанов Ив. (?) Кузница.

Резанов М.А. Смолокурня.

Рубашкин Т.К. Смолокурня.

Рубашкин В.Ив. Смолокурня.

Чельшев И.А. Кузница.

Чельшев П.Ив. Смолокурня.

Изрядно смолокурень, не так ли? Этот промысел стал ведущим в данной местности, по-видимому, еще в XVIII веке. Понять причины, конечно же, неслучайной концентрации смолокурень в наших Вереях нам поможет опубликованная в V томе Ежегодника Владимирского губернского статистического комитета (1885 г.) статья «Смологонное производство в Меленковском уезде».

«Смологонное производство обнимает собой местности наиболее обильные лесом, а именно: всю западную и юго-западную части уезда; в последней, впрочем, гонка смолы и сидка дегтя производится только в деревне Старой Верее. У жителей означенных окраин, за отсутствием других промыслов и ремесел, смологонное производство составляет главное их занятие в течении целого года. Производство это заключается в том, что из осмолы (пни с корнями из-под вырубленного соснового леса 4–5 лет назад), посредством нагревания, извлекают смолу; смола выгоняется также и из дерева сухого и сырого, не только хвойных, но и лиственных пород. Заведения, в которых ведется подобного рода производство, называются смольницами; они состоят из драничного навеса на деревянных столбах; под ним в глиняных печах вмазываются чугунные корчаги (котлы), в которые плотно укладывают осмол, прикрываемый крышками, замазываемыми в краях глиною; под корчаги помещают дрова и медленным огнем нагревают корчаги до того, что осмол выде-

ляет из себя сначала смолистую воду, а потом чистую смолу, выходящую чрез особо сделанное отверстие в нижней части корчаги; жидкость эта собирается в постановленные для того посуды – корыта, бочки, кади и т.п. По совершенном извлечении смолы из осмола, корчаги остуживаются, крышки снимаются и корчаги опрастываются от обуглившегося осмола, который в качестве угля поступает на продажу в кузницы и чугуноплавильные заводы. Затем снова наполняют корчаги свежим осмолем и повторяют тот же процесс. Таким образом, на заведении дер. Старой Вереи, в течение суток, на одной корчаге совершится три вари и получится чистой смолы от полутора до двух и шести (то есть 2,6. – *И.П.*) пудов, смотря по величине корчаги и достоинству осмола. Из одной же кубической сажени осмола, делимой корчаге на 30, получается чистой крутой смолы от 15 до 20 пуд и угля копеек на 50. На смолокурнях лучшего устройства, в западной части уезда, из кубика корневого осмола получается до 60 пуд. смолы; сухие дрова крупной и плотной строевой сосны – дают – 14 пуд.; молодой сосны с сучьями – 8–9 пудов смолы. На заведении одного смолокура, на границе Касимовского уезда, в селе Цикуле, извлекается смола из деревьев всех пород; таким образом из одной кубической сажени сухих дров, получается смолы: от березовых – 5, от еловых – 5, сосновых – $6\frac{1}{2}$ и свежих пеньков сосны – $13\frac{1}{2}$ пуд.

Для извлечения смолы из одного кубика сухих дров достаточно 20–24 часов, а сырых – двое суток. На нагревание котлов с содержимым, требуется столько же дров, сколько в котле осмола.

Смолокуры заведения свои устраивают на порубях из-под соснового леса, а также и при своих селениях; последнее чаще практикуется, так как представляет большие удобства к наблюдению за смолокурением.

Крестьяне деревни Старой Вереи покупают корневой осмол в соседнем казенном лесу, известном под названием «Рожнов

бор». В 1865 году платили в лесу за кубическую сажень осмола 4 р. 15 к., не считая труда, употребляемого ими при выкапывании его, на что потребно, имея в виду одного работника, от двух до трех недель. Такие работы в западной части уезда, носят название ходить в явку, т.е. отыскивать в лесу осмол, выкапывать и выдирать из земли его корни, а также складывать этот осмол в кубические кучи. На эти работы крестьяне посвящают все осеннее и зимнее время. На явку уходят на всю неделю; домой возвращаются только по воскресеньям. Во время явки осмольники ночлег имеют в лесу, где для этой цели во многих местах выстроены небольшие избышки, называемые зимницы, теплушки и куреня; в них, за отсутствием печей, огонь разводится на земляном ее полу, над которым подвешиваются и котелки осмольников; в них они варят себе скудную пищу; в то же время нагревается и избышка; вокруг этого же огня засыпают осмольники до раннего утра, когда разбредаются в явку на весь день с одним черствым куском ржаного хлеба в кармане... вареною картошкою, или скудною похлебкою тешат себя только по вечерам, когда соберутся на ночлег в избышку, где их набирается по несколько человек, чтобы не было боязно и было бы с кем поговорить (поговорить).

Сбыт смолы делается местным производителям духовых (дегтярных) заведений, на которых при помощи бересты (коры с березы), часть ее перерабатывается в деготь, затем то и другое большими партиями отправляется для продажи в степные места, а именно губернии Харьковскую и Воронежскую.

В деревне Старой Вереи, в 1865 году существовали цены на смолу от 30 до 40 к. за пуд; за провоз же ее, на 30 верст, доплачивается по 3 коп. с пуда. В 1871 году, смола на месте продавалась от 60 до 67 коп. пуд, а деготь от 1 руб. 10 коп. до 1 руб. 20 коп. за пуд. В таком размере цены на смолу и деготь существуют и в настоящее время.

Уголь большею частью поступает на местные чугуно-плавильные заводы гг. Баташевых и Шепелева; продается он от 2 руб. 40 коп. до 3 руб. 50 коп. за одну заводскую меру, вмещающую в себе 72 четверика для заводов г. Шепелева и 105 четвериков – заводов гг. Баташевых.

Сравнивая суммы выработки смолы и дегтя, по статистическим данным оказывается, что в 1862 году, за эти продукты было выручено от 25 до 28¹ тысяч рублей; в 1866 году по земским сведениям считалось в уезде: смологонных 348 и дегтярных 159, итого 507 заведений. Чрез десять лет, в 1876 году, всех смолодегтярных заведений оставалось только почти седьмая доля – 77; сумма выработанных продуктов простиралась на 14.600 руб. В 1881 г. заведений подобного рода насчитывается 65, на которых приготовлено было смолы и дегтя на 10.115 р. Следовательно, смологонное производство в Меленковском уезде упало с 1866 года более чем на половину, т.е. на 62 %. Причину такого упадка смолокурения нужно отнести к выводу лесов в описываемом уезде, а также к меньшему спросу смолодегтярных продуктов в места постоянного сбыта, где оказывают большую конкуренцию меленковским смолопромышленникам нефтяные остатки, совершенно заменившие деготь как в подмазке экипажей, смазке сбруи, так и других надобностей».

Решное:

Наумов Н.Гр. **Кожевенный завод (3 работника).**

Беспалов А.Ф. **Шерстобойня.**

Беспалов В.К. **Кузница.**

Беспалов Д.(?) Ф. **Кузница.**

Азовка:

Бекетов Ст. Пав. **Кирпичное.**

1 Подтверждается географическо-статистическим словарем Российской империи, изд. 1866 г. том III, вып. ?–?, «Меленковский уезд».

Досчатое:

Бумагин Д.И. **Водяная мельница.**

Ближне-Черная:

Кадеев. **Кирпичное производство.**

Селезнев И.И. **Кузница.**

Грязная:

Вдовин И. (Н?) Н. **Ветряная мельница.**

Кокорев М.С. **Кузница.**

Рожнов бор:

Суворкин. **Водяная мельница.**

Морозов. **Водяная мельница.**

Ново-Дмитриевка:

Алексеев Яков Васильевич. **Маслобойная.**

Борисов Ефим Дмитриевич. **Сукновалка.**

Ершов Егор Васильевич. **Кузница.**

Кочетков А.Ф. **Маслобойня.**

Минеев Роман Иванович. **Шерстобойная.**

Назаров И.М. **Кузница.**

Роганов Семен Васильевич. **Ветряная мельница в с. Полдеревка.**

Роганов Иван. **Ветряная мельница.** Есть сведения от 1918 г., что мельницы Рогановых «поломаны совершенно, к ремонту не годятся».

Савушкин (Саушкин?) Алек. Михайлович. **Паровая мельница. Крупорушка.**

Савушкин Кузьма Михайлович. **Ветряная мельница. Крупорушка.**

Сазонов Павел Яковлевич. **Водяная мельница.**

Сухарев Егор Евдокимович. **Крупорушка.**

Шмелев Николай Иванович. **Кузница.**

Покровка:

Вилков. **Паровая мельница.**

Демин Ст. Ос. **Водяная мельница.**

Кишкин Дмитрий Иванович. **Шерстобойная.**

Кишкин Ст. **Шерстобойня.**

Подкустов Михаил Фёдорович. **Сукновалка.**

Тарасов Семен Спиридонович. **Крупорушка.**

Чупалейка:

Беспалов Александр Васильевич. **Ветряная мельница.**

Зайцев П.Н. **Кузница.**

Копейкин М.Н (?). **Сукновалка.**

Лисин В.Д. **Просорушка.**

Митрофанов Н.Г. **Дегтярня.**

Можаев Ст. **Кузница.**

Пичугин Николай Иванович. **Ветряная мельница.**

Пугачев Ив. **Смолокурня.**

Федотов (?). **Кузница.**

Федотов И.А. **Просорушка.**

Федотов И.И. **Маслобойня.**

Федотов Петр Алек. **Водяная мельница (на запруде в овраге)**

Федотов Степан Иванович. **Водяная мельница.**

Царев Михаил Иванович. **Ветряная мельница.**

Щеголёнков Григорий Николаевич. **Ветряная мельница.**

Полдеревка:

Вдовин Александр Дмитриевич. **Смолокурня.**

Вдовин Василий Дмитриевич. **Смолокурня.**

Вдовин С.Д. **Смолокурня.**

Кошелев Ал. Ив. **Просорушка.**

Луньков Михаил Иванович. **Кузница.**

Можаев Степан Иванович. **Кузница (до 1926 г.).**

Назаров Ал. Григорьевич. **Маслобойная.**

Осипов Василий Гаврилович. **Кирпичный сарай. Маслобойная. Смолокурня.**

Осипов Ив. **Смолокурня.**

Осипов Федор Филиппович. **Шерстобойная. Просорушка.**

Родионов Илья Дмитриевич. **Кузница.**

Сергеев Дмитрий Дмитриевич. **Шерстобойная. Сукновалка.**

Соколов И.(?) С. **Мельница (бездействует)**

Соколов Ст. Ст. **Пряже-белильное.**

Соколов Ст. (?). **Паровая мельница.**

Соколов Тимофей Иванович. **Паровая мельница.**

Сперанский Василий Михайлович. **Кузница.**

Сперанский Павел Михайлович. **Кузница.**

Федотов Иван Иванович. **Кузница.**

Шишов М.И. **Сукновалка.**

Боевой:

Демин Степан Осипович. **Водяная мельница.**

Семилово:

Солдатов П. **Просорушка. Шерстобойня.**

Суворкин Иван Григорьевич. **Водяная мельница. Сукновалка.**

Ширшков. **Просорушка.**

Осиповка:

Баранов. **Водяная мельница.**

Новое Пятово:

Назаров Н.Ив. **Кузница.**

Песочное (Дальнее Песочное?):

Виденеев П.Ф. **Паровая мельница.**

Панкратов М.И. **Овчинная.**

Виля:

Мальков И.Г. **Кузница.**
Сизарев (Сазатов?). **Кожевенное.**

Проволочное:

Дикарёв Н.К. **Кузница.**
Зимин Ф.И. **Кузница.**

Сноведь:

Завражин Н.И (?). **Дегтярня.**
Емельянов В. **Свечной завод.**

Мяря:

Лямшин. **Крупорушка.**

Шиморское:

Балакин И.А. **Шерстобойня.**
Блинов М.М. **Кузница.**
Дятлов И.И. **Ветряная мельница.**
Лазутов Ив. В. **Мельница (нефт. дв.).**
Медведев Ф.В. **Кузница.**
Скороделов И.Н. **Ветряная мельница.**
Шигарев М.Н.(И?). **Шерстобойня.**
Шигаров С.Н. (И?). **Шерстобойня.**

Черная:

Комаров В.Ив. **Паровая мельница.**

Ближне-Песочное:

Агеев В.Ал. **Мастерская.**
Агеев Ив. Ал. **Мастерская.**
Агеев М.А. **Пряже-белильное.**
Агеевы Ал. и Ст. **Мастерская.**

Быстров Гр. **Красильное.**
Володин В. **Кузница.**
Володин Ф. **Кузница.**
Сафонов Гр.Ал. **Кузница.**
Сорокин Гр.Ив. **Шерстобойня.**

Тамболес:

Дмитриев. **Мельница (нефт. дв.). Шерстобойня (нефт. дв.).**
Дмитриев П.Д. **Шерстобойня.**

Гагарское:

Бритов Д.Т. **Просорушка.**
Бычков В.С. **Шерстобойня.**
Гришунин. **Шерстобойня.**
Климов А.В. **Ветряная мельница.**
Куплинов В.С. **Маслобойня.**
Куплинов И.С. **Крупорушка. Кузница.**
Мочалин В.В. **Паровая мельница.**
Подкустов. **Шерстобойня.**
Шерунтаев П.А (?). **Сукновалка.**

Новая:

Стрижев Ст. **Крупорушка.**

Тайга:

Кокарев Ст. **Кузница.**

Каркалей:

Зудин В.С. **Ветряная мельница.**
Сычев П.Дм. **Ветряная мельница.**
Цикин Ст. **Маслобойня.**

В число промыслов, к которым были причастны жители района, главным образом приокской его части, прежде относящихся к Владимирской губернии, конечно же, входила и рыбная ловля. К сожалению, не удалось отыскать имена людей, непосредственно с ним связанных. Попытаемся отчасти восполнить этот ущерб за счет сведений, почерпнутых из уже цитированного очерка о промыслах Меленковского уезда.

Хотя рыбная ловля производится повсеместно в уезде, в реках, речках, озерах и прудах, но преимущество ее улова бесспорно принадлежит р. Оке и у жителей ее берегов. Это занятие принадлежит торговому промыслу, между тем как в остальной местности уезда (напомню, о Меленковском. – *И.П.*) рыболовство не составляет отдельной промышленности, а служит только к удовлетворению домашних потребностей местного населения.

Рыбная ловля по реке Оке, в прилегающих к ней озерах, во множестве разбросанных на пойме, Старице (прежней Оке) и заводских прудах Нижне-Досчатинском, Досчато-Железницком и Гусевском (гг. Баташовых), производится в течение всего года ватажниками – отдельными лицами, арендующими у владельцев воды, располагающими свои ватаги (притоны) от 5 до 10 человек на берегу р. Оки. На ватагах устраивают, неподалеку от воды, небольшие шалаши или копаные землянки; в них помещается всегда или хозяин, или кто другой из его семьи, для продажи пойманной рыбы и караула ее и рыболовных снастей; последние, после рыбной ловли, раскидываются, для просушки, вблизи тех землянок на воткнутые в землю длинные колья.

Пойманные стерляди, крупный судак и иная отборная рыба, сажается в деревянные садки, погруженные в воду, а также и другие рыбохранилища, отводимые тут же в перепруженных затоках (заливах), или небольших озерах.

Вспомогательными средствами и орудиями рыбной ловли служат различные по времени года снасти. Весною употребля-

ются поезда – род сети длиною 5 сажень и шахи в виде мешка, продолговатые, круглые, на обручах сетки. Летом и осенью в реке ловят неводами, от 50 до 150 сажень длины, сетями, от 20 до 30 саж., бреднями, от 1½ до 4 саж., удами (самоловы), которые делаются так: к длинной веревке подвязываются на аршинных и менее бечевках железные крючки с небольшими камешками вместо грузил и такие уды забрасываются в реку, где быстрее бежит вода, часа на три и более. По прошествии известного времени уды вынимают из воды и обирают с крючков зацепившуюся рыбу, из которой преимущественно попадает стерлядь; для нее и придуманы эти самоловы.

В прудах ловят рыбу волокушами, от 40 до 50 сажень и другими мелкими рыболовными принадлежностями. Зимой рыба ловится только в Оке неводами на шестах. Этот способ следующий: прорубают на реке, поперек ее, два продолговатых отверстия, в произвольном одно от другого расстоянии вдоль реки, потом пробивают по несколько небольших дыр, в боковых сторонах, в промежутке отверстий, так что само собой означается на льду овальный круг, затем погружают в воду через одно отверстие сеть, с привязанными к ней по концам длинными жердями, так чтобы они были видимы в боковые дыры, в которые рыболовы палками с крючьями передвигают одновременно с обоих концов подо льдом жерди, а с ними и сеть до следующих дыр и т.д., пока она перейдет все пространство от одного отверстия к другому; при последнем отверстии сеть вытаскивают из воды и выбирают всю попавшуюся в нее рыбу.

Ватажники сортируют рыбу на три сорта: красную, бель и моль. Первый сорт составляют стерлядь, судак и окунь известных размеров. Второй – сом, лещ, шерих, язь, щука, налим, линь, карась, изголов, окунь и судак. Третий – плотва, ерш, густера, подуст, синец, клень, мукля, чехоня, скозобец и вся мелкая рыба вышеперечисленная, кроме стерляди.

Всех ватаг по р. Оке в Меленковском уезде шесть, а именно; при селах Окшове, Санчуре, Воютине, Шиморском, Досчатом и Решном. Улов рыбы, в продолжении целого года, простирается: примерно, до 2 тыс. пудов на слишком 4¹/₂ тыс. руб. В том числе ловится: стерлядей до 4 тыс. штук, разных величин. Размер их принято считать от глаза до хвостового пера, от 6 до 11¹/₂ вершков, ниже же 6-ти верш. Восемь стерлядей принимаются за одну, вошедшую в меру. В продаже мерная стерлядь покупается поштучно 55 и 60 коп. за каждую. Немерная же десятками 70 и 75 коп. за десять стерлядей. Судака и окуня отлавливается до 150 пуд. (средняя летняя цена 5 руб. за пуд), леща до 50 пуд (3 руб. 50 коп.), разной рыбы до 500 пуд. (от 1 руб. 50 коп. до 2 руб. 50 коп.) и мелкой – до 100 пуд. (от 40 коп. до 70 коп.).

В зимнее время ловится рыбы в реке впятеро менее нежели летом, а также и ценность на нее в полтора больше летних цен.

Сбыт рыбы производится местным потребителям окрестных селений и соседних городов, а более московским рыбопромышленникам, которым исключительно поступает одна крупная и отборная рыба. Летом скупают они рыбу живую, которую в плавающих садках отводят в Москву, зимою же в замороженном виде...

Знакомясь со старыми снимками, «вычислил» нескольких выксунских фотографов, которые, конечно же, тоже на полном основании могут быть причислены к тому же «цеху».

Лебедев Павел Матвеевич – по утверждению М.М. Хорева, заведение П.М. Лебедева было открыто в 1909 г.

Макаров Я.

Мокровский Иван Логинович. Первая стационарная фотография в с. Выкса открыта в конце 1890-х*

Рунге Рейнгольд Петрович, 1874 г.р., уроженец г. Риги, Латвия, житель г. Выксы. Арестован 20.12.37 г. Приговорен Особым совещанием 26.10.38 г. к 5 г. ссылки в Казахскую ССР.

Соколов Андрей Яковлевич. Так же, как и у Лебедева, с 1909 г.

Шаталов Н.И.

Отхожие промыслы. Из без малого 3 тыс. жителей села Досчатого (данные на середину 80-х гг. XIX века) порядка 600 мужчин, 150 женщин и отправлялись на отхожие промыслы в С.-Петербург и Москву. Представители сильного пола главным образом устраивались слесарями. Незначительное количество мужичков Решного, Новой Азовки и Мотмоса нанималось матросами на суда, ходившие по Волге, Оке и Каме. Из почти 1,5 тыс. села Шиморского с отхожими промыслами были связаны менее четверти мужчин (150) и лишь 4,4 % женщин (35), а также с полсотни подростков также чередовали дела земледельческие с промысловыми. Шиморянам находилось применение в соседнем Ардатовский уезде Нижегородской губернии. Шли на добычу руды и торфа, но, какой-то частью, бурлаками на Волгу и Оку. Тоже и жители Ближне-Песочной.

В деревнях Черной и Грязной мужичкам тем более не было нужды далеко «отходить»: до Выксунских заводов рукой подать. Они подвизались на рудниках и торфяниках, возили дрова, плотничали, а кто-то поступал в «фабричные». Жителям Борковки и Тамболеса тем более очевидно тяготели к рудникам и заводам.

У Нижней, Верхней и Старой Вереи – своя специализация. Кто-то еще видимо сохранял «смольницы», но большая часть занималась рубкой дров в казенной даче «Рожнов бор» и доставкой их на ВМЗ.

В селе Шиморском и других приокских селах был такой обычай: в первое воскресенье медового месяца молодые отправлялись в заводское с. Выксу на базар. Здесь покупали друг другу подарки (не оттуда ли эта горделивая поговорка «без от-

ца-матери нажито»?) и лакомства. Как ни крути, а «шопинг» и во много более давние, нежели рассматриваемые нами времена был одним из первых удовольствий обывателя.

Кстати сказать, собственных базаров, подобных выксунскому, села у реки не имели.

Из журналов очередного Меленковского уездного Собрания сессии 1900 г. (или 1910?) явствует, что в Досчатом, например, потребность в таковом ощущалась довольно остро. Вопрос «Об открытии в сел. Досчатом базара земство рассматривало на утреннем заседании 30 сентября.

Досчатинское сельское общество приговором от 10 марта 1910 г. обратилось в земскую управу с ходатайством о разрешении открытия базара в сел. Досчатом на большой улице, на земле, принадлежащей сельскому обществу, между домов мещанина Макарова и мастерового Быкова. Базар будет собираться еженедельно по пятницам. Свое ходатайство общество мотивирует тем, что в с. Досчатом имеется большое количество жителей, почему необходимо требуется покупать необходимые для жителей съестные припасы и другие необходимые предметы.

Докладывая об этом, управа имеет честь объяснить собранию, что сел. Досчатое находится в разстоянии от 1 до 4 вер. от селений, Досчатинская пристань, на которой имеются лавки и производится торговля, сел. Мотмос, дер. Новая Азовка и Решное, в которых вместе с Досчатым насчитывается до 6050 чел. обоего пола жителей. Ввиду такого значительного населенного пункта управа полагала бы ходатайство Досчатинского общества удовлетворить. А так как разрешение открытия базаров в селениях зависит от губернского земского собрания, то необходимо об этом возбудить пред ним соответствующее ходатайство.

Сентября 13 дня 1910 г.»

Верно, в том же Досчатом, на пристани, ежегодно, проводилась Успенская ярмарка, на которую доставлялись мануфак-

турные, бакалейные, кожевенные и другие товары. Но она была однодневной (15 августа). По оценке земских чиновников, на нее привозилось товаров приблизительно на 50 тыс., а продавалось – на 20 тыс. рублей.

О торговле в Меленках. «Кроме того, на базарах продаются различные съестные припасы для местных потребителей; в летнее же время базары совершенно пустеют и служат только для незначительных покупок предметов первой необходимости.

1-го октября, ежегодно, открывается семидневная ярмарка, посещаемая мелочными торговцами, из соседних городов: Муррома, Елатьмы и Касимова; местные купцы также переселяются с товарами во временные балаганы, где усваивают характер ярмарочной торговли. Товары состоят из различных материй, галантерейных вещей, бакалейных и колониальных произведений. Вообще ярмарка не имеет особенного значения в торговом отношении, а считается более праздничным событием, или новизной в обыденной жизни жителей, как всегда, большею частью, бывает в небольших провинциальных городах».

Согласитесь, приведенные списки существенно расширяют наши представления о «деловой активности» выксунцев конца XIX – начала XX веков. Речь, ведь, идет всего лишь о нескольких селах и деревнях, из которых только три возвысили в будущем свой статус до поселкового и только одно – пусть крупное, промышленно развитое – до городского. Но если на небольшой территории, очерчиваемой нынешними границами района, существовали многие десятки частных предприятий, значит, производимые ими товары и услуги по большей части находили сбыт. А следовательно, платежеспособность населения была в целом достаточно высокой, и местный мастеровой мог позволить себе и своим домочадцам кое-какие «излишества».

Это так, предположение. А достаточно глубокое изучение темы (к которой мы, с публикуемым сегодня списком, всего лишь на дальних подступах) может быть, еще в большей степени поколеблет устоявшееся в некоторых, давно не проветривавшихся головах представления о наших пра- и прапрадедах. Не надо рассказывать детям, что «простой» выксунский люд – все сплошь предельно обездоленные, абсолютно непритязательные и безынициативные работяги, по мере сил терпящие гнет эксплуатации, а потом срывающиеся в бунт...

Не знаю, как вас, только что ознакомившихся с предлагаемым списком, а меня больше всего поразило количество фамилий и сейчас еще довольно распространенных в нашем районе. Допускаю, что какой-то части их прямых потомков (или хотя бы «однокоренных») упоминаемых здесь «дельных людей», будет не безынтересно отыскать в этом перечне подтверждение семейным преданиям. Глядишь, удастся побудить некоторых из них заняться составлением родословной...

P.S. Вполне допускаю, что представленный вашему вниманию материал может содержать фактические ошибки. Листы архивных дел, из которых главным образом и позаимствованы приведенные в перечне фамилии, заполнены отнюдь не каллиграфами. Велика вероятность неправильно прочесть иные имена, отчества, фамилии (вы обратили внимание на значительное количество вопросительных знаков в круглых скобках).

И, главное, он не исчерпывающий. Продолжение поиска могло бы существенно обогатить наши представления о предмете исследования.

ЦАНО, ф. 1852, оп. 1, ед. хр. № 6, 7 (уточнить названия).

ГУ ГАНО №2, г. Арзамас. Фонд № -158, опись 2, ед. хр. 136, 137, 317, 318, 660;

ГУ ГАНО №2, г. Арзамас, ф. № Р-450, оп. 1, д. 85. Сведения и списки по учету промышленных предприятий уезда.

Ведомости о количестве земских сборов за 1911 г. следующих с владельцев промышленных предприятий. Список торговцев с. Выкса, с которых взыскан дополнительный промысловый доход.

Производство XX Ардатовского уездного очередного Земского Собрания Нижегородской губернии 18–21 сентября 1884 г. и отчеты Ардатовской уездной Земской Управы за 1884 г. Арзамас. Типография наследников Н.А. Венского. 1885 г.

Производство Ардатовского уездного очередного Земского Собрания Нижегородской губернии, бывшего 7–10 октября 1899 г. и отчеты Ардатовской уездной Земской Управы за 1889 г. со сметами и раскладками на 1900 г. Типография Н.Е. Вырова.

Памятная книга Владимирской губернии. Владимир на Клязьме. Типография губернского правления. 1895.

Ежегодник Владимирского губернского статистического комитета. Материалы для статистики, этнографии, истории и археологии Владимирской губернии. Том V, изданный под редакцией А.В. Альбицкого, секретаря комитета, Владимир, 1885 г.

Труды Владимирского губернского статистического комитета. Выпуск VIII. Владимир. В губернской типографии. 1869.

Труды Владимирского губернского статистического комитета. Выпуск IX. Владимир. В губернской типографии. 1871.

Журналы очередного и экстренного Меленковских уездных земских собраний 1898 г. Владимир на Клязьме, типо-литография губернской земской Управы, 1899.

Журналы очередного и чрезвычайного Меленковских уездных земских собраний 1907 г. Владимир на Клязьме, типо-литография губернской земской Управы, 1908.

Журналы очередного Меленковского уездного Собрания 1884 г. Владимир на Клязьме, типо-литография губернской земской Управы, 1885.

Журналы очередного Меленковского уездного Собрания 1885 г. Владимир на Клязьме, типо-литография губернской земской Управы, 1886.

Журналы очередного Меленковского уездного Собрания сессии 1900 г. Владимир на Клязьме, типо-литография губернской земской Управы, 1901 г.

Журналы очередного Меленковского уездного Собрания сессии 1909 г. Владимир на Клязьме, типо-литография губернской земской Управы, 1910 г.

Журналы очередного Меленковского уездного Собрания сессии 1910 г. Владимир на Клязьме, типо-литография губернской земской Управы, 1911 г.

Журналы очередного Меленковского уездного Собрания сессии 1911 г. Владимир на Клязьме, типо-литография губернской земской Управы, 1912 г.

Журналы очередного Меленковского уездного Собрания сессии 1912 г. Меленки, типография бр. Власовых. 1913.

Журналы очередного Меленковского уездного Собрания сессии 1914г. Меленки, типография бр. Власовых. 1915.

*Игорь ПЧЕМЯН,
действительный член общества
«Нижегородский краевед».*

Приложение 1

Потомки берендеев?

С детских лет из уст бабушки по матери, Екатерины Александровны Ерёминой-Забалуевой, услышала, что по этой линии восхожу к племени берендеев (кочевавших в южнорусских степях в XI–XII веках). Так утверждал ее отец, Александр Алексеевич Еремин. От своих родителей он знал, что некий предок примкнул к разбойнику Рошину. И будто бы помилован был барином: так, как владел секретом изготовления булатной стали. Ему для поселения выделили место в районе, ныне уже с карты Выксы исчезнувшей, Булатни. Семейное предание гласит, что в этой слободе были улицы, на которых жили семьями. Стрела – улица Зубаковых, Струна – Заниных, Берендеи – Ереминых. Доподлинно известно: мой прадед Алексей Афиногенович работал на Верхне-Выксунском заводе заслонщиком. Сталь варили в маленьких печах особую (у деда хранился особой прочности нож из нее изготовленный).

Итак, у берендея Афиногена Даниловича было два сына: Иван и Алексей. Первый (к сожалению, его фотографии ни у кого из ныне здравствующих потомков не сохранилось) пошёл по торговой части. Он имел на Нижней Выксе два двухэтажных дома. Один был деревянный, другой – полукаменный (первый этаж из кирпича). Бакалейные лавки в обоих, естественно, располагались внизу.

Иван Афиногенович и его жена Аксинья Филипповна слыли в округе людьми добрыми, потому как по просьбе испытывающих нужду постоянных клиентов отпускали им товары в долг. Ассортимент в лавках был относительно небогат: крупы, пряники, конфеты и прочие, главным образом – продовольственные, товары, по ценам сообразным с доходами работных людей.

После революции, когда началось раскулачивание, Ерёмины отдали новым властям эти два своих дома (в них размещалась позже школа №4), а сами перебрались в Булатню, в родительский, еще Афиногену Даниловичу принадлежавший, одноэтажный каменный дом.

Имели они и маленькую, каменной кладки лавку, расположенную близ Христорождественской церкви. Там, как свидетельствует предание, торговали нитками, пуговицами, булавками, иглками. Причём, в советские уже времена, вплоть до того, как решили свернуть НЭП...

Из детей Ивана Афиногеновича только Иван и Павел пытались, следуя по стопам отца, освоить ту же коммерческую стезю.

Подростком Ваня плавал по Оке. Говорили будто, ещё очень молодым, благодаря золотым рукам и отличным деловым качествам, завоевал хорошую репутацию. В 1916-м он даже выстроил собственную мельницу, но уже в 1918-ом, при вполне, думается, понятных обстоятельствах, её потерял.

Зато свой дом обустроил так, как хотел. Провел водопровод, соорудил котельную (в тогдашней Выксе, надо думать, – исключительная редкость), благодаря которой и обогревались комнаты дома. Его силе и ловкости завидовали. Говорят, недоброжелатели даже пытались отравить. Но Иван Иванович, почуяв недоброе, перекрестил рюмку... У нее отвалилось дно!

Работал тоже на металлургическом заводе. В 1937-м его арестовали за хранение Библии и сослали на Соловки. След его затерялся...

Павла Ивановича судьба от столь жестокого испытания оградила. Он занимался изготовлением зеркал. Причем, его «бизнес» худо ли, бедно ли, но продолжился. Мастерская просуществовала вплоть до 50-х годов XX века. Поскольку Еремины, чем бы они ни занимались, никогда не позволяли себе небрежности, то и зеркала Павла Ивановича пользовались у выксунцев

неизменной популярностью. Наверняка, в некоторых домах они ещё сохранились...

Среди потомков Ивана Афиногеновича были люди разных профессий. Но, наиболее типичная – металлург. Яркой и для своего времени довольно удачливой была судьба Александра Алексеевича. На металлургическом заводе он начинал в 13 лет рассыльным. Затем масленщик, помощник машиниста. В первую мировую воевал, в гражданскую (в Чапаевский дивизии). После ратных дел вернулся на завод и работал в пархозе. Награжден орденом Ленина. Четыре его сына защищали Родину в годы Великой Отечественной.

Род Ереминых – староверческий. Старшие поколения строго соблюдали устав, имели свою молельню на Булатне. Жениться сыновья могли только на девушках из семей единоверцев. Однако случалось, заглядывались на «чужих» красавиц. Алексей Афиногенович, например, без памяти влюбился в девицу Личнову. Не раз был нещадно бит ее родственниками. Так он тайком, переодевшись в женское платье, все равно ходил к ней на свидание! Наконец, даже сменил веру и венчался в Большой церкви...

Потомки Ереминых отзывались о них с неизменной теплотой. Знать, заслужили благодарной памяти.

Елена Липатова

(На основе статьи автора «Из племени берендеев», опубликованной в газете «Выксунский рабочий» от 25.08.2001 г.)

Приложение 2

Один из сотен

Едва ли не большинство представителей старшего поколения выксунцев с детства были убеждены (учителями, учебниками, всей советской пропагандой), что их предки прожили жизнь в непрестанных тяжелейших трудах, заботах, но беспросветной нужды так и не одолели, потому как «эксплуатация»! Если чей-то быт и позже октября 1917-го сохранял остатки (точнее, останки) «прежней роскоши», то этот факт стыдливо умалчивался, ибо, казалось, в сами гены россиян вколочено: богатый – значит кровопийца, благополучный – мироед. А кто думал иначе, то из инстинкта самосохранения помалкивал, оберегая себя и близких от беды.

В семье о Е.Н. Александрове, знают немного. Между тем, сдаётся мне, Егор Никифорович лучшей памяти заслужил. Как свидетельствуют архивные документы, он владел галантерейной лавкой в Выксе, бакалейной – в Велетьме. Имел большой дом в последней (говорят, по сей день стоит), хозяйство. Четверо совместными с любезной супругой, Марией Потаповной усилиями выведенных в люди чад. Все при деле и у всех не чужая крыша над головой.

Верно, после октябрьского переворота семья почти всего нажитого лишилась, но... Со снимка примерно 1923 года на нас смотрят люди судьбой не сломленные, и, простите, далеко не обносившиеся. «Прикид» Николая и Евгения Егоровичей сам за себя говорит. Да и Егор Никифорович ещё хоть куда! Уж поверьте человеку, вдосталь насмотревшемуся на старые фотографии, тогда так далеко не все выглядели.

Конечно, серьезных испытаний семья не избежала. Николая определили в лишенцы. Позже, и вовсе, осудили и отправили в лагерь. Ещё один сын, худшего варианта избежал. Говорят, супруга его ездила в Москву и просила заступничества у самого всесоюзного старосты, Калинина. И будто бы помогло. Не посадили, избирательные права вернули. Доживал свой век в Выксе, работал в заводской охране. А, кстати, дочь его, Вера Федоровна (в замужестве Ульянова) всю войну прошла со своими медсанбатами и закончилась она для неё, младшего лейтенанта медицинской службы, где-то в Польше... После демобилизации полвека служила здравоохранению в клинической лаборатории районной больницы...

Иван Егорович Александров осел в Кулебаках, стал отцом многодетного семейства. Никаких подробностей, увы. А Николай Егорович из заключения вернулся живой. Трудился где-то на ДРО. Потомкам запомнился как великий о домочадцах заботник, заядлый грибник, ягодник и рыбак (он и умер-то, сидя на берегу Запасного пруда с удочкой в руках). Сын Сергей и дочь Валентина окончили ВМТ. Первый отработал по направлению, вернулся в родной город и долго трудился в отделе главного конструктора машиностроительного завода. Их брат, Евгений Николаевич также был по конструкторской части, сначала на заводе ДРО, а потом на металлургическом...

Наталья Егоровна вышла замуж не за кого-нибудь – семья-то непростая, и невеста симпатичная – а за образованного человека, приезжего фармацевта, Александра Васильевича Межевого. Их сын Владимир (тоже в ВМТ учился) прошел войну, имел правительственные награды. А дочь, Лидия Александровна, сохранившая главный для потомков Егора Александрова снимок, много лет работала старшим экономистом в торге. Удивлена нашим интересом к тому, что так давно было и былшем поросло...

А в альбоме есть и другие любопытные фотографии, представляющие интерес для краеведа. Вот, например, детский теа-

тральный коллектив под руководством В.В. Варнакова, вот портрет самого режиссера. А на третьем узнаём одного из самых уважаемых руководителей Выксы послевоенной поры, И.В. Зотикова, сделанный в бытность его замполитом ремесленного училища...

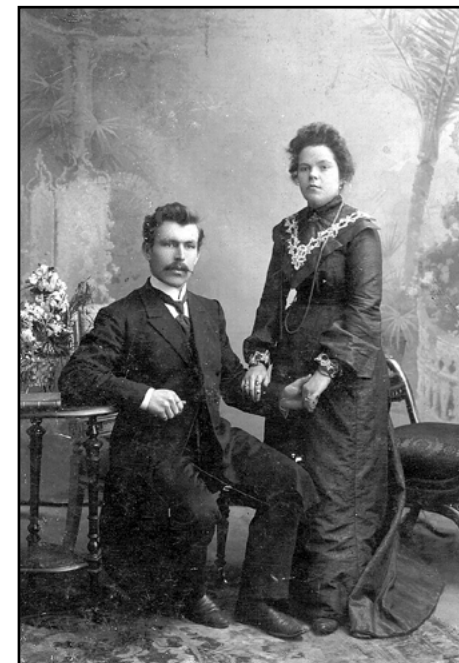
Между прочим, среди потомков Егора Никифоровича имеется по меньшей мере один предприниматель. А вот если бы некогда правители России взяли под опеку тех подданных, у которых нет к данному непростому поприщу ни склонностей, ни намерений, то, глядишь, развивавшаяся эволюционно держава сегодня красовалась в ряду самых благополучных стран Старого Света. И не только у Александровых, но у всех тогдашних Ивановых, Петровых и иже с ними успешных продолжателей дела было бы предостаточно.

Приложение 3

Им бы жить поживать...

Чем больше соприкасаешься с материалами из семейных архивов, тем больше подтверждений не нами, и не вчера осознанному, но неизбежно грустному: в России была осуществлена селекция со знаком «минус», то бишь анти-селекция. Немногие сохранившиеся фотопортреты тех, кто погиб в боях (причем по обе стороны баррикад) или сгинул в неволе, не успев обзавестись потомками или поднять их на ноги, кто осиротил не только любимых чад, но и землю свою, или дело, или служебное поприще, или служение, невольно подводят к мысли о том, что жертвы были будто бы специально кем-то отобраны. И вовсе не факт, что исключительно по злокозненному умыслу «отбраковывавших» социально чуждых. Здесь чувствуется сила, много превосходящая совокупную волю «селекционеров»...

Прадед моего собеседника по материнской линии, Иван Прохорович Щепкин, родом из с. Черниченка, что в соседней Владимирщине, за рекой. В обвинительном заключении его потомка, Михаила Ивановича, написано: «сын кулака». У народа из левобережных сёл

чаще всего была определённая «специализация». В Черниченке водились портные, другие мастеровые, но большая же часть люда довольствовалась унаследованным от предков умением выращивать скот, разделывать мясо и, по крайней мере, время от времени торговать его на рынках и ярмарках.

А чему удивляться? Единственная «промышленность» близости – сравнительно «солидный» паточный завод в Усаде. А кормить большие семьи чем-то надо, так? Кто-то, как водится, подавался на заработки в большие города. Иван Прохорович и Матрена Прокопьевна свернуть со стези предков не помышляли: крестьянствовали, как могли, и поднимали сынов. Михаил, Андрей и Иван, не из родни, а родню, ребята получились ладные, толковые, трезвые и праздности чурающиеся... Сам Иван Прохорович был человек глубоко верующий. То же и сыны, во всяком случае – по молодым годам, когда ещё это можно было безбоязненно обнаруживать.

Старший из них, Михаил (1877 г.р.) женился еще до Русско-японской войны. Его стараниями род Щепкиных пополнился четырьмя девицами. Далеко не бедная теща, помогла обзавестись большим домом на Выксе. Так бы всё жить бы поживать...

Однако совершенно зрелым мужчиной Михаил Иванович угодил на войну. А там – и в плен. В Австрии, как неоднократно рассказывали дочери своим детям, пробыл он без малого шесть лет. Работал на тамошнего «бауэра» (по представлениям мужичка из владимирской глубинки – более чем зажиточного, скорее даже «юнкера»).

В памяти внука интересная деталь, о которой мой собеседник слышал из уст матушки. Особым уважением хозяин отметил Михаила Ивановича якобы после того, как тот спас его добро от тамошней «продразвёрстки». Оно ведь так: какого бы «замеса» не был земледелец: русского, немецкого или, там, еще какого, а расставаться с праведно (а хоть и неправедно!) нажитым добром, пусть даже и в пользу воюющего отечества, – опричь

души. Но австрияку и в голову не мог прийти тот «фокус», что задумал и успешно осуществил этот его, как бы свыше посланный русский помощник. «Поколдовав» ночь, тот настолько хитроумно упрятал хозяйское зерно, что нагрывшим мытарям осталось только беспомощно развести руками.

Очень понравился Михаил «зарубежному коллеге»! Когда уже зримо прорисовалась возможность возвращения на Родину, предлагал остаться навсегда и как хорошему, уже вольнонаёмному работнику сулили безбедное будущее. Предлагал в жены любую на выбор из двух дочерей: «Как же такое возможно, – недоумевал М.И. Щепкин, – у меня в России и жена есть, и дети»...

Известно, что и в родной стороне трудолюбивый и предприимчивый Михаил Иванович, не бедствовал ни до, ни после войны. По семейному преданию его «бизнес» начинался с привезенного из-за реки бычка. Откормил – продал. Ну и далее, по известной на этой земле по сей день, вечной схеме...

В одном дореволюционном ещё документе, что хранятся в областном архиве, М.И. Щепкин числится среди нескольких десятков выксунцев, живущих торговлей. Эти сведения относятся где-то к 1910–1911 гг. И, кстати, здесь же упоминается, что в 1910-м была сломана мясная лавка его отца, самого Ивана Прокопьевича.

В помещении бывшей заводской конторы Михаил Иванович в большом полуподвальном помещении имел склад. Могучий слой льда, заблаговременно заготовленного и присыпанного опилками, позволял поддерживать необходимую для длительного хранения мясных туш температуру. Здесь же осуществлялась собственно торговля или где-то в другом месте? – достойный ответ на этот вопрос сейчас уже никто не знает...

В годы НЭПа (то есть вскоре после возвращения из плена и где-то года до 1928-го) Щепкин жил главным образом означенным делом. Поначалу довольно успешно: большой дом был обставлен добротнейшей мебелью, дочерям приданое заблаго-

временно припасено, ну и, само собой разумеется, никогда не пустовавшие погребца и подпола. Однако сами понимаете, в стране «побеждающего пролетариата» благополучие «классово чуждого элемента» не могло быть прочным и долговечным. Прежде чем окончательно раздавить последних «кровопийц», советская власть вознамерилась основательно их самих «пододить». Начали поэтапно (но очень споро) подымать налоги. Первые «наезды» Михаил Иванович как-то выдержал. Что из нажитого добра продали, где-то перезаляли. Но налоговая удавка затягивалась всё туже и туже. Наконец, в недобрый час явились судебные исполнители и описали имущество. Щепкины вынуждены были расстаться со всем тем, что могло бы помочь пережить неласковые к ним времена...

От прежней «роскоши» только и остались, что венские стулья! Да, ещё икона с образом Серафима Саровского, которую хозяйка, кстати сказать, расположила против обычая, но весьма хитро – задумает посторонний человек заглянуть в хозяйскую спальную, распахнёт дверь, а та и прикроет собой святыню. А то, вот, квартальный уже интересовался: почему в доме портретов вождей не видать? Показали картинку с малолетним Ильичом, несколько урезонили. Однако, и после их оправданий этот циклопический микроб (разве не испокон веку на Руси: ретивый низший начальник – самая большая неприятность!) заметил ворчливо, что надо бы ещё и «парсуну» взрослого постоянно перед глазами держать. А представьте-ка, вдруг бы он на икону наткнулся...

Михаил Иванович – человек к тому времени немолодой, много чего в жизни повидавший, мудрый – осмыслив очередные «кульбиты» фортуны, принял, наверное, единственно верное в тех условиях решение. Пришёл к местным отцам-командирам и предложил себя в качестве служащего при своей же «базе», которую «добровольно и сознательно», а главное, безвозмездно передавал в собственность торгового кооператива.

Представьте, не побрезговали услугами «классово чуждого», но очень уж сведущем в своем, лишь дуракам простым кажущемся деле! Стал Щепкин служащим. Верно, в ранге заведующего. Но это был не такой заведующий, каких в избытке наблюдали во времена тотального дефицита: влиятельных, самоуверенных, куражливых до неприличия! Тем не менее на протяжении почти 10 лет на опытного хозяйственника упорно и системно собирался компромат. Чекисты запросили на него характеристику от его зареченских земляков. Те не сразу и разобрались: «Щепкиных у нас полдеревни, только Михайлов Ивановичей – трое...» После получения корректирующих сведений доложили: «Сын кулака. Выехал давно, по рассказам – живет в Выксе».

В личном деле бывшего торговца мясом, ныне хранящемся в Центральном архиве Нижегородской области, гирлянда (с 1927 по 1937-й ежегодно «нанизывались» по одному – два!) показаний на Михаила Ивановича. Суть: ненадежный человек. Мол, нынешней жизнью не доволен (а вы на его месте были бы довольны?). Ещё одна «гирляндочка» – времён подготовки реабилитации. Те же люди, за исключением немногих, к тому времени уже перед другой «инстанцией» отчитавшихся, от своих прежних показаний отказались. Да и от «своих» ли? Кто-то признался: вызвали, велели подписать бумагу. Подписали – не глядя, выйдя – перекрестились: на сей раз обошлось!

В 1937-м Михаилу Щепкину инкриминировали намеренную порчу народного добра. Что-то там в их организации случилось. Надо думать, товар не уберегли. «Крайний» кто? А, может быть, и просто придумали или раздули какой пустяк (умели!), когда пришла его очередь – это в шестьдесят-то лет! – примерить терновый венец «врага народа».

Одна женщина из прежних «свидетелей» в середине 50-х уверенно заявляла: «Не мог этот человек так поступить. Мы знали, как он переживал за работу!»

Сразу после ареста Михаила Ивановича сначала пришлось конвоировать в больницу и там несколько дней держать под стражей: от пережитого у него случилось острое расстройство...

Дочерей тогда же предупредили, чтобы собрали еды на три дня, ну и там одежды какой-то, бельишка. И чтоб из дома ни шагу: «За вами приедут»...

Просто ли пугали или «отбой» наверху сыграли, мол, хватит уже – поди, узнай. Об этом молодух не уведомили. Но они ещё долго тряслись от страха и лишь по настоянию опасавшейся за их здоровье матери со слёзами пополам глотали то, что было приготовлено из неведомо какими тайными путями добытых продуктов...

Дело было в августе, а незадолго до этого на семейном совете обсуждали: куда отправить учиться Зину, окончившую школу с отличием...

Потом страх немного отпустил. Но под мрачным его шлейфом они жили долгие годы. У одной из взрослых к хрущёвским временам дочери муж работал в милиции, и в более поздние был, между прочим, не самым маленьким там начальником; но и она боялась хлопотать о реабилитации отца: как бы власти не разозлить, не испортить жизнь сегодняшнюю...

Верно, в войну двое сестер, раззадоренные тайными гаданиями цыганок и смутными слухами, собрались в Саров. Там располагался лагерь, где будто бы томился их отец. Взяли узелки с каким-то небогатым провиантом, литр «зелена вина» (без него на Руси разве какое препятствие одолеешь?) и вперёд. До Фирюсихи добрались узкоколейкой, дальше – несколько десятков километров – пешком. Дошли...

Они попросили часовых узнать, есть ли здесь такой? Те, было, облаяли их не в меру свирепо, но, прослышав про две поллитровки водки, враз умерили церберский пыл. Заполучив водку, один сразу ушёл, вроде как «навести справку». Потом и другой без лишнего шума сменился. Девушки, затосковав, опять

к КПП, а там уже другие солдатики, гонят их прочь с матюгами в след...

Судьба отца долго еще оставалась им неизвестной. В 1956-м, в справки о реабилитации, прочитали, что Михаил Иванович умер в 1943 году от болезни. Естественно, поверили! Но истинную правду довелось узнать лишь в 2003-м сыну одной из них, А.П. Филинову. Побывав в архиве и познакомившись с теми документами, что были переданы на хранение в это досточтимое учреждение, он, по собственному его признанию, был потрясён. Деда взяли 27 августа, а 3 сентября – расстреляли. Этому документу внук, который сегодня уже старше своего деда, не поверить не мог...

– Несколько лет в школе, – говорит Александр Петрович, – я просидел за одной партой с девочкой, что носила такую же фамилию, как и моя мама в девичестве. Матушка молчала, Людмиле тоже никто ничего не говорил. Ну и были уверены: просто однофамильцы. Только много позже мама шепнула: мой дед и отец соседки по парте – двоюродные братья...

Брат Михаила Ивановича, Андрей Иванович служил агентом по заготовке скота в Выксунском торге. Его взяли 20 октября того же года. Приговор «тройки» – высшая мера наказания.

Из сынов Ивана и Матрены избежал «карающей десницы» один только отцов тезка, проработавший в отделе труда завода дробильно-размольного оборудования. Но он, как и племянницы, вёл почти затворнический образ жизни. Десятилетия, проведённые под призором «всевидящего и недремлющего» давали о себе знать. Выковался новый вид: человек сверхосторожный...

Приложение 4

Воротца в прошлое

Опубликовав в шестнадцатом выпуске «Семейного архива» заметку «Ау, потомки!» («ПК» № 48 за 2000 г.), где были названы некоторые из владельцев промышленных заведений дореволюционной Выксы и содержался призыв к читателям помочь нам в поиске каких-либо дополнительных сведений о них, я и не предполагал, что уже в ближайшее время получу ценную подсказку от И.С. Сотниковой, в недалеком прошлом преподавательницы металлургического техникума.

– Вот тут у тебя первым в списке Сухарьков, Василий Михайлович. Сдаётся мне, что это отец Марии Васильевны Пучковой, а следовательно, и дед Юрия Николаевича Пучкова. Знаете такого?

Ирина Сергеевна сообщила мне, где последний проживает, и я поспешил с ним связаться.

...Предположение оказалось верным. Правда, выяснилось, что обстоятельно рассказать о своём деде Юрии Николаевич не может: Василий Михайлович умер, когда внуку не было и десяти лет, то есть в 1924-м. Но нечаянная удача – сохранились фотографии, запечатлевшие облик этого человека.

Напомним, что В.М. Сухарьков, как следует из архивных материалов, был купцом 2-й гильдии. Человек оборотистый, он наладил на Выксе (первым или нет – не скажу) производство и продажу фруктовых вод, завел оптовый пивной склад, портерную и две лавки – мануфактурную и бакалейную.

То ли в канун революции, то ли уже после неё Василий Михайлович уехал из Выксы. Жил некоторое время на Урале, где пребывала и единственная дочь его Мария. Вместе с мужем, юристом

московской выучки Николаем Александровичем Пучковым. Там и случилась беда. Отец Юрия Николаевича, состоявший на службе у советской власти, после прихода колчаковцев, вынужден был скрываться и где-то в тех же краях умер от сыпного тифа. Это ли обстоятельство побудило В.М. Сухарькова, какое-то другое – не знаем, но в 1921-м он вернулся в город, где некогда преуспевал. Двухэтажный деревянный дом к тому времени был, понятное дело, экспроприрован. Он поселился в другом, куда более скромном по размеру. Глава семьи в годы НЭПа, поверив в постепенное возрождение частного предпринимательства, пытался, было вновь встать на ноги. Он наладил квасоварение и достаточно успешно торговал самым ходовым русским напитком (тогда это был именно квас, а не водка и не пиво, как сейчас) на местном рынке...

В 1924 г. Василий Михайлович умер и был похоронен на кладбище возле Малой церкви.

Супруга Юрия Николаевича, Тамара Анатольевна, долгие годы жившая со свекровью и ее матерью, Марией Андреевной, вспоминает, как последняя отзывалась о покойном супруге: «Он

в точности, как в пьесах Островского купцы описаны, таким и был по характеру». Супруга, кстати сказать, происходила из-за реки (деревня Игов погост Меленковского уезда), из семьи священнослужителя и в девичестве носила фамилию Лекторская. Из большой семьи, где детям дали достойное образование. Многие из них учительствовали. А один брат, Аркадий Андреевич, – гордость всей семьи – стал профессором математики.

Учительствовала и Мария Васильевна. Преподавала она на рабфаке, в первой и третьей школах. Под ее началом, говорят, постигали математику многие известные в будущем выксунцы. Женщина она была не вполне обыкновенная. Перенесенное в детстве серьезное заболевание оставило некоторое увечье: одна половина тела плохо ее слушалась. Казалось бы, не найти единственной дочери провинциального купчика достойной партии. Во всяком случае, – по любви. Ан нет, знаете ли!

Любопытнейшая история ее знакомство с суженым. Стояла в очереди у театральной кассы. А жарко было невероятно, ну вот она и упарилась в своих «кринолинах»: упала в обморок! Случайно оказавшийся рядом молодой человек, франтоватой наружности, вызвал карету скорой помощи и решил самолично сопровождать пострадавшую до больницы. Затем навестил раз-другой... А уж после всего этого посчитал себя просто обязанным предложить руку и сердце!

Конечно, все было чуточку по-другому, но ничуть не менее романтично. Кстати, Василий Михайлович ещё и не сразу дал благословение. Что-то, понимаете, его в женихе не вполне устраивало. Или недостаточно был состоятелен?

Мария Васильевна после смерти супруга ещё раз была замужем, но никогда не забывала своего героя, держала на видном месте большой портрет и как-то призналась невестке: «Только его по-настоящему любила и люблю!»

Так вот, она была сильная, волевая женщина, ничуть не комплексующая по поводу своего физического недостатка, толковый

преподаватель и верный товарищ. Надо полагать, Мария Васильевна, много внимания уделяла единственному сыну. Юрий Николаевич в 1934-м окончил техникум, а некоторое время спустя и институт, где получил специальность инженера-механика. Работал на заводе ДРО. С 1945-го по 1948-й служил в Германии (был связан с процессом репарации), потом вернулся на машиностроительный, где дорос до должности заместителя главного конструктора по экспорту. Ну, естественно, заграникомандировки. Купеческий внук один из немногих счастливых, кому ещё в те годы удалось побывать в девяти странах на четырех континентах.

Само собой разумеется, о деде своем он никогда не распространялся.

Более двадцати лет Ю.Н. Пучков преподавал начертательную геометрию в местном учебно-консультативном пункте Горьковского политехнического института. Как очень скромного и исключительно доброжелательного человека его по сей день знают сотни выксунцев.

Василий Михайлович Сухарьков продолжился в правнучке, Марине Юрьевне, в замужестве Хлебожаровой, и в праправнучке, Александре Дмитриевиче, что родился в 1987-м. Но двое последних – это уже жители Саратова. Вона, куда занесло! Может быть, Сашенька окончит лицей, институт, да и отправится по стопам предка?

Говорят, братьев Сухарьковых никак не менее пяти было. И обладателей этой фамилии в Выксе еще немало. Кто знает, может с их помощью еще какие-то воротца в прошлое откроются?

Приложение 5

Сердце доскажет

В 45-м номере «Провинциальной хроники» («Когда же я приеду к вам») мы опубликовали очередной список земляков, ставших жертвами политических репрессий. В числе прочих назвали и П.Л. Голованова, потомственного, насколько нам известно, владельца кожевенной лавки, что располагалась в здании, известном большинству из нас под названием «Магазин № 10».

Сразу сообщу главное: удалось пополнить краеведческий архив по разделу «Изгой советской историографии» кое-какими дополнительными сведениями и фотографиями.

На одной из фотографий запечатлены совсем еще молодой Павел Леонидович и его супруга Татьяна Васильевна в лучшие годы своей жизни. И чета Заниных: зять Голованова Владимир и его «половина», сестра нашего героя, Александра Леонидовна (жили в пер. Ремизова).

Хранился снимок у Л.М. Головановой, вдовы сына Голованова, Леонида (1910 г.р.). Последний в свое время был человеком довольно известным на металлургическом заводе. Он сумел получить высшее образование (окончил Харьковский машиностроительный институт) и нажить изрядный багаж инженерных знаний. Леонид Павлович в последние годы жизни возглавлял механическое бюро проектного отдела предприятия. Своего свекра Лидия Михайловна никогда не видела, она встретила суженого уже после ареста невинно осужденного.

– Да, этот магазин принадлежал когда-то Павлу Леонидовичу и его семье, – подтверждает наша собеседница. – Правда и то, что у него работали наёмные люди. И не только кожевенными товарами торговали. Пиво здесь же, во дворе, варили...

– И здесь же семья жила?

– Нет, у Головановых в царское время был большой собственный дом. Где? На нынешней ул. Корнилова. В нем еще одно время районная милиция квартировала.

А в доме поменьше, что по соседству, обитали «эксплуатируемые». Дочку одной из работающих на него семьи хозяин (или тогда ещё сын хозяина) и присмотрел себе в невестки...

После революции всю недвижимость у Головановых отобрали. Уже после ареста Павла Леонидовича «стражи порядка» все допытывались у Татьяны Васильевны, где она прячет золото и драгоценности. «Помилуй Бог, какое золото? – недоумевала “купчиха”. – Вы мужа моего спросите».

После войны уже Леонида Павловича вызвали в милицию. Он вместо себя послал жену, сам недомогал. Но там настояли, чтобы все-таки пришёл старший из колена. Когда сын «врага народа» наконец пришел к «дозорным», ему дали ознакомиться с документом, который, по его рассказу, подтверждал давнишние худшие предчувствия: отца в живых уже нет. Говорилось там и о том, что он полностью реабилитирован. Сыну сообщили: Павел Леонидович умер в 1941 г. А до того, мол, работал в тюрьме, развозил на лошадке провиант.

Эта версия полностью противоречит сообщаемой рассекреченными архивными материалами. Какой прикажете верить? Думаю, многие предпочтут остановиться на изложенной в документах, изначально не предназначавшихся для оглашения.

– Какой-то «треугольник» его судил, – поясняет Лидия Михайловна.

– Может быть, «тройка»?

– Может, и так называлось... Мы одно поняли: все это наскоро было сделано, без разбирательств. А еще Лёне говорили, будто отец в тюрьме даже какие-то деньги заработал. Он спросил, не отдадут ли их детям? Нет, ответили, жене бы отдали (а

Татьяна Васильевна за месяц до того скончалась, так и не узнав ничего о том, что случилось с мужем после ареста) ...

Допустим, ввали. Но зачем? Хотели подсластить «горькую пилюлю»? Или существовал какой-то циркуляр, предписывающий оберегать народ-победитель от знания самых жутких подробностей о расправе над неповинными. Во всяком случае, автору, этих строк за последний год с подобным расхождением приходилось сталкиваться не единожды. А может, и в самой «конторе» использовали «двойную бухгалтерию»? Послали наверх реляцию: «Все сделали, как вы нас учили!». Сами же мужичка «заныкали» – и на хозяйственную службу...

И верно ведь: умом Россию не понять.

– После ареста свёкра моя золовка, будущая тогда еще, Люба (она в Горьком жила), куда только не писала. Даже на Соловки. Всё пыталась узнать, где отец, что с ним. Так ничего и не добились, – с горечью заключает Лидия Михайловна.

Как мы и предполагали, семья у П.Л. Голованова была немалой. Помимо уже упомянутых Леонида, Александры и Любови, в ней выросли еще и Александр, Герман, Глафира, Николай, Тамара. Ни за кого из отпрысков Павлу Леонидовичу краснеть бы не пришлось.

Жили достойно, хотя и негромко.

Но помыкаться некоторым из них довелось. Неслучайно же Леонид Павлович так далеко уехал из родного края, чтобы получить образование. Прежде чем определиться на соответствующее его диплому и знаниям место в Выксе, он довольно продолжительное время работал в другом городе. Когда отца реабилитировали, началась другая напасть: его стали агитировать вступить в партию. Как-то раз, вернувшись после очередной проработки домой, измученный, он поведал жене: «Я сказал им, не хочу стаж беспартийный терять... А что заводу нужно, так и без того все отдам». После очередного инфаркта он, лежа в постели, инструктировал своего коллегу по поводу какого-то

технического усовершенствования... Супруге сказал: «Меня не станет, тебе деньги выплатят». Сейчас, выплатили. Ничего подобного!

Интересная страница была в биографии Германа Павловича. Ему, видимо, тоже пришли в голову счастливая мысль держаться подальше от мест, где слишком многие могли укорять социальным происхождением. Так вот, его занесло аж в Арктику! Да, по семейному преданию, он был в героической компании папанинцев. В качестве... повара. Ну, а, вернувшись на родину, работал в Горпромкомбинате.

Вот почти все, что удалось узнать. Верно, не слишком много. Но все лучше, чем ничего.

Приложение 6

Фотограф щёлкает

В «Провинциальной хронике» № 26 за 2000 г. обратились к читателям с просьбой помочь в этих поисках. Но клич этот, признаться, не был по-настоящему услышан. Публика наша либо равнодушна к призывам краеведов, либо так же несведуща в этом вопросе, сколь были и мы на первых порах.

Однако Госпожа Удача благоволит усердным. Из тьмы забвения извлечено несколько доподлинных, документально подтвержденных персоналий, имеющих к фотографическому делу самое прямое отношение.

Вот, например, перед глазами документ почтеннейшего возраста. Добропорядочнее семейство дружно взирает в объектив камеры и даже чада замерли в ожидании обещанной дядей «птички». Под снимком на лицевой стороне паспарту какой-то уже плохо различимый герб, справа четыре медали (на первой через линзу усматриваем профиль последнего монарха), а в правом углу вытеснен кудреватый вензель: «Н.И. Шаталовъ. Выкса. Ниж. губ.» Ну, вот вам, пожалуйста, один из разыскиваемых! Позже в каком-то разговоре всплывает: «Действительно, был такой и жил, будто бы, в районе так называемой «горки» или ближе к Верхней Выксе».

На оборотной стороне фотографии типографским же способом выполненная картинка: мольберт, палитра, рядом камера со штативом и надпись (фотография такого-то и место ее «дислокации»). Заверение мастера: «...Негативы сохраняются». И мало того, «...Портреты могут быть увеличены до натуральной величины». В общем, солидное дело!

Иверский Выксунский монастырь был запечатлен во множестве самых выигрышных своих ракурсов и видов. В посвященной местной обители книге, которая отпечатана в собствен-

ной типографии Свято-Троицкой Сергиевой лавры (издание четвертое, исправленное и дополненное) множество фотоиллюстраций. На многих из них автограф читается без труда: «П. Метцгер». Кто такой, не ведаем. Скорее всего, заезжий мастер. Многие фотографии воспроизведены и на почтовых открытках, которые, надо думать, здесь же, в монастыре, и продавались многочисленным богомольцам.

...Но вот листаем, хранящийся в Государственном архиве Нижегородской области, список монахинь и указных послушниц монастыря за 1917 г. и неожиданно выясняем: здесь имелась собственная фотомастерская! Тогда ею заведовала послушница Мария Федоровна Швецова, из крестьян Суздальского уезда. К услугам собственного мастера прибегали в случае приезда высоких – вплоть до обер-прокурора Священного Синода – гостей на те или иные торжества; и когда сестер навещали родные самого простецкого происхождения, чина и звания...

Ещё один старый снимок. На паспарту явственно: «Я. Макаров. Выкса». Н. А. Князева в своей книге «Прогулки по городу с бабушкой Н.» также упоминает этого человека. По ее сведениям, фотография Макарова размещалась в доме Казарова, том самом двухэтажном, деревянном, где до 1992 г. квартировало турбюро.

Итак, Макаров. На обратной стороне надпись: некий Володя Шмельков дарит ее на добрую память «...товарищу и другу Мите Д.» И датировка: «Снимался 1 апреля 1929 г.» Но на фотографии, которая ныне хранится в возрождающейся обители, читаем: фото (воспроизвести репринтно). Уж не Шмелькова ли? Хотя, может быть, и Шмелева. Тоже вполне выксунская фамилия.

Вернемся к названному выше послужному списку. Среди прочих в нем упомянута пятидесятилетняя монахиня Херувима, в миру именовавшаяся Екатериной Васильевной Шмельковой. Родом из Выксы. Почему бы не предположить, что именно ее

родственник, вооружившись камерой, вознамерился запечатлеть красоту монастырских храмов.

А вот ситуация абсолютно прозрачная. На простеньком, явно более поздних времен паспорту четко читающееся тиснение: «Р. (или Ф.) Рунге. И далее в «знаменателе» – «с. Выкса». Еще один снимок наклеен на стандартную картонку, где все тот же «знаменатель». Судя по спартанской обстановке (никаких атрибутов «старорежимных» мастерских), по одежде барышень, снимок относится к 20-м или, самое позднее, началу 30-х годов...

Верно, после публикации в № 42 за 2000 г. получил все-таки «цэу» от читателя. Он указал на нашу ошибку: фамилия одного из фотомастеров старой Выксы не Слюзкин, а Слюзин. Но, увы, более никаких подробностей...

Еще один подарок исследователю от доброжелательной фортуны! Перед нами снимок с явственными следами авторского штампа: «Фотография П.М. Лебедева». Был, значит, и такой...

Наконец, упоминание еще об одном представителе интересующего нас цеха находим там, где не чаяли и не рады! В неоднократно нами упоминавшейся «Книге памяти жертв политических репрессий в Нижегородской области». Это – Иван Семенович Седов (1887 г.р.), уроженец и житель г. Выксы, фотограф. Он был арестован 8 августа 1937-го и 20 ноября того же года, по приговору «тройки», расстрелян. Не ему ли принадлежит авторство снимка, опубликованного в «ПХ», где отец Петр Смольянинов, дьякон Иван Снегирев и другие члены церковного совета? По крайней мере, в этом случае ярость атеистических властей представляется сколько-то «мотивированной»...

Понятно, что ни мы сами не можем вполне удовлетвориться имеющимися в нашем распоряжении сведениями, ни самые любопытные из наших читателей. Дальнейшие поиски могла бы существенно облегчить помощь родственников и потомков упомянутых выше лиц, а также старожилов Выксы. Против соб-

ственного опыта восставая, продолжаем надеяться на ваше, дорогие сограждане, участие в деле благородном и важном.

...Не все же «родства не помнящие»

В статье «Фотограф щёлкает...», опубликованной уже в начале 2003-го, смог назвать целый ряд мастеров, чьё участие в означенном процессе подтверждалось документально: в виде штампов, тиснений, подписей на паспорту, самих снимках или заметных на выполненных с них иллюстрациях. Напомню имена: Н.И. Шаталов, П. Метцгер, Я. Макаров, Р. Рунге, И.С. Седов, П.М. Лебедев, Слюзин, Шмельков и даже послушница Иверского монастыря М.Ф. Швецова, заботе которой поручила игуменья собственную фотомастерскую обители. Сведения об этих персонах либо предельно куцые, либо отсутствуют вовсе.

В прошлом году на заседании общества «Нижегородский краевед», куда приглашён был, чтобы рассказать о краеведческих публикациях «Провинциальной хроники», познакомился с научным сотрудником Государственного Русского музея М.М. Хоревым. Михаил Михайлович, много лет и весьма обстоятельно изучающий историю фотографии в Нижегородской губернии, сочувственно отнёсся к моим поискам. И очень меня заинтриговал, заявив, что знает имя человека, который в 1873 г., по всей видимости, первым из своих коллег (тогда ещё немногочисленных) заявился на Выксу со своей походной передвижной фотографией. Это Фома Варфоломеевич Муляк, уроженец уездного городка Ново-Александровска Ковенской губернии (сейчас – город Зарасарай в Литве). Конечно же, предварительно пришлось выправить соответствующие документы. Чиновники Нижегородского губернского правления удовлетворили его прошение и выдали разрешение работать в городах Ардатове, Горбатове, сёлах Выксе и Павлове. Сколько времени Муляк обживал эти края, неизвестно. Но в 1883-м он перебрался в Меленки.

В своей статье «Пионеры выксунской светописи», опубликованной «Нижегородской правдой» от 15.06.04, М.М. Хорев пишет: «В те годы положение фотографов-ремесленников в таких местах было удручающим. Это были странники, которым давалось разрешение на занятие фотографией только на два года. Так как бюрократические процедуры после подачи прошения длились больше полугода, ходатайства возобновлялись каждый год, чтобы, не дай бог, не нарушить закон о печати (тогда фотографии приравнивались к типографиям, литографиям, библиотекам, книжным магазинам, книжным складам и т.д.). Такие, как Фома Муляк, имели примитивную передвижную фотографию, пользовались кустарной техникой и... делали благородное дело – снимали людей, природу, виды...»

Из той же публикации узнаём, что первую стационарную фотографию в селе Выксе в конце 90-х годов XIX века открыл учитель Иван Логинович Мокровский. В 1909-м появились заведения Павла Матвеевича Лебедева (упомянут выше, в числе уже известных нам персоналий цеха) и Андрея Яковлевича Соколова.

Итак, число достоверно известных фамилий с помощью М.М. Хорева достигло дюжины. Но знаем о их судьбе мы по-прежнему крайне мало. Неужели в районе никого из их потомков не осталось? Не верится. Вопреки здравому смыслу продолжаем надеяться. Не все же «...родства не помнящие»!

И потом, это – пионеры светописи и ближайшие из их последователей. А потом? Можно и нужно дополнить список именами влюблённых в своё дело профессионалов и достигших высот мастерства любителей – таких не два, не три человека...

Приложение 7

Усадские «кутюрье»

Как-то раз знакомый, наслышанный о моем увлечении выксунской стариной, и, в частности, про сбор материалов, касающихся развития торговли и ремесел в нашем районе в первые десятилетия XX века, обратился с неожиданной просьбой: «Написал бы о зареченских портных. Они ведь наши, урвановские! Между прочим, и выксунских обшивали».

Открытием это не было. Многие наслышаны о промышлявших в наших краях умельцах из соседней губернии. Больше того, их потомки, оставшиеся верными дедовской профессии, работали здесь даже много позже Великой Отечественной. Мне и самому первый в жизни костюм тройку строил (был такой термин: «строить костюм») закройщик комбината бытового обслуживания Василий Григорьевич Казаров, корнями своими с Урвановым связанный. А еще некогда осели здесь Иван Петрович Егрушов, Степан Иванович Кузин, Михаил Иванович Базин, Василий Павлович Елепов, Василий Прохорович Царев, Михаил Чалышев, Чугунов и другие. Не покладая рук, трудились в артели «Прироки», «Рембытартели», КБО, а кто-то и на дому...

Но где же искать сколько-нибудь обстоятельный ответ на этот вопрос я не представлял. Лишь спустя нескольких лет наткнулся на составленный в начале XX века любопытный документ, в котором, содержались сведения об упомянутом промысле именно в этих, близких к нам местах Владимирской земли. Привожу его, слегка подправив устаревшую стилистику.

В Меленковском уезде (напомню: он тогда включал Шиморское, Досчатое и некоторые поселения, позже ставшими «нашими». – *И.П.*) портняжным промыслом было занято 496 человек в 399 дворах. Признанным центром его являлась Усадская волость, в которой жили более половины всех портных уезда (229 чел.). Первое место по числу представителей «цеха» принадлежало с. Урванову, Усадской волости, где названным промыслом занимались 167 человек. Затем в порядке убывания шли село Левино Папулинской волости – 52, село Репино Усадской – 39 и деревня Новобарсуково Папулинской – 22 портных. В остальных селениях их было понемногу.

Портняжный промысел существовал в уезде еще со времен крепостного права, когда помещики посылали своих крепостных учиться этому делу в Москву и другие города. После реформы 1861 г. он начал быстро развиваться. Так, например, в селе Репине, по словам крестьян, было до реформ всего 5–6 портных, но к началу XX века уже 39. Портняжничество быстро вытеснило бурлачество, сменившее в свое время рудокопный промысел.

Пошивом одежды занимались главным образом лица рабочего возраста. Подростков в данном «бизнесе» насчитывали меньше десятой от общей численности занятых им, а стариков и того меньше – всего 2 процента. Причем около половины всех портных наследовали профессию от родителя.

Промысел в большинстве случаев имел бродячий характер и был организован следующим образом. Портной-предприниматель, собственник ручной или ножной швейной машины, брал себе одного ученика, нанимал 1–2 подручных и отправлялся с ними по соседним селениям искать работы. Найдя ее, они размещались в избе заказчика, получали от него материал и начинали работу, во все время которой пользуются харчами заказчика. По окончании работы портные переходили в другую, где в их услугах нуждались. И

так далее, из дома в дом, пока не обошьют все селение. Затем отправлялись в следующее, где повторялось то же кочевание из избы в избы. Основным районом «миграции» их являлись Меленковский и отчасти Муромский уезды. В другие места уходило очень незначительное число портных. Обыкновенно же они не удалялись от родного селения дальше 25–30 верст.

Промысловый период продолжался зиму, осень и часть весны. Портные покидали свои дома, окончив полевые работы, в сентябре, а возвращались в феврале. До марта жили дома, а потом уходили на работу, с которой возвращаются к Пасхе. Средняя продолжительность рабочего периода равнялась примерно 3,5 месяца. Объяснение того обстоятельства, что портные ходили 2 раза с перерывом около месяца, видимо в том, что в первую путину они шили и чинили, главным образом, зимнюю одежду, а во вторую – летнюю.

Самостоятельных промышленников среди портных насчитывалось до 45 процентов. Такое значительное число самостоятельных ремесленников объяснялось особенностями организации промысла и незначительностью основного капитала, необходимого для него. Портному были нужны швейная машинка, утюг и ножницы. Последние стоили недорого. Машинки обычно покупались в Муроме, на складе Зингера, и стоили ножная – 65, а ручная – 40 руб. Магазин продавал их и в рассрочку, обыкновенно на год или 8 месяцев. Но в таком случае весьма сильно повышал плату: для ножной машины до 90 и для ручной – до 52 рублей. Служили швейные машины, обыкновенно, лет 10, и портные были ими довольны.

Рабочий день зареченских мастеров «индпошива» начинался с 6 часов утра, в 8 часов они завтракали, пили чай, в 12 часов обедали, после чего вновь трудились до 5 пополудни. Тогда вновь недолго чаевничали, и вновь за дело. Теперь уж до 10 вечера.

Известно, что еще лет за 20–25 до начала XX века портные шили почти исключительно русскую одежду (кафтаны) из сукна отечественной выделки. Однако, откликаясь на меняющиеся вкусы и потребности клиентов, постепенно освоили пиджаки и жилетки, обыкновенно – из бумажной материи. Для женщин шили кофты на вате из камлота и кубового ситца. Потом вместо полушубков стали заказывать овчинные шубы, которые покрывались бумажной материей.

За шитье пиджака бралось копеек 80; за поддевку из бумажной материи 1–1,2 рубля, а из сукна 1,5–1,7 (поддевка из бумажной материи шилась на машине в один день, а на суконную приходилось потратить дня полтора). Сшить кафтан стоило 50 копеек, его один портной сошьет на руках – на машине кафтанов не шили – в 1 день. За кофту брали 50 копеек, дела – на полдня.

Хозяин-портной платил своим подручным понедельно: опытному рубля два в неделю, среднему – полтора, а начинающему и подросткам – по 70–80 к. Ученикам, какими, как правило, мальчикам лет 11–12 и старше, первые года три ничего не платили; они работали «из-за каши». Хозяин в течении года зарабатывал 70–100, работник 35–50 рублей.

Спустя годы некоторые портные, за неимением работы на стороне, начинали брать работу у торговцев Муромом и работать на дому (Сдается, находились заказчики и в Выксе: что ни говори, но местные мастеровые были платежеспособнее крестьян. Здесь до революции готовым платьем торговали, например, Василий Петрович Буданов, Василий Иванович Добродеев, Николай Иванович Дугарев, Королева и, наверное, владельцы некоторых мануфактурных лавок; собственную швальню держал Михаил Платонович Новожилов. – И.П.) Торговцы давали для шитья уже скроенные поддевки и пиджаки. За шитье пиджака платили 40, за поддевку – 50 копеек. В неделю один портной «выдавал на-гора» 10–12 пиджаков, и имел с них 4–4,5 рубля. Работа на дому считалась довольно выгодной, но зато не слишком надежной. Иногда порт-

ные по целому месяцу сидели без работы. Летом они обыкновенно занимались земледелием, но позже многие стали ходить в отход, по большей части каменщиками (сын В.П. Елепова, Анатолий Васильевич, сообщил мне, что урвановские мужики славились также как умелые кровельщики и маляры. – И.П.).

Надеюсь, что это «окошко в прошлое» привлечет внимание не только прямых потомков «урвановских кутюрье». А к последним просьба: если в семейном архиве сохранились фотографии предков, дайте переснять. Они украсят более обстоятельную работу по истории торговли и ремесел в нашем крае.

*На снимке: сверху 2-й слева В.Г. Казаров,
в нижнем ряду – М.И. Башин,
И.П. Егрюшов и крайний справа – С.И. Кузин.*

СЕМЕЙНЫЙ АРХИВ

Старый альбом, или просто папка, или коробка с тронутыми временем фотографиями, с которых взыскующе смотрят на вас люди, прошедшие по этой земле много раньше, как-то по своему её обустроившие, населившие потомством, возвращенным в суровых условиях неизбывного российского лихолетья: «Ну, как вы там, ребята? Справляетесь? Ладно ли живете?..»

Как на книжной полке, где спокойно «уживаются» книги когдатошних непримиримых идейных врагов, так порой и в наших семейных архивах мирно соседствуют священнослужители и воинствующие атеисты, купцы и фабричные рабочие, революционеры и ярые охранники режима... Нет ни «красных», ни «белых»... Один-единственный на всех статус: прародители...

Пристрастному мирскому суду уже неподвластные, от наших суждений огражденные традицией («о мертвых или хорошее, или...») и забвением.

А ведь все мы перед ними в большом долгу. Оплатить который можно единственным способом – утвердить эстафету поколений в памяти, в делах, в собственном потомстве... Знакомьтесь, новая рубрика: «Семейный архив».

Гаврилыч – «обер»

В одном зареченском селе, кажется, в Арханине, что близ Меленок, лет этак 110 назад осиротели двое братьев: Андрей и Николай. Из семьи они происходили толковой, нажившей изрядное хозяйство, но управиться с ним по причине тогдашних малолетства и неопытности никак не смогли бы. По преданию, судьба их решалась чуть ли не на общем сходе: «Не гоже дело разорять... Вон купец Дарьин, он мужик справный да бездетный.

Возьмет мальцов и опеку над хозяйством... Так-то справедливо будет».

Прошло еще лет десять-пятнадцать. Андрею сыскали невесту с приданным, женили и почему-то отправили на Выксу. Там, мол, сгодишься...

Опять же по преданию, этот красавец высоченного роста (тогда ведь мужики под метр восемьдесят редки были) и приятной наружности попервоначально был определен в дворники. Кто-то из большого заводского начальства увидел «гренадера» в фартуке, орудующего метлой, и распорядился: «Немедленно на мартен!»

...С этого момента и начинается точка отсчета одной из выксунских металлургических династий. Андрей Гаврилович, человек недюжинной силы и вполне приличной по тем временам грамотности, довольно уверенно шел в гору. От рядового завальщика прошел путь до обер-мастера (по-нынешнему, значит, «старшего», но по тогдашним меркам ранг этот был куда более серьезный). На Выксе Андрей Гаврилович отстроился на нынешней улице Ленине, то бишь неподалеку от Нижнего завода, где пылал-дымил мартеновский цех. Старший сын вспоминал: «До самого родительского дома долетала через гладь пруда артельное: «Разок!.. Еще маленький разок...» Так наши прадеды подбадривали себя в тяжких усилиях. Ведь представить только – вся завалка производилась вручную... Только на канаве «пыхтел» паровой кран, топка которого «скармливалась» дровами!..

В семье Андрея Гавриловича и Пелагеи Леонидовны было четверо детей: две дочери и два сына. Старожилы, конечно же, помнят их. Старший сын, Павел Андреевич Дарвин (почему-то так стали привычно величать потомков этого рода), на заводе объявился в одиннадцать лет, служил «значком», то есть рассылным. А молодым человеком уехал на ударную стройку в Балахну. По возвращении много лет работал в фабрично-заводском училище, директорствовал там же. Еще позже – на ответственных хозяйственных должностях на заводе ДРО.

Анатолий Павлович Дарвин

М л а д ш и й сын Леонид, вернувшись с действительной службы, всю свою трудовую жизнь в родном городе провел в электросетях и стал там начальником.

Дочери, Елизавета и Ольга, понятно, тоже на мартене не объявились, поднимали ребятшек. Зато внуки стали теми самыми «яблоками», что далеко от яблони не падают. Четверо из них прямо или косвенно были связаны с дедовой профессией. Дочь и сын Елизаветы, в замужестве Сочковой, Софья и Олег: первая десятилетия работала в цеховой лаборатории, второй, так же как и дед, начинавший у печей, после войны уже обосновался в центральной заводской лаборатории, но занимался все теми же мартеновскими делами. Правда, они уже получили дипломы техников.

Сын Ольги Андреевны, Валентин Васильевич Зуев, сделался мастером разливки. Встал на ноги в «дедовом» цехе, а после уехал учить ремеслу товарищей из Рустави, затем из Сумгаита. К родным пенатам вернулся уже зрелым, опытейшим в своем деле рабочим. И опять же на старый мартен...

Ближе к дедовым степеням подошел Анатолий Павлович Дарвин. Он стал отличным сталеваром, затем мастером и, наконец, как Андрей Гаврилович, – «обером»...

Но вернемся к истокам. Андрей Гаврилович при его огромной силе, усердии и опыте зарабатывал – во всяком случае, в дореволюционные годы – весьма неплохо. Было время, собственный выезд держали. Супруга его, как вспоминают внуки,

никакой тяжелой работой себя не утруждала. Огород ли вскопать, дома ли убраться основательно – нанимались люди попроще, что и лишнему куску хлеба рады. Вот и прозвище за ней на улице укрепилось: «Поля-барынька»...

Строга была и... скуповата. К сыновьям, что более на нее похожи, благоволила, а дочерей лаской не баловала. А набожная не по видимости, истинно.

Сам Гаврилович не очень был набожный, но, не перекрестясь, за обеденный стол не садился... Никогда не ругался матом и не курил. Но выпивать – выпивал, и не сегодняшними мерками... Что там греха таить, бывало, запивал. И прибежали из цеха: «Гаврилыч, пойдем! Как без тебя?!»

Ведь кто определял готовность плавки к выпуску, когда еще никакой химлаборатории не было? Мастер. По сумме таинственных для несведущих признаков. Рассмотрит остуженные плески, помнет, понюхает, чуть не лизнет... Да-да! Между прочим, умельцы тогдашние и спецсталь на глазок варили....

Гостям Андрей Гаврилович был рад. Собирались такие степенные, нарядные... На столе стопочки-крохотульки. Подымут раз-другой, и только дамы объявят: «Пойдем сад посмотреть», – Гаврилыч из потаенного места извлекает емкость подходящего размера и ковшичек... Потом мужичкам время на природу полюбоваться. Там, где-то в сарае, есть у деда «зачачка»... К концу-то вечера жены причитают: «Мой-то, мой, гляди, еле лопочет, а ведь и выпили всего несколько рюмочек... Нет, слабый нынче мужик пошел!» И посылают за знакомым конюхом, чтоб запрягал повозку. Гостей, чин чином, развозили любезных...

Последние свои годы А.Г. Дарвин уже не работал на мартене. Что-то там не сложилось у него с новыми руководителями. Да и здоровье стало сдавать: надсадился. Вот устроился в ФЗУ, учил ребятню сталеплавильному делу. Стал тих, немногословен. Внуков любил приласкать, огащивал любимым лакомством – халвой...

С удовольствием ходил по грибы в окрестные леса. Как-то в военные годы, поплутав слегка, вышли они с Анатолием на высокий пригорок близ Борковки, где некогда было староверческое кладбище. Малой тербит: «Дед, пойдем, я есть хочу». А тот в ответ: «Погоди минуточку. Отдохну немного». А потом говорит: «Вот скоро помру, тогда меня на этом месте и похороните»... В 1946-м Анатолию Павловичу завет этот пришлось исполнять. Стало быть, умер наш богатырь, не дожив до семидесяти. По сей день потомки вспоминают его с неподдельной теплотой. Знать, есть за что!

...Ну а сейчас, на «новом» мартене (старый-то уже давно закрыт) работает правнук Андрея Гавриловича, Александр Супонев. Между прочим, опять же – старшим мастером. Таким образом, род этот с «огненной» профессией уже целый век неразлучен!

2000 г.

Яблоко от яблони

Нашей рубрике сегодня исполнился год. Не год президентства, конечно, поскромнее будет дата, но всё-таки. Продержались. За это время «Семейный архив» и дочерние «Документ», «Помни» выходили более 25 раз. В них размещены свыше восьмидесяти фотографий, нигде ранее не публиковавшихся. Среди них встречались и подлинные раритеты.

О содержании и стиле статей судить вам. Что достоверно известно: читателями и «предпочитателями» «Провинциалки» труды наши замечены. Есть с их стороны попытки установить обратную связь – предложить интересные темы, материалы, снимки. На то и уповаем, что дальше пойдём той же дорогой и вместе.

Помнится, когда дипломником ВМТ попал в кабинет руководителя одной из служб металлургического завода, то был ошеломлен интересом его хозяина к моей скромной персоне, выразившемуся в дотошном расспросе не только о родителях, но и о дедушках и бабушках. «Зачем это ему надо? – недоумевал я тогда. – Не свататься же пришёл. Сдались ему все эти подробности!»

Много позже понял: «Хлопцы, чьи вы будете?» – отнюдь не праздный вопрос: человек хотел понять, кто идёт в трудовую жизнь, чего от него можно ждать? Умудренные жизненным опытом знают: «Яблоко от яблони...» Как можно что-то «просчитать», не зная, из какой среды этот «вьюнош», из какой семьи, как далеко её корни уходят в здешнюю почву...

Дмитрий Дмитриевич Порхачев родился в 1932 году в Кулебаках, в семье технического директора местного металлургического завода. Семья из четырех человек жила на улице Зелёной в заводском же доме, по соседству с другим местным начальством. Жила, по тогдашним понятиям, исключительно благополучно. Главе дома за производственные заслуги нарком Серго Орджоникидзе подарил личный автомобиль – чудо из чудес глубоко провинциальной сторонки. Говорят, было за что. Вместе с Владимиром Николаевичем Мазуриным, директором того же завода, также командированным из Выксы, они сумели вытащить предприятие из прорыва и вывести его в число передовых.

Диме было где-то около пяти, а его сестре, Галине, – двенадцать лет, когда случилась беда. Дмитрия Васильевича арестовали. Кто-то «сверхбдительный» разглядел в очень грамотном (Санкт-Петербургский политехнический институт окончил) и опытном (на Выксе руководил доменным цехом) инженере «врага народа». Охотно допускаю, что «спусковым механизмом» клеветы послужила элементарная зависть... Больше уже Дмитрий Васильевич жену и детишек не увидел. Не дожив даже до суда, он скончался в тюремной больнице. Как сообщили домой,

от скоротечной чахотки. Ещё совсем недавно крепкий мужчина, ничем серьёзно не болевший!

Для его домочадцев наступили тяжелейшие времена. Пожилые теще с тёщей, что жили с ними в Кулебаках, чтобы не обременять заботой о себе дочь Варвару Николаевну сверх человеческих возможностей, уехали обратно в Выксу. Квартиру в престижном доме, конечно же, у неё отобрали. Большинство родственников и знакомых отвернулись из-за страха за себя, за своих близких. Вплоть до декабря 1938-го – полтора года! – никак не могла устроиться на работу. Спустя полгода она переезжает вслед за родителями из Кулебак, отчуждающих бывшую общественницу, активистку движения жен ИТР (было такое!), награждавшуюся грамотой Центрального комитета Союза рабочих транспортного машиностроения.

Беды, уготованные ей судьбой на этом, не закончились. Варвара Николаевна вскоре теряет мать (1942), отца (1943) и самое страшное – взрослую красавицу дочь. Та всего на два дня пережила свою мертворожденную девочку, Галина меньше года успела прожить с мужем – боевым, имевшим ранения офицером, служившим в наших краях в конце войны, Б. Митрофановым. Сама она после окончания техникума работала мастером сталеплавильного цеха в Горьком.

В 1956 г. В.Н. Порхачева дождалась вести о посмертной реабилитации Дмитрия Васильевича. Советское правительство выдало ей «компенсацию» – двухмесячный оклад покойного супруга и возмещение стоимости конфискованного авто (видимо, как говорится, по остаточной стоимости).

В техникуме, где работала вплоть до 1958-го, её ещё долго вспоминали добрым словом...

Недолго удалось прожить Диме Порхачеву рядом со своим дедом по матери, Николаем Дмитриевичем (1870–1943), и только на излёте жизни последнего. Как сам теперь признаётся, жалеет, что не довелось ему – молодозелено – побольше разузнать

об истоках рода Калашниковых. Знает, что Николай Дмитриевич и его жена Татьяна Михайловна родом из Плеса, что на Волге, но на ноги становились в Москве. Имея образование «нисшее», Калашников начинал мальчиком на побегушках. Благодаря способностям и трудолюбию постепенно продвигался по службе. Будучи торговым агентом, объездил пол-России, побывал и в зарубежье. В начале двадцатых, спасаясь от голода и разрухи, царящих в крупных городах, они приехали в наш город и здесь осели. Вплоть до выхода на пенсию Н.Д. Калашников работал заместителем начальника отдела сбыта (или снабжения) металлургического завода.

Другого своего деда Д.Д. Порхачев и вовсе не застал. Связи с родственниками отца семья утратила по причине, упомянутой выше. Только сравнительно недавно он узнал от краеведа Н.А. Князевой, что Василий Николаевич Порхачев – учитель школы для мальчиков – пользовался уважением знавших его как человек добросовестный, порядочный. Очень тяжело далось ему обучение сына в столичном институте. Пришлось, видимо, и нужду претерпеть, но эту заботу он преодолел.

Дмитрий Дмитриевич ученичествовал, как и его родители, весьма прилежно. Окончил с похвальной грамотой семь классов и был принят в техникум на мартиновское отделение. В 1950-м по направлению уехал в Горький.

После службы в армии устроился на мартен третьим подручным сталевара. В самом начале 1956-го. Десятник, мастер канавы, старший

Дмитрий Дмитриевич Порхачев

мастер литейного пролёта, мастер подготовки производства, а по достижению пенсионного возраста – распределитель работ. В общей сложности с этим самым горячим из «горячих» цехов связано у него 45 лет. Что тут комментировать?!

Вместе со своей супругой Марией Карповной воспитал двух дочерей, Татьяну и Наталью, одна из которых тоже работает на металлургическом предприятии, в Старом Осколе. Дети и внуки их не забывают, время от времени навещают, обласкивают.

Очень скромный, но доступный в общении человек, без унижения и гордыни. Не обойдён вниманием начальства: за долголетний добросовестный труд и активную общественную работу награжден орденом «Знак Почета» (1975), медалями, знаками и грамотами.

Только в октябре 1994-го Дмитрий Дмитриевич на законном основании получил свидетельство о признании его лицом, пострадавшим от политических репрессий. Льготы, таковому полагающиеся, не главное, что побудило ветерана собрать необходимые для оформления документы... Как ни посмотри, большая часть жизни прожита и прожита вполне достойно. Он, знавший с детства, каково это замирать в ожидании вопросов: «Чей ты будешь?» – поболее своих непомерных по цене льгот, заслуженных регалий и сегодняшнего скромного достатка ценит возвращенное ему право гордиться своим отцом, своими корнями. В общем-то судьба сложилась неплохо. И ему перед памятью отца ничуть не стыдно.

Яблоко от яблони!

2001 г.

Наша — лучше всех!

Уважаемый читатель, не взыщи, если покажется, что автор малость перебирает в эпитетах. Не могу быть объективным, когда речь идёт о любимой улице – с ней у меня давний,

ул. Островского, 1950–1960-е гг.

более чем 35-летний роман. Даже в то непродолжительное время, когда квартировал в другом районе, он не прекращался, потому что здесь обитали самые близкие люди, самые раззамечательные друзья, здесь случились самые интересные встречи и самые впечатляющие открытия... И всё самое нужное для полного счастья на ней, на родной, или в непосредственной от неё близости располагалось. Всё-всё – от киоска с газировкой за 3 копейки до... загса.

Жить в одном из её домов, любом – в начале, у «мартемовской» проходной, или в самом конце, где-то у «сосны» – означало одно: жить в центре. Это одно уже воспринималось как неопровержимое свидетельство благосклонности фортуны, как некая бытийная роскошь: «Ну, повезло, брат, чего уж тут лукавить!»

...Она, разумеется, очень ощутимо менялась вместе с нами. То вдруг прихорашивалась энергично (особенно под праздники и «круглые даты»): аккуратно «марафетила» фасады, обст-

ригала деревья и кусты, обживалась парапетами, новехонькими бордюрами, «свежим» асфальтом и даже, трудно поверить, цветами на газонах... А то вдруг тускнела, зарастала грязью, когда, например, её то там, то здесь в очередной раз «вспарывали» (как всегда, на неопределённые сроки) для прокладки очередных коммуникаций или когда у «отцов-благоустроителей» пропал запал, либо кончались деньги.

И очень долго, вплоть до самых 70-х, всё как-то продолжалась, то есть обзаводилась «обновами». Помню, когда сносили последние на ней располагавшиеся частные дома, как возводили на этом месте пятиэтажки с магазинами и ателье, как пошёл народ в шикарный по тем временам кинотеатр, а гостей города без стеснения препровождали в новёхонькую и, тогда казалось, вполне respectable гостиницу. Помню новое, безусловно, более сильное ощущение праздничных и юбилейных торжеств, когда их эпицентром стал созданный здесь же мемориал со стелой и Вечным огнём. По сей день и стар и млад притягиваются сюда, словно магнитом, как только календарь преподносит для этого хоть какой-то повод. А уж под День Победы – святое дело!

Возможно, с точки зрения градостроителей, обитателей других районов, это и не совсем верно, но для меня, для очень многих выксунцев это не просто одна из центральных, – это главная улица, та, что лучше всех.

Не знаю, можно ли считать нынешний её вид вполне завершённым. Ничто не вечно... Не исключено, что дети или внуки наши станут свидетелями ещё более впечатляющих метаморфоз. Засверкают дорогими, непроницаемыми для постороннего взгляда окнами надёжно охраняемые «повышенной этажности» офисы и навороченные замки «новых» и «новейших» соотечественников. Вытеснят из её старой части совсем к тому времени обветшавшие милые двухэтажные кирпичные домики, где десятилетиями благополучно соседствовали семьи директора завода

и плотника ЖКО, предисполкома и санитарки. Но это будет уже не наша улица, и не наш на ней праздник...

...Не завидую тем, кто его застанет. «Просто Васюки» куда человечнее, чем все эти Нью...

Начав работу над проектом «Семейный архив», обнаружил: в редкой семье сохранили старые фотографии с видами родной улицы. Счастливые исключения как-то всё больше дислоцированы вокруг «креста» (улиц Островского и Красные зори). Понятно: они «лицевые», парадные. Их ценили особенно. Старики любят вспоминать: «Вот здесь до 19(...) года был лесок и сплошные «дудки»... А тут песок, как в пустыне... Какие дороги?! Тропки, если только...» Вот и подумалось, хотя бы чуть-чуть восстановить облик старой, до- и послевоенной Выксы, помочь кому-то вспомнить молодость, а кому-то – оценить масштаб наследия, оставленного нам предшествующими поколениями. Почти год ушёл на поиски подходящих для этой цели материалов. Конечно, он не окончится с выходом в свет этого номера. Помогите бог заведующей городской детской библиотекой № 1 В.В. Швиль, поддержавшей нашу идею создания своеобразного музея улицы Островского. Возможности здесь для этого самые благоприятствующие. Ребятишки исподволь соберут фотографии, другие экспонаты, сведения об известных горожанах. Мы, со своей стороны, как можем, поддержим юных следопытов...

Вот, для начала, хронологическая таблица сдачи в эксплуатацию домов (приведена ныне утвердившаяся нумерация). Из нее явствует: начало застройки относится к 1928 году. До 1941 г. здесь, на юго-восток от нового мартеповского, успели возвести всего семь домов (хотя, конечно, строили не только в данном районе). В войну один подняли, скорее всего, достраивали начатое в её канун. Период интенсивной застройки будущего центра начался где-то в 1946–1947 гг. И, главным образом, даже не с центральной, а с улиц Чкалова, Беякова, Кутузова... А та, что наименована была в честь обласканного режимом экс-бойца-инвалида, потя-

нулась по направлению на солнышко и, пересекшись с улицей в честь лёгчика, до поры до времени любимого вождем народов, чуть отклонилась к югу. Почему? Не знаю. Но рискну предположить, что по изначальному плану здесь, в районе нынешней Комсомольской площади, она и должна была оканчиваться. Надеюсь, кому-то покажется интересным продолжить поиск материалов, освещающих общий градостроительный замысел и перипетии его воплощения, в соответствующих архивах.

...А интересны всё-таки эти дома по левой стороне улицы. Особенно те, что с эркерами, мезонинами. Лично я таких больше нигде не встречал. По утверждению бывшего их строителя, прошедшего в 50–60-е путь от рядового каменщика до начальника жилучастка ОКСа металлургического завода, Б.А. Беспальчина, проекты их были привезены из Ленинграда. В 1947 или 1948-м, после того как во главе предприятия был поставлен А.И. Шарпов. Очень равнодушный к вопросам, связанным с обустройством города металлургов. Видимо, по его настоянию был командирован в Ленинград главный инженер ОКСа П.А. Хохлов.

– Инженер старой закалки, Петр Алексеевич был влюблен в свою работу до крайности, – вспоминает о своём начальнике Б.А. Беспальчин. – Истый фанат качества, красоты и дисциплины, архитектор по образованию, он никак не хотел мириться с халтурой, штурмовщиной, с вынужденным унылым однообразием фасадов... (За разговором мы проходим по участку улицы Кутузова от пересечения Островского до здания МСЧ.) – Вот, обрати внимание, каждый домик от другого чем-нибудь, да отличается. Пилястры у одного, у другого – карнизы, а там – «сухарики» под окном выпущены... Вроде мелочь, а глаз отдыхает. Это всё его, Хохлова, заслуга... Такой был человек, очень беспокойный... А мы с ним из-за этих «архитектурных излишеств, бывало, схватывались. Выработку они нам снижали, видишь ли...

За «скептическое» отношение к нарушениям технологии, к возможности совместить добротность со штурмовыми темпами, было дело, и с работы снимали...

Застраивали центр тем не менее довольно быстро и много. Если не отвлекали на другие объекты. Обратите внимание: пик на ул. Островского пришёлся на 1954 год – шесть домов. Могли и больше, если бы сосредоточили усилия только на городе. Но ведь попутно приходилось улучшать жилищные и бытовые условия тех, кто работал на Внутреннем, Лашмане, Фирюсике...

Я спросил у Б.А. Беспальчина, помнит ли он имена тех, кто составлял костяк коллектива строителей ОКСа? «Большинство помню, – ответил Борис Александрович. – Мастеров своего дела у нас было немало. Например, В.И. Ведрушкин, Ф.А. Дунин, М.И. Кочетков, И.Ф. Федяшов, И.А. Савцов, И.В. Панов, А. Краснов... Ну и другие, всех не перечислить! На жилучастке было занято более сотни человек».

Многие из них были выходцами из окрестных деревень, ютившихся со своими семьями в бараках, коммуналках, по частным квартирам. Лучшим стимулом для таких была возможность относительно быстро получить квартиру в новом доме. И, действительно, почти при каждом распределении кому-то из «оксэвцев» перепадал вождеденный ордер...

Когда Беспальчин уже работал в тресте № 10 «Металлургстрой», ему говорили: «Борис Александрович, ты ведь мог бы себе и четырехкомнатную в микрорайоне выхлопотать». «А зачем? – спрашивал он в свою очередь. – Я из этого района никуда перебираться не собираюсь...»

Резон очевиден. Площадь площадью, но ведь и объём что-то стоит. Вот интересно: послевоенные годы, страна в разрухе, а потолки на уровне 2,9 метра (в довоенных домах на Красных зорях и того выше). Маленько жизнь налаживается и... высота квартир снижается на 20 сантиметров (52-й квартал уже на этой «планке»). Был случай, когда по ошибке строители заложили 2,5

метра. Скандал! Дело у прокурора. «Обидчика» – на допрос!.. Не знаем, чем бы кончилось, но тут как тут депеша: внедряется 47-я типовая серия. Высота – 2,48. Простили...

Справедливости ради отметим: не одни металлурги создавали наш «бродвей». Целый ряд домов подняли городские строители. Маленькое это было подразделение – РСУ (а прежде – стройконтора), но тоже без дела не сидело. В те годы, когда оно выдвинулось на «передовую позицию», на ул. Островского то бишь, командовали здесь сначала Соколов, затем В.В. Ненин...

2001 г.

«...Трудно быть беспартийным»

Предпринимая обещанную читателям публикацию этого материала в столь значительном по газетным меркам объёме, мы рассчитываем, что она будет интересна достаточно большому числу читателей, по склонности или по обязанности интересующихся историей своей малой родины. Поведанное Ф.Н. Щуровым в автобиографии (первая её редакция относится к ноябрю 20-го, вторая – к ноябрю 1924 года) приблизит нас к пониманию атмосферы переломной эпохи в жизни всей России в целом и нашего города в частности. И, может быть, подтолкнет выксунских краеведов XXI века взяться за расширение, а в чем-то и пересмотр наших представлений о ней. Ведь совершенно уже очевидно: изданная в 1967 году Волго-Вятским книжным издательством книга «Славная история. Очерки истории ордена Ленина металлургического завода» не может удовлетворить сегодняшнего читателя ни количеством достоверной исторической информации, ни тем более степенью объективности её интерпретации... Да и нам, сегодняшним, не столь нужна её «славная», сколь правдивая версия.

Автобиография

I. Родители и прародители

По старой терминологии, я являюсь «незаконнорожденным» сыном горнозаводской мастеровой села Сноведь девицы Елены Павловны Сорокиной и горнозаводского мастера из Выксы Николая Яковлевича Щурова.

Дедушка по матери, Павел Ефатович Сорокин, – по происхождению из села Сноведь, он был типичным мастеровым времен зарождения русской промышленности, принадлежал к числу популярных в своё время бродячих «шепелей» (шпельские мастеровые). Изъездил в буквальном смысле всю Россию,

включая Польшу и другие окраины. Специальность его инструментальщик. Был заражен смутно бродившими тогда среди рабочих идеями «вольнодумства», что проявилось больше всего в атеизме и пренебрежительном отношении к царской власти.

На меня лично дедушка имел в детстве (до 8-летнего возраста) большое влияние – в смысле пробуждения в моей душе религиозных сомнений и некоторых других глубоких вопросов, над которыми не задумывались взрослые. Под конец жизни, потеряв трудоспособность, дедушка торговал на тележке железным старьем и умер в глубокой бедности. Нужно добавить, что сам он много пил, а его жена, моя бабушка, померла от запоя гораздо раньше его, оставив мою мать 10-летней.

Дедушка по отцу – совсем другого типа человек, он более близок был по психологии и образу жизни к бедному мещанству. В молодости – крепостной садовник у помещика Ардатовского уезда Нижегородской губернии, по освобождении от крепостного права занимался разнообразными профессиями: лесной сторож, объездчик, кабатчик (и ещё что-то – хорошо не знаю, так как я его видел всего один раз). В городишке Ардатове у них был домик.

Отец мой, старший из двадцати слишком человек, рожденных моей бабушкой, но впоследствии умерших за исключением четверых, окончил городское училище. В числе преподавателей этого училища было несколько представителей революционной интеллигенции того времени, были даже декабристы. Эти люди имели семейное знакомство с моими прауродителями, и одного из них бабушка прятала под кринолином от преследований полиции. Кстати сказать, что и эта бабушка к старости сделалась алкоголичкой и умерла от вина. Отец, когда был учеником городского училища, был знаком с революционными подпольными изданиями того времени – «Подснежник», «Колокол» и другими.

К тому времени, как он окончил городское училище, семья их разрослась настолько, что каждый лишний рот являлся боль-

шой тягостью, а потому дедушка отвез отца в Нижний и отдал в мальчики в гостиницу, а сам уехал. Оставшись полуробенком, отец переходил из одного предприятия в другое, был учеником у гробовщика, поваренком и ещё кем-то.

Наконец отец попал в Сормовский завод; проработав два года, сделался масленщиком на пароходе, а вскоре – помощником машиниста. Когда пришло время призыва, он приехал в родной город и, будучи освобожден (не помню почему) от военной службы, следуя увещаниям родителей, женился на поповой дочке. С женой отец не прожил и двух месяцев; оставил её, поступил на Кулебакский завод на рудники машинистом, а с Кулебакского завода переведен был на Выксунские рудники.

В Выксе отец поселился у тетки моей матери, (мать моя была тогда девушкой – тетка заменяла ей родителей). Вскоре отец сошелся с моей матерью и прожил с ней, не венчавшись, всю жизнь. Первые годы жизни с моей матерью отец ушел опять на пароход, так что я родился в затоне в 1888 году, но с этого момента он окончательно поселился в Выксе, приписался к сословию горнозаводских мастеровых и прожил здесь свыше 40 лет – до самой смерти в 1921 году.

В бытность свою в Выксе отец 20 лет был машинистом на рудниках, получая от 12 до 25 рублей в месяц, затем машинистом на Нижневыксунском заводе, получая от 1 рубля 10 копеек до 1 рубля 30 копеек в день, затем был смотрителем вилополировочной мастерской, а под конец жизни до последних её дней, уже в революцию, заведовал охраной завода и подсобными работами.

Отец пользовался большой популярностью и любовью рабочих, был выборщиком во 2-ю Государственную Думу, отличался большой честностью и добросовестным исполнением своих обязанностей, но имел большую слабость к вину, которая ускорила его смерть. (Сам Ф. Н. Щуров, по свидетельству его сына, алкогольными напитками никогда не злоупотреблял. – *И.П.*) Он умер в 66 лет, дождавшись революции, которую вос-

принял восторженно. Хотя впоследствии ворчал на плохие порядки, но рабочую власть приветствовал.

Мои родители имели домик, оставшийся им после смерти тетки. Сами они ничего не нажили, даже не имели коровы до революции.

II. Мое детство

Оно было очень тяжелое, так как к тому имелась масса причин. Во-первых, я был на глазах всех взрослых и детей «крапивник». Незаконный брак моих родителей лег тяжелым клеймом на мое детство, этим меня не только дразнили товарищи по возрасту, но и взрослые язвительно говорили, что моя мать – «девка». Родители перманентно между собой ссорились, дело доходило часто до драк. Жили бедновато, потому что отец из скудного своего заработка много пропивал. Мать пробовала торговать, но весьма неудачно, что усугубляло их вражду. Характер мой отличался впечатлительностью, и я болезненно воспринимал ссоры родителей. Кроме того, родители задались целью наиболее совершенно меня воспитать, а это они понимали так, чтобы как можно более напичкать меня книжной премудростью.

Отец с четырех лет учил меня грамоте, и в 6 лет я великолепно читал, знал четыре действия арифметики, на последнюю отец напирал особенно сильно, и мать его в этом поддерживала. Меня целыми днями заставляли решать задачи или зубрить учебники.

Беллетристику, которую я читать любил, мне не давали, и я делал это украдкой. К семи годам я перечитал массу книг, но без разбора: тут были кроме Майн Рида, Фенимора Купера, Жюль Верна, также русские и иностранные классики, даже философы вроде Вольтера, Скотта, Гёте, Самуила Смайлы и другие.

Когда мне исполнилось семь с половиной лет, и меня отдали в МНТ (расшифровки этой аббревиатуры, к сожалению,

не знаем. – *И.П.*) училище, прямо во второй класс. Однако и во втором классе мои знания были гораздо выше сотоварищей. Это лишило меня интереса к школе и учению, и я относился к нему небрежно. Но такое отношение не мешало мне всё же быть в числе первых учеников.

III. Юношество и зрелый возраст

По окончании школы (11,5 года) меня отдали учиться старшему чертежнику Нижнего завода на дом. Он, помимо черчения, знакомил меня с математикой, механикой, отчасти физикой.

Через 10 месяцев мой учитель определил меня в завод мальчиком в чертежную на жалованье в 4 рубля 80 копеек в месяц.

Когда мне стало 14 лет, я уехал в Царицын и там служил на маленьком судостроительном заводе чертежником, но через год опять вернулся в Выксе на старое место.

В Выксе в 1904 году, т.е. в 16 лет, я впервые увидел нелегальные прокламации партии С.-Р. (социалистов-революционеров. – *И.П.*) с лозунгами «долой правительство», и вскоре познакомился с местной организацией (только что образованной) партии С.-Р. (В «Славной истории» к этому периоду относится образование первой социал-демократической группы. – *И.П.*)

В то время организация возникла под руководством Нади Вознесенской (не дочь ли С.С. Вознесенского? – *И.П.*) и Анюты Калининой. Вознесенская под другой фамилией теперь кажется коммунистка и работает в ВЦСПС. Калинина умерла. В то время состояли в организации С.-Р. теперешние коммунисты Вася Яковлев и Ваня Прохоров – рабочие, и некоторые другие.

Социал-демократическая организация возникла в Выксе позднее под руководством учителя Магницкого и Н.А. Тараканова. Первый умер, второй – теперь беспартийный, а брат его – коммунист, заведует в Выксе усовпартшколой. В то время мы, молодежь, плоховато разбирались в различиях между социалистами

революционерами и социал-демократами – жили между собой в большой дружбе, хотя и вели споры. Несколько позднее я был кружковым руководителем, изучали политэкономии и прочее.

В 1906 году я был участником происходившего в Муроме областного съезда эсеров, на котором обсуждался вопрос об отношении к Государственной Думе и о вооруженном восстании. Будучи рядовым членом с 1905 по 1907 год, много работал в качестве пропагандиста по деревням, а также поддерживал связь с рабочими, распространяя между ними как легальную, так и нелегальную литературу. У меня хранился гектограф, и мы выпускали свои листовки. (Очень интересен вопрос о гектографе. Не о том ли самом речь, что, по версии «Славной истории», полиция пыталась найти у С.С. Вознесенского в нескольких обысках? – *И.П.*). Сначала мне в этом деле помогал отец, пока дело не дошло до администрации завода, и она не задала отцу здоровый нагоняй, а меня уволили с завода. (И всего-то! За куда меньшие повинности послереволюционные власти карали не в пример жёстче – *И.П.*)

После этого я уехал в Нижний Новгород, там у меня связь с организацией случайно порвалась, кроме того, переходил с одной службы на другую и от политической жизни отстал. В Нижнем я работал в период до 1911 года – в заводе О-ва (Общества. – *И.П.*) «Мазут», в Удельном ведомстве, у отдельных архитекторов и в земстве. В этот период я имел личное знакомство с Алексеем Преображенским.

Полиция навещала меня в Нижнем несколько раз, однажды произошёл казус: я только что переехал на новую квартиру, на третий день у меня был обыск по распоряжению охранки. Нашли ерунду, но у хозяина квартиры случайно обнаружили отгиски кредитных билетов. Дело дошло до уголовного суда, к которому был притянут и я... На суде выяснилось, что мой хозяин, любитель-фотограф и вообще дотошный человек, пробовал печатать открытки, бывшие тогда в моде, с изображением кредитного билета и женской головки. Так что оба мы были оправданы.

Вскоре я женился, а через 2,5 года овдовел, оставшись с одним сыном, и вновь вернулся в Выксу. В Выксе я работал на заводе под руководством горного инженера Кузьмина, который, как я узнал позднее, был большевик; тотчас после Октябрьской революции он стал активнейшим вождем большевистского движения на Урале и был под конец жизни комиссаром Горной Промышленности в Екатеринбурге, там он помер в 1920 году. (А.А. Кузьмин – сын столичного архитектора, блестяще окончивший Горный институт, стал членом РСДРП, большевиком. Был лично знаком со многими видными марксистами. О нем достаточно подробно рассказано в «Славной истории» на стр. 146 -150. – *И.П.*)

Этот Кузьмин имел на меня большое влияние, незаметно для меня он, критически подходя к моему идеалистическому мировоззрению, старался привить мне классовое сознание, и я проникся им достаточно сильно, хотя оформленного марксистского мировоззрения не приобрел.

«Чертежная» не в пример другим службам имела более родственную с рабочими психологию, не отделяясь от них, а сближаясь. В то время между служащими и рабочими у нас в Выксе существовал антагонизм, чертежники были исключением. Вследствие сказанного, когда по причине появления нового управляющего заводом лейтенанта Зарудного, стали возникать волнения среди рабочих, «чертежная», в особенности я, сочувственно относилась к этим волнениям, и я даже выступил от рабочих в числе других ораторов с обвинением управляющего и требованиями. (Речь, видимо, идёт о собрании рабочих численностью до 300 человек, высказывавших порицание Зарудному, сменившему на посту управляющего бывшего институтского товарища Кузьмина – Рудбаха. – *И.П.*) За это был тотчас уволен и уехал в Нижний. Это было в 1915 году. В Нижнем я поступил техником в Северное общество по надзору за паровыми котлами, а в 1917 был переведён в Правление этого общества в Петроград.

IV. Период от Февральской революции до сего времени

В Петрограде меня застала Февральская революция... 27 февраля я записался в милицию. Был несколько дней рядовым милиционером; в течение нескольких недель, пройдя все промежуточные должности, сделался комиссаром Казанского района.

В политическом отношении: быстро вступил в организацию социалистов-революционеров, но с первых же дней начал вести в ней борьбу против большинства, на почве отношения к войне, то есть я был так называемый «пораженец». Жадно набрасываясь на начавшую выходить «Правду», я имел к ней все симпатии и возмущался своим «Делом Народа», однако, не считал для себя возможным сделаться большевиком исключительно, как я думал, из «идеологических обоснований», то есть считал не приемлемой для себя марксистскую идеологию, хотя тогда не было времени во всем этом разбираться.

С первых же дней февральской революции меня беспокоила судьба Выксы. Я слал туда письма за письмами, пачки газет и всего, что было печатного тех дней. Как я узнал впоследствии, лишь часть посланного была получена. Полученное мною спустя месяц письмо от сестры гласило: «Революция в Выксе прошла очень хорошо, отслужен благодарственный молебен, вынесена резолюция: война до полной победы, партий у нас слава Богу никаких нет, все заодно». (Видимо, так оно и было. «Партячейка» действовала в Виле, а на Выксе – нет. – *И.П.*)

Это окончательно заставило меня поспешить из Петрограда, и я в тот же день, в который приехал в Выксу, собрал несколько рабочих эсеров, положив начало Выксунской организации социалистов-революционеров (численность её достигала 80 человек. – *И.П.*). Вскоре за нами сорганизовались меньшевики. (В «Славной истории» на стр. 166 такой пассаж: «Буржуазия стремилась подчинить эсеровско-меньшевицкому влиянию рабочих металлургических заводов». С какой бы стати? Разве её представители могли различать эти «масти»? Едва ли. – *И.П.*)

К этому времени дифференциация между левым и правым крылом партии эсеров стала намечаться всё явственней; до моего приезда в Выксу в ней жил старый подпольный эсер Медокс (в «Славной истории» почему-то определен как меньшевик. – *И.П.*), который вместе со мной был потом во главе Выксунской организации, он был инженер, военный-приемщик. Его ориентация была резко направо, – моя – резко налево, большинство нашей организации шло за Медоксом, что выразилось и в том: вскоре я из председателя комитета этой партии сделался членом, а Медокс – председателем.

В июле 18-го года я был делегирован с Медоксом и учителем Медведевым на губернскую партийную конференцию. На этой конференции во время дискуссий резко обозначилась грань между левым и правым крылом.

Предшествовавший конференции VII Всероссийский совет партии также раскололся, причем левое крыло составило меньшинство.

Руководители губернской конференции пытались затушевать произошедший на совете раскол и умолчали было про резолюцию левого крыла, но под давлением рабочих – участников конференции – резолюция была оглашена и при голосовании оказалось, что большинство конференции за резолюцию левого крыла, т.е. – меньшинства совета партии...

Однако в конце, после продолжительных дискуссий и борьбы, было решено поддерживать единство партии на местах; вождю левого крыла т. Скоропоспешкову было предоставлено место в кандидатском списке членов Учредительного собрания.

Я был на стороне левого крыла, но считал для себя обязательным проводить центристскую политику, согласно постановлениям конференции.

По возвращении в Выксу я на докладе обрисовал истинное положение дела, но организация отнеслась равнодушно к происходящим потрясениям в партии.

Когда произошла Октябрьская революция, я был членом волостного земства, свержение Временного правительства было встречено рабочими массами несколько недоуменно, т.к. эсеровская организация больше всего имела тогда влияние на массы, что подтвердилось при выборах в Учредительное собрание. Но когда на заседании волостного земства председателем его была предложена резолюция, клеймящая в самых резких выражениях большевиков, и в особенности т. Ленина, я выступил против неё и заявил почти дословно следующее: «Революция произведена не изменником Лениным и предателями большевиками, как сказал председатель, а рабочим классом, большевики – такая же политическая партия, как и другие. Если в Питере рабочие пошли за большевиками, а не за нами, например, или другими партиями, значит, в этом что-то кроется серьёзное, а потому предлагаю признать факт революции и созданное ею правительство – впредь до разрешения вопроса Учредительным собранием». Таким заявлением вооружил против себя большинство собрания, но при поддержке рабочих меньшевиков и социалистов-революционеров мы вынесли резолюцию похожую на ту, что я предложил. (Совершенно не совпадает с описанием этого события в «Славной истории», по версии которой Ф.Н. Щуров предлагал признать государственный переворот в Петрограде незаконным, равно как и Советскую власть. Описание на стр. 171, видимо, сделано на основании воспоминаний старых большевиков. Кто из них, Щуров или имярек, «передёргивает карту», нам уже не докопаться, а жаль... – *И.П.*)

Нужно заметить, что большевики тогда соорганизованы не были. При выборах в Учредительное Собрание я агитировал за список эсеров, которые к тому времени имели в Нижегородской губернии один список.

В декабре 1918 года отправился в Нижний в качестве делегата на IV Крестьянский съезд Нижегородской губернии. На этом съезде произошел раскол, левая его часть во главе со мной,

Рябининым, Костыревым, Машковцевым и другими голосовала за резолюцию, предложенную большевиками, правое же большинство требовало Учредительного собрания, продолжения войны и прочих эсеровских прелестей.

Тогда мы, т.е. меньшинство, оставили зал дворянского собрания, где происходил съезд, и отправились во Дворец свободы для присоединения к Совету рабочих депутатов. С этим моментом у меня связаны самые наилучшие воспоминания – сколь тяжела была политическая атмосфера на Крестьянском съезде, где были кулаки и интеллигенция, столь радостна и легка была встреча с рабочими и солдатами. Мы объявили себя Крестьянским съездом и стали его продолжать. Главным решением было то, чтобы в ближайшее время созвать новый, настоящий Крестьянский съезд, а до того времени была выделена Крестьянская секция Совета, председателем которой был избран я. С этого момента к названию Нижегородского Совета рабочих и солдатских депутатов было присоединено слово «крестьянских». Оставшаяся правая часть съезда избрала свой Совет крестьянских депутатов, который существовал некоторое время сам по себе, во враждебном к нам отношении. Нечего и говорить, что в то время местная меньшевистская и эсеровская печать клеймила меня всячески, я же на страницах большевистского «Красного Знамени» много раз разъяснял крестьянам необходимость стоять за советскую власть.

В этот период я действовал вне партии, так как с правыми эсерами окончательно порвал, а с левыми ещё не связался, ибо в Нижнем не было организации. В то время я имел намерение перейти к большевикам, но меня удерживало и разделяло отношение к крестьянству, особенно к... (далее в тексте неразборчиво. – *И.П.*), с которыми я никак не мог согласиться, кроме того, я был против заключения Брестского мира (хотя очень недолгое время). Приблизительно в апреле 1919 года кое-как создалась

организация левых эсеров, но в ней была страшная разногласица и несерьёзное отношение к партиям.

В мае был созван 5-й Крестьянский съезд, на котором я вновь прошёл в председатели крестьянской секции исполкома. Этот съезд, хотя и не без борьбы, целиком встал на платформу Советской власти.

Когда левые эсеры устроили восстание в Москве, я ему не сочувствовал. В это время я официально не состоял в организации, но между нами, левыми эсерами, произошло большое смущение. Мы опасались преследований и в Сормове, сплотившись, решили готовиться к вооружённой защите. В подвале одного дома мы сидели сутки, ожидая выяснения положения, готовые дать отпор; наконец, наши «парламентеры» пошли объясняться с большевиками, которые сказали: «Мы вас не тронем, если не будете устраивать восстание». Мы вышли из засады... Тем дело и кончилось. Репрессиям подвергся только работавший в ГК Валенчевский.

Я по-прежнему вернулся к работе в Совет, в то время я был товарищем председателя комиссии по ликвидации Губернского земства и заканчивал работы.

До этой должности я был помощником губернского комиссара (ныне это отдел управления), членом комиссии по обложению буржуазии, председателем коллегии земельного отдела – в первый момент перехода его в советские руки, и ещё во всевозможных комиссиях и учреждениях. Происходивший в 1919 году губернский съезд Советов избрал новый состав исполкома, я в него не попал, т.к. порвал связь с партией левых эсеров, да и сами эсеры не пошли, поспоривши из-за количества мест с большевиками. Когда кончил ликвидацию Губернского земства, исполком командировал меня в распоряжение Губсовпартхоза, и тот поручил мне организовать Комитет государственных сооружений. Председателем Губкомгоссора я был до 1920 года.

В 1919 году я окончательно определил в себе перелом к марксизму и подал заявление о желании вступить в партию.

(Имея большую деловую связь с крестьянством в качестве, до некоторой степени, вождя крестьянских масс Нижегородской губернии, я убедился на практике, что оно далеко не таково, каким я его идеализировал как эсер.

Да и вообще каждый факт, каждое событие давали чувствовать правоту большевизма. В особенности я разочаровался в эсерстве, когда сталкивался в повседневной работе с вождями той и другой партии.)

Тогда я почему-то не был принят – по 1920 год, вновь подал заявление в партию, и горком постановил меня принять с момента появления в печати моего отказа от левых эсеров. Газета потеряла моё первое заявление. Спустя три месяца, я подал второе и, пока его печатали, уехал в Москву, где был назначен начальником охраны топлива на линии РУЖД (последние три буквы, вероятно, «Управления железными дорогами». – *И.П.*). Прожив год на колесах и женившись второй раз в Саратове, я перешел работать в организационно-инструкторский отдел ВСНХ в качестве ревизора-инструктора. Проработав год (мне не понравилась чиновничья должность), я уехал в Выксу и поступил опять чертежником.

Съезд бывших эсеров в Москве дал мне мысль поднять наших старых эсеров и привлечь их в ряды РКП(б). Результатом моей инициативы было создание губернского съезда бывших эсеров, но опять по роковой случайности я не сумел вовремя со всеми подать анкету и не попал в партию РКП(б).

Вернее, я подал их слишком рано и отправил в Москву, когда же выяснилось, что нужно подавать Нижний, я прозевал (был болен) момент поездки т. Долбилнина (председатель инициативной группы бывших эсеров) с анкетами в Нижний, таким образом я по сие время не вступил в ряды РКП официально. Но так как я официально с партией большевиков работаю с

1918 года, то официальному вступлению большого значения не придавал. Когда работаешь в производстве, наличие билета не столь необходима, но на общественной работе трудно быть беспартийным.

ЩУРОВ Федор Николаевич; Выкса, 7.11.24 г.

Приложение к автобиографии Щурова

Список членов РКП(б), знающих меня по работе или лично-му знакомству и дружбе:

Преображенский Алексей, заведующий Гублитом (?) в Нижнем;

Левит А.С., знал в 1916 и с 1918 по 1920 г.;

Коганович работает сейчас в ЦК РКП (б), знал меня в 1919 г.;

Хахарев Константин, с 1918 по 1919 г.;

Карклин бывший заведующий финансовой частью губисполкома в 1918–1919 гг.;

Кузнецов Степан Матвеевич в тот же период был поручителем за меня при подаче заявления на вступление в РКП в 1920 г.;

Данилов Дмитрий Михайлович;

Нищенков, член президиума Союза строит, раб., хорошо знает меня по работе в должности председателя Губкомгоссора;

Рябинин Евгений Иванович поручался за меня в 1920 г. для вступл. в РКП;

Романов Михаил Матвеевич, поручался за меня в 1920 г.;

Левандовский Иосиф Борисович – тоже; сюда не входят товарищи, находящиеся в Выксе, а также многие другие товарищи из числа активных работников РКП(б).

В рассказе сына Федора Николаевича, заслуженного деятеля науки и техники, почетного профессора Нижегородского университета, доктора технических наук Александра Федоровича Щурова дальнейшая судьба отца обрывается некоторыми

подробностями. С конца 1920-го до весны 1923-го – работа в аппарате ВСНХ в Москве. Непрерывные командировки, снабженческие и прочие хлопоты; в 1921-м – женитьба на дочке отставного фельдфебеля, Кузьмы Алиференко (Лиференко) из Покровска. По семейным преданиям, отец с товарищами должен был в тех краях изымать «излишки» хлеба. И нашел вот вторую свою жену, с которой нажил ещё троих детей... Жену и детей очень любил, письма из поездок присылал в стихах...

Некоторое время жили в Нижнем, оттуда, весной 1923-го переехали в Выксу. Поднимать детей здесь, видимо, было сподручнее. До середины 1927-го Ф.Н. Щуров – прораб, начальник строительства нескольких объектов в родном поселке. Здесь у него родственники и старые друзья.

Затем вновь Нижний. Семья живет в Ленгородке, а работает Щуров в краевой организации «Льноконопледострой». С 1930 года – прораб на строительстве картонной фабрики в Балахне. И вскоре переходит в трест «СтройГАЗ», вплоть до 1936 года. Затем наступает болезнь, и активнейший по жизни человек переходит в простые сметчики. Умер в 1943 году...

– Отец верил в возможность построения социализма и даже коммунизма, – говорит Александр Федорович, – но не принимал сталинской, казарменной его модели. Он очень симпатизировал Бухарину... Надо думать, что спасло его от расправы то, что он задолго до начала массовых репрессий далеко отошел от политической, общественной деятельности. Видимо, оно и к лучшему, что он не был принят в ряды партии большевиков, что в последние годы не единожды менял место работы (наверняка неслучайно). Подзабыли его к концу тридцатых... А может быть, спасло знакомство с очень влиятельными тогда людьми – Кагановичем, Молотовым и другими. Теперь можно только строить догадки...

Когда началась война, то Федор Николаевич проникся пораженческим настроением. Он был уверен, что страна наша,

спеленатая в смиренную рубашку по выкройке «отца народов», такого удара не выдержит. И очень это переживал...

Сын, получивший в 42-м отпуск, после выхода десанта, в котором он участвовал, из вражеских тылов, горячо убеждал отца в неизбежности победы... О смерти отца он узнал из писем младшего брата, погибшего чуть позже где-то под Ленинградом...

Ф.Н. Щуров счастливо продолжился в потомках. Все дети, кроме погибшего младшего, стали, как и он сам, специалистами. Внук (сын Александра Федоровича) – Владимир Александрович – теперь уже тоже профессор; его брат Алексей Александрович достиг больших успехов в спорте и ныне возглавляет Нижегородскую федерацию спортивного ориентирования.

Выксу отец очень любил, часто вспоминал и при любом удобном случае старался побывать, либо отправить нас к своим, – вспоминает Александр Федорович – «Свои» – это Коротковы, Золотаревы, Васильевы. Сейчас связь практически прервалась... Но вот и я, и сыновья, – все живем надеждой, что как-нибудь всё-таки выкроим время и посетим дорогой нашей памяти город.

2000 г.

Или грудь в крестах...

...или голова — в кустах

Этому солдату выпало первое. Но красоваться знаками воинской доблести так толком и не довелось...

В прошлом году я писал о В.А. Свинцове. Публикация называлась «...Я не люблю смотреть под ноги» и была помещена под рубрикой «Белая ворона». Поскольку живёт Вадим Александрович в двух шагах от редакции и после этого частенько встречались. Однажды я рассказал ветерану о своем новом проекте – цикле «Семейный архив». Поинтересовался, нет ли слу-

чайно фотографий старой Выксы (Свинцов – давнишний фотолюбитель).

– Нет, – посетовал он, – я все больше красоты природы пытался запечатлеть. А вот что у меня есть старого, так это несколько десятков фотографий времен Первой мировой...

– Откуда такие раритеты? – изумился я.

– От отца достались. Он еще в германскую воевал. Заслужил четыре Георгиевских креста. У них в части была своя фотолaborатория. Насколько я знаю, даже аэрофотосъемку выполняли с инженерными целями. Он ведь военным строителем был...

Едва дождался следующего утра и поспешил по знакомому адресу. Удача, в которую боялся поверить, состоялась. Вот он, старый семейный альбом, первые несколько листов которого обклеены довольно неплохо сохранившимися снимками. Удивительно интересное и сильное впечатление: вовсе не то, что от «академизированных» музейных стендов. Наверно, потому что острее чувствуешь живую связь времен. Ведь рядом с тобой сидит сын человека, который привез их с одной войны, сохранил во время следующей, гражданской, затем и дальше, вплоть до Второй мировой. А сегодня им уже примерно восемьдесят пять лет.

С Выксой связаны последние годы богатой значимыми событиями жизни Александра Ивановича. Значимыми – в общероссийском масштабе. Сын толковейшего по семейным преданиям рабочего Ивана Яковлевича Свинцова, он еще в 1913 году окончил строительное отделение Луганского технического железнодорожного училища и успел потрудиться на строительстве ветки, что связывала Аккерман с Лейпцигом. В 1915-м ушел добровольцем – или, как называли их тогда, «вольноопределяющимся» – в ряды русской армии. В довоенной трудовой книжке написано «мобилизован».

Но это неточность. Возможно, намеренная, из осторожности. Как нет в автобиографии 1938 года упоминания о царских наградах. От греха подальше...

(Один из первых декретов ВЦИК и СНК стал декрет от 10 ноября 1917 года «Об уничтожении сословий и гражданских чинов». Декрет от 16 (29) декабря 1917 года за подписью В.И. Ленина, Н.В. Крыленко, П.В. Подвойского отменил все прежние ордена и знаки отличия и таким образом уравнил в правах всех военнослужащих. Существовавший при Министерстве императорского двора Капитул российских орденов был упразднен постановлением № 4 Народного комиссариата имуществ республики, опубликованным 9 января 1918 года.

В 1943 году, после Сталинградской битвы, как сообщил нам В.А. Свинцов, было, видимо, разрешено ношение Георгиевских крестов. «Я сам в войну видел трёх-четырёх человек, открыто их носивших...»)

А вот фотография из солдатской книжки удостоверяет: вольноопределяющийся. По периметру погон трехцветный (под стяг отчизны стилизованный) кант...

– О том, как стал полным Георгиевским кавалером, никогда не рассказывал. Не принято было обсуждать эти темы. Так, обронит несколько фраз. Когда случилась Февральская революция, он вошел в состав солдатского комитета. Удостоенные крестов первой и второй степени солдаты и награжденные позолоченным «Георгием» офицеры решили пожертвовать заслуженные награды Временному правительству, чтобы достало средств довести войну до победного конца. Отец в числе прочих был делегирован в столицу. Керенский фронтовиков почему-то не принял, опечатанный патриотический груз из рук в руки сдали под расписку министру финансов...

Кресты третьей и четвертой степеней уничтожил в 1918-м. На вопрос «почему» ответил сыну: «Тогда такое время было, что за ношение царской награды можно было и пулю в лоб схлопотать». Такая вот вакханалия...

Вернулся в родительский дом уже не двадцатилетний юноша, но вдоволь понюхавший порошу воин, старший унтер-офи-

цер. Несколько раз был контужен, несколько раз пули рвали шинель, но его оставляли невредимым. После отравления газами лечился в Ташкентском госпитале...

Немного-то и побыл в мирной жизни: опять на фронт... В Красной армии занимался тем же: строил мосты, переправы, различные сооружения возводил. В те дни 1920-го, когда армия Деникина взяла Орел, изрядно потеснила и потрепала противника, по силам превосходящего его вчетверо. Александр Свинцов как-то прорвался в штаб и попросил отпустить его с инженерной должности на передовую. Он вспоминал, как выгнал его с глаз долой Орджоникидзе. «Сиди там, где сидишь!» – свирепо рявкнул он на патриота (много позже, когда встретились в Макеевке, товарищ Серго Свинцова не узнал. Мудрено ли?)

В Красной армии он дослужился до военного инженера первого ранга, что, если не ошибаюсь, соответствует званию подполковника...

Звездные часы его карьеры – строительство крупнейшей домны, нового мартена и первого советского блюминга в Макеевке. На первых порах возведения Саратовского завода шарикоподшипников был главным инженером стройплощадки. В почете был, персональная «эмка» притом... Но когда в новом итээровском доме только за одну зиму 1938-го опустело более половины из 32 квартир, он нажил хроническую гипертонию и постарался убраться с семьей подальше от всех этих ударных, столь ответственных и очень небезопасных для жизнистроек...

А в Выксе работал в отделе капитального строительства главным инженером, заместителем начальника, какое-то время заместителем главного механика по строительству.

Умер в 1950-м.

Старейшие из пенсионеров-металлургов еще помнят этого человека. Профессионально очень грамотный и опытный, он не замыкался исключительно на работе. В часы досуга любил посидеть с книгой (предпочитал зарубежную классику). А еще

играл на скрипке и мандолине, причем на последней, как казалось родным и близким, виртуозно.

Никаких советских наград у Александра Ивановича не было. Не удостоился...

2000 г.

Господа-товарищи, или Превратности судьбы

Обращение «господа» возвращается в наш лексикон. Однако, несмотря на приснопамятную ваучеризацию всей страны, последующие кульбиты «всенародной» собственности, оно никогда уже не станет столь же естественным для нашего слуха, как до октября 1917-го. Порода та, господская, прилично изъяснявшаяся по-французски, немецки, английски, а по-русски так и вовсе заслушаешься, ушла в небытие. Большинству представителей новой масти хозяев жизни, тех, что не доросли еще до личных спичрайтеров, имиджмейкеров, не поднаторели в парламентском краснобайстве, до них, увы, далеко. Родная стихия нынешних – «партийный» волапюк, одесское арго или, того хуже, воровская феня, отголоски которых все еще явственны в их речах. При всей соразмерности богатств, влияния, общей склонности к роскоши и привычке эксплуатировать незадачливых сограждан – знак тождества между теми и этими ну никак не вытанцовывается!

Да о чем тут спорить. Взгляните на фотографии, запечатлевшие облик прежних господ, детали их быта и прочее, и, как сейчас принято говорить, ощутите разницу! ...Но были еще и такие, которых превратности судьбы почти в одночасье перевели в разряд «товарищей» и сделали строителями «светлого будущего», в которое, однако, прежде из-

рядно попользовавшись, так и не пропустили. По причине непролетарского их происхождения. В их числе один из героев нынешней публикации К.В. Гельц.

По семейным преданиям, начало местной ветви рода Гельц (Holz) положил ныне уже забытый потомками немецкий колонист, один из многих, что по приглашению Екатерины II переехали в Россию и пустили корни в Нижнем Поволжье. Едва ли у себя на родине они были в массе своей большими барами, потому как, известное дело: «От добра добра не ищут». Но что по российским нашим меркам очень грамотные, обязательные, ответственные и работающие – так это всем известно...

Прапрадеда моего давнишнего, еще по техникуму, приятеля Виктора Гельца звали Карл. Если верить тем же семейным преданиям, служил последний на Уральских горных заводах. Его сын Вильгельм (1851–1918), переименованный на русский манер Василием, пошел по родительским стонам. По окончании Горного института в Санкт-Петербурге он приехал на строительство металлургического завода в Кулебаки. В 1881-м был приглашен работать в Выксу на должность главного механика. Здесь тридцатилетний инженер и встретил свою суженую, подвизавшуюся тогда гувернанткой детей управляющего заводами Лессинга, полячку, французскую подданную, Ванду Гаусшильд. Вступив в брак, Василий Карлович получил от завода «ведомственную жилплощадь»: старожилы легко распознают здание, где некогда располагался незабвенный ДОСААФ и в котором многие поколения выксунцев осваивали матчасть своего «самодвижимого» имущества. Вот в этих апартаментах достопочтенное семейство жило долго и, хочется верить, аж до самого 1917-го, счастливо. Родили и поставили на ноги пятерых детей: Карла, Елену, Эмиля, Юлию и Иду.

Старший сын, появившийся на свет уже в 1882-м, по достижении десятилетнего возраста, был отправлен учиться в

Нижегородскую гимназию. А по ее окончании поступил в Московский университет. Хотя и принадлежал юноша к высшему – по уездным меркам – обществу, родители предоставляли ему на проживание и учебу в Первопрестольной довольно скромные средства. По рассказам самого Карла, он подрабатывал себе на жизнь – не поверите – танцем. Да, именно так! Танцевал он в Большом театре в массовых сценах, как сейчас говорят: «в массовке».

Придумывать не хочу, а достоверно не знаю, каким было мировоззрение молодого человека. Едва ли он числился марксистом. Но вот в кружке студенческом состоял. И когда в 1905-м начались волнения, то, вовлеченный в революционный круговорот убеждениями или чувством солидарности, попал туда, куда и должен был при таких обстоятельствах попасть – в тюрьму.

«Бутырки», где Карл провел около года, сильно прибавили ему жизненного опыта, но подорвали здоровье. По возвращении в родные пенаты он поступил на службу в лесничество при Выксунских горных заводах, где и трудился до самого октябрьского переворота... В 1920-м «товарищ Гельц» вступил в должность бухгалтера райкома металлистов. И вплоть до ликвидации такового в 1930 году этого места не покидал. А здоровье все хуже и хуже. В том же 30-м был признан инвалидом I группы.

Тогда и появились в Выксе самые что ни на есть немецкие немцы – специалисты, приглашенные из Германии во время сооружения завода дробильного оборудования. А как понадобился переводчик, так сразу о Карле Васильевиче, владевшем, кстати, тремя иностранными языками, и вспомнили. Надо думать, общаться ему с сородичами было чрезвычайно интересно, раз уж, преодолевая серьезнейший недуг, исправно нёс службу.

Не это ли ложно истолкованное усердие сыграло трагическую роль в его судьбе. В 1936 году К. Гельца, работавшего тогда преподавателем немецкого в техникуме, арестовали сотрудники ОГПУ и препроводили в Горький, где он, инвалид с диагнозом

«рассеянный склероз», содержался в тюрьме полтора года, до самой смерти, причина которой, понятное дело, семье сообщена не была.

Жена его, Матрена Павловна, и сын Богдан (1923–2000) обычной для многих родственников репрессированных судьбы, слава богу, избежали. Богдан Карлович – не из родни, а в родню – посвятил себя металлургии и дорос до должности начальника цеха. Его представлять обстоятельно нет нужды: многие ещё прекрасно помнят опытного командира производства и талантливого художника, до преклонных лет сохранившего любовь к искусству. Последнее, вероятнее всего, генетическое наследие: Ванда Александровна была натурой утонченной и увлекалась живописью.

Ныне в колёсопрокатном цехе завода трудятся его сын Виктор и дочь Юлия. Как и их предки, господа-акционеры, они тоже являются держателями акций. Последних было больше, но обстоятельства вынудили какую-то часть продать. Но не на сторону, а родному ОАО «ВМЗ». Надо сказать, Богдан Карлович, убежденный «товарищ», даже будучи пенсионером, четко отстаивал интересы предприятия и всем материальным соблазнам предпочел возвращенный ему приватизацией семейный статус акционера, не суливший, как он догадывался, никаких дивидендов...

Вполне пролетаризированного, но по-немецки педантичного Виктора Богдановича огорчает, что раньше не заинтересовался родословным древом, не занялся изучением его белых пятен. Он мечтает раскрыть завесу тайны над судьбой дяди и теток отца, хоть что-то узнать о его двоюродных, а также своих троюродных братьях-сестрах по этой линии. Если только они были. А скорее, если им удалось уцелеть...

2000 г.

Родня

Теперь понятие «род» все больше приобретает какой-то отвлечённый от жизненных реалий, суховатый, абстрактный характер. Даже братья и сёстры во многих, многих семьях живут абсолютно разобщённо, двоюродные – так и вовсе не знают.

Встречаются близкие по крови, истокам люди не из-за того, что «душа велит», а потому, что традиция требует соблюдение внешнего приличия: на похоронах да на свадьбах. Подчас, чего греха таить, где-то в присутственном месте, чтобы с помощью третейского судьи разрешить имущественные споры, а посчитав себя обделенным наследством, озлобляются, становятся непримиримыми врагами...

Род, который восходит своими корнями к маленькому дому (самому старому на Ризадеевской, да, пожалуй, и во всей Выксе) за номером 8а, где некогда, в далеко дореволюционные времена, обосновалась чета Зубовых Александра Дмитриевича и Анны Ивановны, – он, слава богу, не из таких! Здесь не только двоюродных, троюродных – всех знают наперечёт.

Созваниваются, списываются, при первой возможности съезжаются, и тогда, как встарь собираются за общим столом до двух десятков человек, соскучившихся друг по другу и по родным «пенатам». Очень спланивает их благодарная память о прародителях. Они бережно хранят все материальные следы их пребывания на этой земле: дом, мебель, фотографии...

Александр Дмитриевич Зубов (1869–1934) и супруга его Анна Ивановна (умерла в 1948-м) были людьми искренне и глубоко верующими. Сам был вхож в монастырь, пел в церковном хоре. Упомянутый выше их дом по семейным преданиям раньше

принадлежал Иверской обители и располагался на территории ее конюшенной, вплотную примыкавшей к парку у господского дома. Еще один факт, свидетельствующий о религиозности этой семьи: после разгрома монастыря именно она приютила последнюю игуменью и двух монахинь... Глава был человеком выдержанным, тихим и скромным. И, видимо, по тому времени прилично образованным. Он работал бухгалтером на Верхнем Выксунском заводе еще задолго до 1917-го, что подтверждается присутствием его фотоснимка среди прочих тогдашних управленцев на большой общей фотографии, что экспонируется в заводском музее. Да и не на ней одной. После Октября его статус практически не изменился. Он опять же на Верхнем, в числе прочих работников конторы.

Анна Ивановна родила супругу одиннадцать детишек. Двоих забрал Господь еще младенцами, а остальных всех на ноги подняли и предоставили возможность самим устраивать свои судьбы. Не всем из потомков это вполне удалось. В том плане, что две из сестер, Анна и Надежда, и брат Иван так и не обзавелись собственными семьями. Но все были исключительно порядочны и дружны. Очень почтительны с родителями.

Жребий им выпал разный. Например, Алексей Александрович, второй из сыновей, будто бы еще в империалистическую стал офицером. Погиб он на войне в 1942 году. Два его сына пополнили ряды людей в погонах. Игорь Алексеевич стал военным юристом дослужился до генеральского чина, а Владимир – летчиком.

Николай Александрович в годы войны работал начальником термического цеха в бронекорпусном производстве. Он один из четырех машиностроителей, удостоенных в тот период ордена Трудового Красного Знамени. И потом еще долгие годы на «командирских» должностях. В результате производственной травмы потерял руку.

Иван Александрович, по рассказам Зубовых, самый интеллигентный в семье, служил в лесоторфоуправлении. Очень был начитан, эрудирован и как мог способствовал приобщению к книге и учению многочисленных племянников и племянниц. Как и многие в этой большой семье, хорош собой и приветлив. А еще – именно благодаря ему, семья обзавелась в середине 20-х новым просторным домом, зады в зады со старым, где тесно уже ей было чрезмерно. В его стенах по сей день вспоминают Ваню с огромной теплотой. По мере старения родителей именно он стал им первой надеждой и опорой (не потому ли остался холостяком?).

А еще были Михаил, Мария (в замужестве Быстрова), Надежда, Ольга (Киреева), Раиса (Рощина)...

Любопытная деталь: за исключением одного (ему помешала болезнь), все внуки Зубовых, а их было, если не ошибаюсь, одиннадцать, получили высшее образование. Едва ли это стихийно сложившееся. Знать что-то было под сенью этого дома, в родительских генах, порождающее тягу к знаниям, к профессии, к занятию подобающего места в жизни...

Вдова покойного Николая Александровича, Маргарита Александровна, сейчас здесь старейшая обитательница. Милейшая женщина, обладающая, как я успел заметить, нечастыми среди ее сверстниц качествами: хорошей памятью, жизнелюбием, доброжелательной общительностью и какой-то легкостью, другого слова не подберу, мироощущения. О возрасте женщин не спрашивают, но при первом нашем телефонном знакомстве она, оценив мою деликатность, сказала: «...Мне ведь скоро две восьмерки стукнет»... А почему не просто 88? Дама, она в любом возрасте – дама. Так-то вот! С ней дочь, Ольга Николаевна, после многих лет поменявшая статус москвички на прелести провинциальной жизни. Скучать им некогда. Во-первых, летом забот на большом участке невпроворот. Во-вторых, почти постоянно в доме гости. Дух

крепкого, русского рода притягивает сюда словно магнит из разных концов матушки России Зубовых, Быстровых, Роциных, Глуховых... Не без удивления узнал: наша техникумовская преподавательница сопромата Маргарита Михайловна Глухова тоже из этого «гнезда», но во втором колене; соответственно мои тогдашние хорошие знакомые, ее дети Борис и Елена, – в третьем. Да и с кое-кем из многочисленных родственников знаком. С другой стороны, чему удивляться? Город-то маленький!

В семейном архиве очень много старых фотографий. Сохраняются даже те, на которых уже никого не могут распознать нынешние их владельцы. Но они были дороги покинувшим этот мир близким, и одно это уже – достаточное основание для сбережения... Мы еще используем в будущих выпусках некоторые из не уместившихся в нынешнем. Лица там такие встречаются... нынче таких «не носят»!

У Александра Дмитриевича были братья. И то же, понимаете, небездетные. Посему Зубовых в Выксе несколько корней и те, другие, тоже дали городу немало достойнейших граждан.

Почему Выкса все еще жива и все еще русскоязычный город? Потому, дерзну предположить, что такие вот Дмитриевичи и Ивановны, не прельщаясь приманками богатства, вопреки всем военным, экономическим и социальным бурям обзаводились огромным, по сегодняшним меркам, потомством. Почему? «Бога боялись», – не колеблясь, отвечает Маргарита Александровна.

2000 г.

Я не мог лицемерить и заискивать...

...Не ходил бы ты, Ванёк, во солдаты!

Что удивляет в его воспоминаниях о годах служения царю и Отечеству, о войне, так это весьма беглое описание существа дела. Как бы сказали мои тогдашние отцы-командиры, ни тебе, понимаешь, патриотизму, ни особой радости по поводу успехов в боевой и политической, ни свидетельства ратных подвигов. Сплошь и рядом какая-то «бытовуха». Даже неизбежные для россиян жалобы на несправедливость начальства и всего жизнеустройства в целом крайне редки. Зато в достатке не лишённые некоторого самолюбования безыскусные повествования о незатейливых интрижках, нанизанные на стержневую, сюжетную линию-пылку любовь к некой Нюре...

Однако давайте по порядку. Служить Ванечка угодил в пехотный полк Кольванского полка, расквартированного в Моршанске. «Одет был хорошо и выглядел молодцом, кроме того играл на трех рядной гармонии, то поэтому командиры рвали меня каждый к себе...»

Наконец, он определился, и пошла служба, «горемычная и скучная». Что же это угнетало нашего молодца? А вот что. Бравы ребяташки... были все «деревенские, неразвитые». Вкусивший от благ цивилизации, Ванюша долго не мог привыкнуть к братьям по отсталому классу – тяготился их обществом. Да если б только это!

«...Отдельные командиры, чтобы извлечь из меня денежную выгоду, издевались надо мной. Но я не поддавался, и они, видя, что у меня деньги, все стали обращаться как со всеми».

Тем не менее солдатиком Ваня был из первых. Всем фору давал и по знанию устава службы, и по гимнастике, и по всему прочему! После принятия присяги сподобился продвижения в писарские ученики. И много лет спустя совесть не позволяла ему

признать своё первое продвижение вполне заслуженным: «...Писал я плохо, но имел сам красивый вид, вот меня адъютант и облюбовал». По три дня в неделю ходил он заниматься в полковую канцелярию. А в остальные дни и в лагерях упражнялся в солдатском ремесле. Даже в призовой стрельбе участвовал. Но приза не взял: 1 пуля в «молоко» ушла («...Мешала сильная буря»).

Судя по записям, одно из самых тяжких армейских испытаний – марш-бросок на Шую, где должен был случиться «бой». Шли дюжину суток. В последний день прошли 40 вёрст. «При этом я был больной и ночь находился в околотке, но утром несколько оправился и пошел в наступление».

Вот тут интересный момент. Очень дружелюбно встречали солдатиков во Владимирской губернии (Русь исконная!). Кормили-поили, баньки топили, сапоги чинили, платье стирали... И всё от чистого русского сердца, задарма. Лучше жили? Едва ли в этом дело. С понятием народ был: солдат, он защитник и он же горемыка... Приветись чужого сынка, глядишь, и твоего кто-то пожалеет...

«По окончании боя в городе Шуя мы простояли три дня. Отдыхали... гуляли по городу, где на дворах были обеды и проходящих солдат зазывали... кормили их».

...Как про какую-то другую страну, про другой народ, правда?

Ах, гармонь моя, гармонь

Вскоре по возвращении в Моршанск Ивана зачислили в штатные писари, выдали новое обмундирование, «...которое переделал и стал франтом». Жить стало лучше, жить стало веселей! Да ещё эта самая гармонь! То одно приглашение, то другое. То одно знакомство, то... Нескоро, в общем, выберешь. Паня, Шура... Гулял на два фронта. И по закону подлости случая «...как ни крутил, но нарвался с одной на другую». Между барышнями произошла ссора, а у Вани головная боль. Выбрал Паню, поду-

мал, подумал и... перевыбрал. А вскорости случись на его пути Настена. А вослед ей и Лелька, которую прозвал Красной Шапочкой. Но надолго на этих объектах не застревал. Ванечка «... пользовался популярностью от девиц и стал взыскателен к ним, так как мог завоевать чуть ли не каждой... внимание к себе». А и в том дело, что к тому времени «солдат вошёл в моду».

Так что и не требовалось прикладывать слишком много стараний, а заканчивались увлечения расставанием без муки. Подоспело повышение по службе. Ваню произвели в младшие писари старшего разряда. Шутка ли, две нашивки на плечах. На службе пообвыкся, и увольняться-то не хотелось, «...так как слишком себя чувствовал свободно и весело проводил время».

И вот тут-то служивый, ослабивший бдительность, дал маху. Влюбился! Когда наконец был представлен незнакомке, назвавшейся Нюрой Петровой, то почувствовал себя «на высоте небес». Ах ты боже ты мой! Паня с Шурой, в ревности сдружившись, попытались разрушить наметившуюся было идиллию: пакостью грозили, наговаривали на Ваню нехорошее. Спугнули они Нюру, дала та Ване отставку...

Занемог солдатик. Ни на танцы не ходок, ни «на кина». От терзавших мучений спасался охотой в имени сослуживца Васи Панникова. Уж начал было терять слабую надежду, как месяцы спустя вдруг через общую знакомую узнал: владычица сердца его сама не рада отчуждению...

И вот вновь наши голубки гуляют «под крендель» и утешают сердца лаской...

Завидев Ваню с сестрами В. Панникова, Нюрочка не выдержала (ревность помогла) и призналась-таки солдату в любви. «После этого мы были очень счастливы и никого не находили себе равными... Перед демобилизацией – новое повышение, теперь, брат, до старшего писаря старшего же разряда доросли. Больше скажем, успешно выдержано испытание на кандидата

заурядно-военного чиновника в военное время. А это уже три нашивки на погоне и угольник на рукаве!

Уволился 15 марта 1914 года. Уезжал в Питер в надежде на скорую встречу с невестой (уже заручился согласием её матери и брата). Вот оно счастье, рукой подать! Осталось только деньжат подзаработать.

Всё, казалось, по задуманному складывалось. Тут же по приезде был принят к прежнему хозяину, Владимиру Владимировичу Леве. Уже через месяц догнал и много перегнал сослуживцев по сумме выручки, приделся по последней моде. Ещё бы чуть деньжат «наскирдовать» – и за Нюрой в Моршанск...

Не суждено им было. Мечты о семейном очаге тогда разрушила война. Забегая вперёд и опуская многие подробности их романа, рассказываю его финал. Когда после всех перипетий, после фронта, демобилизации, тщетной попытки прилично устроиться в Кулебаках Иван выбрался, наконец, в Моршанск, Нюра его отвергла после его чистосердечного признания: «Вот я здесь весь и тут же всё моё состояние». Не захотела идти за необеспеченного.

...Не было у него тогда оружия, а то пулю бы в себя пустил. Не авторские домыслы, а собственные страшные признания героя.

Судьба служивого хранила

И в империалистическую, и в Гражданскую судьба Ваню пощадила. От страшного горнила в стороне держала... Нигде в своей тетрадке ни словом не упоминает он об участии в боях с немцами. Напротив, прямо признает, что и в те лихие годы был храним Всевышним. Он попал в этапную роту, расположенную от передовых позиций верст за 40... Из Пруссии его часть была переправлена в Галицию, в город Стрий, покинутый австрийцами. Работы и там, и здесь было очень много, а риска – никакого,

Ваня и сам признавал: «...жилося не совсем плохо, так как жизни опасность не грозила, а деньжонки были на расходы».

Потом началось отступление от Карпатских гор чуть ли не ежедневно и пядь за пядью, вплоть до Волынской губернии. Перевидал солдатик немало. Да, чуть не забылось, в отпуск ездил не раз: к брату в Петербург, в Нижний, на родину – в Журелейку, в Моршанск заезжал к ненаглядной...

В конце 17-го, уволенный с фронта, он вынужден был отправиться в кулебакскую глухомань. В столице-то делать стало нечего, частная торговля прекратилась. Подался в Кулебаки в поисках работы. Но без ходовой профессии очень трудно устроиться. Перебивался кое-как до самой Пасхи. Затем собрался всё же в Моршанск, где получил, как я уже констатировал, от ворот поворот... Оскорблённые святые чувства, униженность и безысходность. В поезде, забравшись на полку и отвернувшись к стене, дал он волю слезам.

Ванино «поражение на фронте любви» было встречено родными «с сожалением и в то же время с насмешкой...». Он писал ей, пытался взывать к совести возлюбленной, растрогать её, побудить раскаяться. Тщетно: Нюра не отвечала...

Иван поступил на службу в Кулебакский военный комиссариат, на должность помощника делопроизводителя. Жалованье было настолько скудным и нерегулярным, что пришлось вспомнить подзабытое: голод. И вынужден был пойти на большой риск. Вместе с братом Яковом дважды тайком резали колос...

Ему предлагали вступить в партию большевиков. Он отказывался. «...Не хотел я быть в партии... Я только хотел честно работать и этим добывать себе пропитание. Мне безразлично, кто бы ни владычествовал, но только бы мне платили за мою работу, чтобы мог существовать». Недоумевал: разве недостаточно просто честно трудиться? Но не хотел вчерашний солдат воспитывать себя политически, примыкать к каким-либо партиям. Надо полагать, чувствовал: обманут! А только обидно было.

«Моя работа оценивалась плохо, так как я не мог лицемерить и заискивать перед кем-либо». Впоследствии его усердие было всё-таки оценено, и стяжал он себе на Выксе славу великого труженика. А награда была высочайшей пробы – орден Ленина.

Сватовство по-старовыксунски

В начале октября 1918-го Ивана вновь мобилизовали. И отправили на Выксу. Всё-таки везунчик он был в солдатской своей судьбе, ну ничего не скажешь! В одном из работников местного военкомата узнал бывшего своего помощника – в Моршанске ещё – Петра Дмитриевича Пантелеева, который по Ваниному увольнению в запас продвинул был на освободившееся место. Сослуживец и составил Ивану протекцию, отрекомендовав как старого военного писаря.

Большой карьеры здесь мой герой не сделал: от переписчика и машиниста дорос лишь до начальника канцелярии, и то ненадолго. «...Комиссар Личнов невзлюбил меня, сместил... в делопроизводители, а перед увольнением в запас в помощники делопроизводителя. Зато избежал военной «мясорубки» ... Здесь, на Выксе, произошла в его жизни встреча, обернувшаяся женитьбой и полным остепенением в делах сердечных. Но стоило ему это больших нервов!

...Девуцу звали Лизой, была она старшей дочерью в мастеровой семье, видимо, очень скромная и милая. Любвеобильное сердце служивого долгих вакаций не терпело.

...Не сразу у них сладилось. А тут ещё прежняя зазноба на Ванино поздравление с днем ангела откликнулась с превеликим раскаянием и молениями забыть обиду, вернуться... Ваня и рад был этому чрезвычайно и насторожен одновременно: «Единожды обманувший...» Тем не менее совсем уж было собрался проведать ту, которой восемь лет принадлежало его сердце. С Лизонькой объяснился, порядочно расстался.

Но поездка в Моршанск по неблагоприятным обстоятельствам откладывалась. А тут Лизонька записку прислала, пригласила на свидание. А как пришел – то сразу же с признаниями в любви, со слезами от невыносимой горечи предстоящей разлуки. Ваня посмотрел, посмотрел и всё понял: «...внутренний голос сказал мне: вот это, мол, твой искренний друг, с которым будет связана вся твоя жизнь!»

...Так чаша весов и склонилась в пользу новой, не скомпрометировавшей себя гордычками подружки. Тут вскоре благополучное сватовство и помолвка. Ваня в доме чуть не каждый день, на правах жениха. Однако мать нареченной, сетует последний, была женщиной чрезвычайно своенравной и непостоянной, как не сказать – вздорной. Вдруг в доме стали появляться и другие претенденты: Георгий, Володя, Шура... Как так?! Сосватана же! Началась канитель: то выставит Ваню из дома («чтоб ноги твоей больше не было»), то назавтра посылного с извинительной записочкой и назначает день свадьбы.

Бросить, что ли? Самолюбие не позволяет. Лизу жалко, а Нюра, считай, отрезанный ломоть, да и поделом ей. Однако и разборки с будущей тещей надоели... Однажды приходит в дом, а там чужие свахи, и дело, похоже, к концу. Вышел на улицу, встал у окна. Душа кипит! Сговорятся, решил – пристрелю невесту. На счастье потомков, свахи с хозяевами в чём-то не сошлись...

Наконец, соперники будто бы уgomонились. Вот уже и свечи, и кольца обручальные прикуплены. Приходит жених, а ему в лоб: такая-то сказала, жена в Кулебаках у тебя была, а теперь вдовый ты, дочь у тебя чужие люди воспитывают. Прощай-прости, мол...

Уй, ё!.. Ваня к Ольге, сплетню принесшей: «Откажись от слов зловредных!» А та и не думает. «И поэтому я не смог сдержаться: сильно окрестил сплетницу левым кулаком ниже правого глаза... на всю жизнь оставил памятку, вроде изычного шрама. Отчасти приходится сожалеть, что не сделал тоже правым кулаком мамаше и дочке...»

Но и без того подействовало. «Аргумент» на физиономии сплетницы выглядел более чем убедительным. Дело заметно ускорилось и незамедлительно обернулось регистрацией и венчанием. Оказалось, Ванины «приключения», судьбой ему уготованные, отнюдь ещё не были исчерпаны. «...На другой день после свадьбы получился полный скандал из того, что я был не совсем по случайности здоров». Тёща, окаянная душа, прознав про этот конфуз, тут же стала искать одного из прежних женихов. И жёнушка, чего греха таить, едва не согласилась... Чуть до смертельного боя не дошло. Здесь было и тесть уже бросился на новобрачного, «но... чувствуя на себе направленное оружие, сразу остыл, и дело закончилось миром».

...Те три месяца, что прожил Ваня «в снохах», показались ему за целую вечность. Очередная крупная ссора с тещей завершилась тем, что его не пустили в дом ночевать... Хорошо жёнушка не пошла за своей мамашей. Пришлось съехать на квартиру. Переезд не был обременителен: «...мои шундры-мундры да чуть ли не пустой сундук вашей матушки». В одних сазках всё поместилось.

Тесть с тещей так ожесточились, что не постеснялись «кинуть» с приданым. С укором великим поминал им зять про обещанные зеркало, вязальную машину, белый самовар...

Помыкались они ещё вдосталь. За душой – ничего. В комнате – ни единой табуретки. Работали оба – почти что «за спасибо» («служил ни за что для пользы родины»). Временами по нескольку дней не имели куска хлеба... Первая дочка прожила три часа. Лиза чуть не погибла от дизентерии.

Работа магазинером при рудном отделе счастья не принесла. Магазин обокрали, и Ивана сосчитали соучастником. Спустя пять месяцев вынужденной безработицы судили, но доказать вину не смогли и оправдали. Потом повезло: купили дом на Нижней Выксе: «за ружье... хорошее, да ещё из деревни со своего посева 10 пудов хлеба, всего 25 пудов». Там дети пошли, так Лизе при-

шлось от работы отрываться, а супругу, хоть очень трудолюбив и исполнительен, одному было, на приличную жизнь заработать невозможно. Как ни тяжело было, однако кое-как постепенно обростали нехитрым имуществом, без отца-матери нажитым...

Вот на этом примерно повествование и заканчивается. Почему осмелился я предложить вашему вниманию столь пространную публикацию. Во-первых, грех упускать такую редчайшую удачу – заполучить достоверные свидетельства о жизни ваших, дорогие мои читатели, предков. Ваня, а точнее Иван Алексеевич Сочков (пора его «рассекретить»), он же не из ряда вон. Типичный представитель своего поколения. А знаем мы о дедах, прадедах, прапрадедах – до обидного мало! И, во-вторых, чтобы лишний раз напомнить, какой ценой оплачена ими сегодняшняя жизнь, как сказываются на судьбах людей различные исторические пертурбации...

В завершение ещё несколько штрихов к нарисованному портрету. Друзья и соседи прозывали его за глаза «Ваня-розочка». Почему? Он был очень общительный, душевный человек. И (забытые слова!) – обходительный, любезный. В доме, никогда не знавшем излишеств, достойно принимали гостей, по старинному русскому обычаю делились чем бог послал (сам тому свидетель). Иван Алексеевич замечательный был рассказчик и шутник... Бывало, пойдёт в магазин и пропадёт, так дома знают, наверняка кто-то из знакомых привязался: «Расскажи, да расскажи...».

...Был строгим, хотя не жестоким. Но прутики, персональные, причем для каждого в отдельности, держал наготове. Больше для острастки, хотя...

Жену в шутку величал «полубарынька». Всё потому, что «горячо любимую» тещу, Пелагею Леонидовну, на улице прозывали «Поля-барынька». С винцом завсегда на «вы». «На праздник малюсенькую рюмку с предельной аккуратностью себе нальёт, и это – всё. Ни разу в подпитии его не видала», – вспоминает младшая дочь Галина.

Интересная деталь: раз за ней пришел жених, позвал на променад. Она, не спросив у родителей, поспешила в сборах. Иван Алексеевич на такую непочтительность осерчал: не пустил девушку погулять. Сосватанную уже! Пришлось признаться любимому: «Нынче я наказанная!»

Долгие годы И.А. Сочков работал на ВМЗ, в первом трубном. Приятельствовал он со многими. Но самым авторитетным из знакомых был для него Фёдор Михайлович Баринов, старинный товарищ по охотничьему увлечению.

...Всего-то и не перескажешь, вот досада-то!

2000 г.

Миссия

Его вывезли из Ленинграда едва живого. Со следовавшего на Урал поезда, вместе с ещё одним блокадным доходягой, сняли на станции Навашино. Опытный медик посчитал: эти до места назначения не дотянут. Ненадолго придя в себя, Феодосий Людвигович услышал его разговор с местным коллегой. Последний укорял собрата: «...Ну, ты мне и удружил! В прошлый раз мертвеца подсунул и теперь вот двоих».

Однако вопреки мрачному, наиболее вероятному прогнозу Ленковский тогда выжил. Долгие-долгие дни провел на госпитальной койке, одной из многих, которыми был заставлен большой зал Дворца культуры, неожиданно большого и, можно даже сказать, шикарного для маленького провинциального городка в отчаянной лесной глухомани... И постепенно поправлялся. Когда, наконец, смог передвигаться без посторонней помощи, первым делом добрался до стоящего на сцене рояля...

Мы можем лишь попытаться вообразить себе, какой накал чувств пережил в тот миг этот высокий и, несмотря на перенесенные лишения, на неимоверную худобу, всё ещё красивый чело-

век. Потерявший в блокаду жену, брата, всех дорогих и близких ему людей и сам не единожды, надо полагать, прощавшийся с жизнью, он как бы заново родился, когда ещё не вполне послушные пальцы извлекли из долго сиротствовавшего инструмента первые аккорды. Каким вызовом, сгустившимся под этими сводами боли, страданию, отчаянию, прозвучали они! Как взбредили сердца изувеченных войной соотечественников, многие из которых в первый (а кто-то и в последний) раз прочувствовали на себе волшебство высокого искусства, воссозданного в абсолютно контрастной обстановке прекрасным пианистом!

Может, это было именно так, как доносит до нас предание, и нынче бытующее в среде реликтовой выксунской интеллигенции. Или примерно так, чуть с меньшей, не столь откровенной пафосностью. Но в любом случае судьбоносное для культурной жизни Выксы событие произошло именно тогда. В ней поселился Музыкант.

Воистину: «Не было бы счастья...» Ф.Л. Ленковский был исполнителем столь высокого уровня, что даже просто один-два концерта, данных им в Выксе, по праву могли бы быть занесены золотыми буквами в её летопись. Он из числа талантливейших учеников Константина Николаевича Игумнова (1873–1948), выдающегося пианиста, педагога, одного из создателей советской школы пианизма. За блестящие успехи по окончании консерватории молодого музыканта премируют роялем (который в беспросветные дни был выменян на буханку хлеба и маленький кусок сала...). Если бы не война, Феодосий Людвигович, вероятнее всего, занял бы подобающее место на советском музыкальном Олимпе, воспитал плеяду известнейших учеников...

Но и по её окончании он не утратил шанса вернуться в свой мир. Из Ленинграда писали: «Ваша квартира сохранилась, приезжайте...» Ленковский категорически отказался. Новым выксунским знакомым, осознававшим ужасающую несоразмерность его мастерства со скромной должностью провинци-

ального концертмейстера, он бросил фразу: «Мертвых обратно не носят» (что нужно пережить, чтобы прийти к такому мироощущению?). Ленинградским корреспондентам отписал, что от трехкомнатной квартиры в центре города отказывается по доброй воле, и попросил лишь вернуть ему уцелевшие ноты. В Выксу пошли странные для того времени посылки...

Сам же поселился в коммуналке со своей сестрой Любовью Николаевной Славич. Она приехала к нему, как только они отыскивали друг друга, и уже не оставляла Феодосия Людвиговича до его смерти, последовавшей в 1950 году.

Можно с уверенностью сказать, что именно благодаря их бескорыстным стараниям спустя примерно год после его ухода в нашем городе была открыта первая музыкальная школа...

А предвестниками этого знаменательного события стали моменты, подобные следующему. В доме своих новых выксунских знакомых Феодосий Людвигович нашел мальчонку-дошкольника, который, как мог, на слух подбирал на фортепьяно мелодии популярных тогда песен. Он вызвался позаниматься с ним. Работал безвозмездно, но с полной самоотдачей. Мало-помалу ученик все больше отплачивал наставнику своими успехами. Это был не кто иной, как Владимир Войтюк, завершивший уже годы спустя после смерти первого наставника специальное образование и затем посвятивший воспитанию музыкально ода-

Феодосий Людвигович Ленковский

ренной детворы города почти четыре десятилетия собственного педагогического пути...

И таких детей в «орбите» Линковского тогда было несколько. Светлана Войцеленок, Владимир Лизунов, Ветров, Тамара Титкова, Тамара Кронштатова... Известно также, что своей головокружительной карьере на музыкальном поприще Феодосию Людвиговичу во многом обязан наш знаменитый земляк Валерий Ярославцев. В послевоенные годы он, учащийся техникума, посещал занятия хоровой студии Дворца. Именно пианист из Ленинграда зародил в нём мысль о необходимости освоения оперного репертуара и специальном образовании. Концертмейстер по собственной инициативе много занимался с юношей, талант которого был затем на одном из столичных смотров самодеятельных артистов замечен и оценен самим Александром Владимировичем Свешниковым...

Для тех, кто интересуется историей нашего края, все сообщенное в этой короткой заметке ни в коей мере не является откровением. Имя замечательного человека, истинного российского интеллигента, волею судьбы занесенного в столь далекий от культурных центров страны уголок, не раз упоминалось в местной прессе. Поводом для нынешней публикации мы считаем близящийся полувековой юбилей музыкальной школы – события, достойного соответствующего освещения и неординарного торжества.

...Запомните облик этого удивительного человека. Он видел наш прекрасный, наш треклятый мир в роковые его минуты, прошел через ужасающие испытания, пережил невозполнимые потери и на несколько лет, почти из самой могилы, вернулся к жизни для того, чтобы до конца исполнить свою земную миссию. Оставить нам образец служения искусству, красоте, своему народу!

Те, кто застал его здесь, утверждают: красивее и скромнее они никого и никогда после уже не встречали...

2000 г.

Музвзвод

Страничка из жизни Выксы далекой военной поры... То, что здесь тогда квартировали две или три воинские части и несколько эвакуогоспиталей, люди старшего поколения знают. Правда, чаще всего понаслышке: «кто-то что-то рассказывал, точно уже не помню...». Не к чести нашего краеведения: точными сведениями на этот счет оно не располагает. Что за части? Откуда? Какова их дальнейшая судьба? Никто пока не удосужился поискать ответы на эти вопросы. Будем надеяться, что дело поправимое. Есть центральный архив Вооруженных Сил в Подольске. Опять же работники горвоенкомата обещали поспособствовать...

Не так давно узнал, что при одной из этих частей, точнее, при военно-мотоциклетном училище в 1944-м был сформирован музыкальный взвод. На фото явственно видно: большая часть музыкантов – подростки. Есть, верно, и солдатики вполне взрослые, награжденные к тому времени, медалями. А двое, кажется, и орденами: можно предположить, успели повоевать. Но по большей же части – юнцы безусые. Как сказал, ныне здравствующий воспитанник музвзвода, А.Г. Изосимов, попасть в ряды этого «вооруженного» трубами, кларнетами, барабанами подразделения среди мальчишек Выксы считалось большим... нет, фантастическим везением. Это же значит приобщиться к великой армии, которая без устали гонит ненавистных фашистов, по праву носить гимнастерку с погонами! Да еще освоить музыкальный инструмент и играть в оркестре! И, чего уж скрывать, это – гарантированная сытость, о которой многие, особенно в многодетных семьях, могли только мечтать... И десятилетия спустя Анатолию Геннадьевичу доводилось слышать от старых знакомых по этому поводу: «Как тебе тогда повезло!» С завистью! Он и сам так считает...

К моменту набора в музвзвод он успел окончить «ремеслу-ху» и некоторое время поработать сварщиком-нагревальщиком в вилорокатном цехе. Для мальчишки это был труд чрезвычайно тяжелый, можно сказать – надрывной. А тут как-то приходит друг, Женька Осипов, рассказывает про такое дело и еще спрашивает: «Пойдешь?» Соблазняет: «Музыкантами будем»... Какой там: «пойдешь?». Побегу! Лишь бы только приняли!

...Приняли. И началась совсем другая жизнь! По-военному четко размеренная. Строго выверенная по расписанию: подъем... занятия... отбой... (С «гражданкой» связь – школа и посещаемые раз в неделю родители.) Жизнь с постоянным ощущением удачи...

Размещалась тогда эта команда в здании Христорождественской церкви. Военно-мотоциклетное училище занимало и его, и Баташевский дом. Летом усаживались в тени тополей, лип, что были возле храма, разучивали свои музыкальные уроки.

– А чудно как на первых-то порах было. После вильного-то! – улыбается Анатолий Геннадьевич, – какие-то дизезы, бекары...

Музыканты музвзвода

– Не нравилось?

– Ну, что ты! Нравилось. Помнится, никто даже не пытался сачковать. Все старательно разучивали нотную грамоту, гаммы. Потом гимн, марш, даже вальсы... Командовал нами знаешь кто? Кумсков, Григорий Яковлевич. Он ведь до войны еще во Дворце культуры имени Лепсе духовой возглавлял. Очень опытный педагог. Для каждого инструмента своя азбука. Сам все расписывал... Да и вообще хороший человек. Сдержанный. Доброжелательный... А первым помощником по воспитательной части был у него Владимир Вениаминович, «товарищ Личнов».

– Здорово вас муштровали? – спрашиваю уже давно вышедшего на пенсию ветерана.

– Нет, по части шагистики не очень. Но каждый день, перед отбоем, в любую погоду строим, с песней, маршировали от Большой церкви до Малой и обратно. И это не за труд было. Старались от души! А как же? Пока идем, сколько глаз на нас останутся... Гордились! А потом, мало-мальски обучившись, играли по торжественным случаям. Когда, например, курсантам погоны вручали... Иногда, по выходным в парке, в «раковине» ...

После расформирования училища часть ребят направили в Москву, в образцовый оркестр. Некоторые (Анатолий Геннадьевич помнит только Евгения Пузанова и Николая Быкова) там и остались: глянулись, видно. Кто-то попал в Коломну, иные – в Наро-Фоминск. А в 1946-м А.Г. Изосимов после демобилизации отца вернулся в Выксу... Он еще некоторое время, почти до самого окончания техникума, играл в духовом. А как перестал успевать и там, и там, сделал выбор в пользу металлургической специальности... Когда эта публикация задумывалась, еще жив был его старинный друг, тоже воспитанник музвзвода, И.Н. Кудасов. Я очень рассчитывал с ним встретиться, даже созвонился... Но постеснялся потревожить тяжелобольного человека. А Анатолий Геннадьевич друга проведаль и взял для намечавшейся заметки сбереженные Иваном Николаевичем, полувековой давности фотографии.

– Жаль, что ты с этим припозднился, – замечает А.Г. Изосимов. – Ваня больше моего помнил...

Нечем отговориться. Действительно, припозднился.

P.S. Когда вычитывал уже подготовленный материал А.Г. Изосимову, он сказал: «Попроси, чтобы откликнулись те, кому известна судьба моих тогдашних сослуживцев и товарищей. Я кроме, как с Иваном Кудасовым связи ни с кем не имел. Да и того вот не стало. А может, кто-то из курсантов еще жив. Некоторые ведь в Выксе обосновались. Если не сами, то, может, дети, что-то об их судьбах могут рассказать...

И, наконец, последнее. Мы располагаем кое-какими редкими фотографиями и сведениями по истории выксунских духовых оркестров. Материал уже готовится и будет опубликован в одном из будущих выпусков семейного архива.

2000 г.

В городском саду играет...

...духовой оркестр. Главный участник всех торжеств, генератор праздничного настроения, знаменатель побед. Друг ностальгирующих по лучшим временам ветеранов и мечтательно-легкомысленной молодежи. Он же – множитель скорби: «Прощайте, товарищи...» Интересно: есть ли еще где-то в мире, у какого-то другого народа поговорка: «загремим под фанфары»? Сколько незабываемых моментов в каждой судьбе – когда восторженных, когда тоскливых – связаны с ним неразрывно. А теперь вот исчезает из нашей жизни. В столицах еще подобающе звучит медь первоклассных оркестров, но и то сказать, не так часто. В наших же провинциях – все реже да реже. Давно на заслуженном отдыхе последние «духовики», которые играли еще в сводных (под сотню инструментов!) оркестрах, собирав-

ших тысячи благодарных сограждан. Вот через них, через родственников, отошедших в мир иной, раздобыли мы уникальные фотографии, разузнали основательно подзабытые вне узкого круга посвященных фамилии, факты, былички...

Патриарх

На самом старом из имеющихся в нашем распоряжении снимке – И.П. Лохин. Патриарх духового! Из тех, что освоились в нем еще задолго-зadolго до октября 1917-го. Сам он, однако, никогда профессиональным музыкантом не был. Коренной выксунец, сын местного железнодорожника, он прилично изучил чертежное дело и рисование (благодаря дружбе с известным выксунским художником Волковым и собственному усердию). Служил Иван Павлович в заводской конторе – на известной коллективной фотографии 1902 года есть и его портрет, – а при советской власти – в исполкоме, по архитектурной части.

В ранней юности, помимо упомянутого таланта, обнаружился в нем тонкий музыкальный слух и тяга к исполнительству. Пел в церковном хоре. Играл на гитаре. Однажды «приставший» к духовому, Лохин не разлучался с ним долгие годы.

Больше того, Иван Павлович сумел передать любовь к духовой музыке своим детям. Уже на этом снимке запечатлен его первенец, Ванечка. А в целом из десяти потомков четверо в разное время пришли в оркестр: за Ваней Алексей, Петр, Елизавета. Потом эстафету подхватил внук Владимир Алексеевич, следом – правнук Юрий Владимирович...

Вовсе не был народ в те далекие времена массово бескультурным и невежественным. Сами видите: притягивало людей все красивое и возвышенное... Зоя Ивановна, младшая дочь И.П. Лохина, ссылаясь на семейное предание и свидетельство своих прежних соседей-старожилов, рассказывает:

Выкса, духовой оркестр, 1936 год

– Бывало, завидят, что старший брат наш в воскресенье или в праздники при полном при параде куда-то направляется, сразу же окрестности облетает весть: «В парке нынче оркестр будет играть!» И обязательно кого-нибудь, незатрудненного, сгоняют проверить: так или не так, чтобы не пропустить событие...

Кстати, по рассказу З.И. Лохиной, руководил оркестром до революции Василий Арсеньевич Никонов. Из Выксы он уехал задолго до Великой Отечественной. Но перед тем успел какое-то время возглавлять коллектив в ДК им. Лепсе.

Первый «красный» и последующие

Вскоре после революции, а именно в декабре 1917-го, был создан оркестр духовой музыки. Им руководил чех Риеф Францевич Мисливочек (или Мысливечек), якобы из числа военнопленных Первой мировой, оставшихся в России. «Новобранцы» относились к своему новому занятию ревностно. Если случа-

лось так, что места в рабочем клубе (он тогда располагался во флигеле дома Баташевых) не было, они проводили очередную сыгровку на квартире у кого-либо из самодеятельных музыкантов, а в теплое время – во дворе или в саду.

Видимо, к весне следующего года успех в овладении инструментами и нотной грамотой был уже достигнут заметный, и оркестр принял участие в самом пролетарском из всех пролетарских праздников – Первомае.

Для музыкально одаренной молодежи духовой тогда был самой лучшей возможностью приобщиться к миру искусства. Позднее, видимо, появились струнные оркестры, хоры. А первая музыкальная школа – так только в 1951-м.

Некоторые семьи «делегируют» в духовой по два-три человека. Лохиных мы уже вспоминали, а еще Зорцевы, Заонегины, Конюшковы, Леоновы, Зальцман...

В 30–40-е духовая музыка не была еще прерогативой сильной половины рода человеческого. В оркестре играли и девушки: Тамара Меркушева, Настя Раменская, Лиза Лохина, Таня Селиванова, Зина Воцинина, Тоня Варгина, Вера Чаруйская.

Эпицентром музыкальной жизни сразу после открытия стал Дворец культуры им. Лепсе. В разное время коллективом, кроме упомянутого В.А. Никонова, руководили И.И. Лохин, Г.Я. Кумсков, Н.И. Пантуров, Н.К. Слабиков, В.И. Морозов. По мере появления и становления других предприятий создавались и другие оркестры. На праздничных демонстрациях, помнится, они возглавляли колонны машиностроителей, лесозаготовителей, строителей.

«Боже, царя храни...»

Старейший из ныне живущих ветеранов духового Алексей Иванович Маслов, записался в оркестр, руководимый Григорием Яковлевичем Кумсковым, в начале тридцатых. Крепкий и деятельный парень, чем он только не пытался себя до этого занять

в свободное от учебы время. Сбирал деньги в церковную кружку. Лазил на колокольню звонить: «Да как наладил-то... хоть пляши!» Выучился на отцовский гармошке. Тот все похваливал способного и неугомонного сына. А как-то раз ему посоветовали:

«Чего маешься? Определись в духовой, куда как лучше». Ну, а когда во Дворец пришел, ему, по его стати, бас доверили...

– Играли и в парке, и во дворце, и на гуляньях, и на похоронах... – вспоминает Алексей Иванович. – Где нас только черт не носил!.. Деньжатами музыкантов не особенно баловали. По большей части они в общий культурфонд вкладывались. А как подсоберется сумма – культурная экскурсия в Москву, Ленинград... Но все же перепали и «живые» рублики. Копил упорно и справил себе бобриковое пальто (такое – до сих пор его помню!).

Припомнил ветеран забавный (это теперь так кажется!) эпизод. В подвальной части здания Дворца, в комнате, где хранились инструменты, ребята из духового нашли старинные нотные записи. Полистали, выбрали одну и надумали: давай-ка попробуем, как звучать будет... Только-только стало что-то получаться, как в комнату ворвались двое мужичков из находившейся по соседству бильярдной. Самые бдительные. Коммунисты! «Этого чего вы тут дудите? Это где вы взяли? Кто надоумил?»

Оказывается, ребятки-то по неведению «Боже, царя храни!» наигрывали...

На другой день пришли какие-то люди, все опечатали. Не велели даже дотрагиваться.

– Так я к этому делу прикипел душой, не мог без него... – говорит Алексей Иванович. – В армию пришел – опять же в оркестр попал... И по возвращении – вновь... Бывало, заиграем – сразу по-другому себя чувствуешь! Духовиков знали многие. И плохих ребят среди них не было. Опять же девчата уважали...

2001 г.

И больше века длится...

Листаю список абонентов, и невольно спотыкается взгляд об инородческие фамилии. Немало выходцев из дальних мест в разные времена осело на Выксе.

Иные семьи уже так давно и прочно ассимилировались, так щедро разбавили отеческие кровя различными местными «привоями», что теперь уже и не вспоминают о своих «фатарлендах», а то и вовсе знать их не знают.. Вот тебе немецкие фамилии, вот эстонские, шведские, китайские и какие-то ещё – сразу не определишь.

А это чьи же будут: Дзежец? Польское что-то слышится... Набираю номер и, представившись, объясняю причину доставленного беспокойства. Так, мол, и так, гложет журналистское любопытство. Собеседница ничего порочного в нем не усматривает, но и помочь почти ничем не может: «Я ведь по мужу Дзежец, мало что о его предках знаю... А позвоните-ка моей сродственнице...»

И так одна беседа, другая. Затем визит. В одном доме интересные фотографии сохранились, в другом – документ. Выстраивается помаленьку родословное дерево, проясняется немного история исчезающей во всех своих выксунских ветвях фамилии (уж больно горазды девиц воспроизводить).

О «патриархе», Осипе Ивановиче Дзежеце, известно немного. Семейное предание гласит: в наших краях поселился он в начале 80-х годов девятнадцатого столетия не по собственной доброй воле, но по распоряжению царских властей. Будто бы был молодой польский дворянин за участие в волнениях сослан в приокскую тьмутаракань как политически неблагонадежный и нуждающийся в полицейском надзоре. Может, и надеялся со временем выбраться, да только не судьба. Женился на местной девице Елене Орловой, потомством обзавелись: три сына и две дочери.

Самый старший, Евгений, успел повоевать ещё в империалистическую. И дослужиться (как минимум) до первого офицерского чина – прапорщика. Потом вернулся в родное заводское село, работал в механическом цехе. Возможно, воевал он и в Гражданскую. Евгений Осипович дорос до очень солидной, по выксунским масштабам, должности в исполкоме Совета. Его подписи доводилось мне встречать на подлинных документах конца 20-х – начала 30-х годов. Умер относительно молодым ещё в 1938 году. Род по этой линии продолжили трое сыновей и две дочери.

Петру Осиповичу был уготован куда более долгий век. Революционные перипетии и Гражданскую прошел он благополучно. Хотя в провинциальной глуши не отсиживался. Как сообщила нам краевед Н.А. Князева, в 1918-м он в группе других нижегородцев и, в частности, выксунцев воевал против белых в составе Каспийской флотилии. Может быть, ещё найдутся старожилы, кто помнит П.О. Дзежеца в должности директора колхозного рынка... Его семья взрастила троих чад: два сына и дочь.

И, наконец, Николай Осипович. О нем известно только, что долгие годы работал в торге агентом по снабжению, а потом ещё заведовал овощехранилищем. И естественно, другие фамилии.

...А каким фертом он на этом «харлее» смотрится (хай, байкеры, утрите носы!). И, кстати, тоже с погончиками...

Дочь О. Дзежеца, Антонина, единственная, кто сочеталась не только что с соплеменником-поляком, но ещё и дворянином. Его паспорт сохранился! А в нем так и записано: дворяне, мол, и всё тут. Антонина и Юлиан Баньковские постраниковали вдоволь, на какое-то время, но в войну и после – в Выксе обитали... Дочь Анна, по мужу Ястребова, детей не оставила.

Жаль, конечно, что так скудны сохранившиеся сведения. Больше чем уверен: покопавшись в архивах, можно было бы отыскать кое-что и о самом О. Дзежеце, и о его сыновьях. Да кому же из отдаленных потомков мысль эта не праздной покажется?

2001 г.

И череда достойных потомков

В Выксе конца XIX – начала XX веков фамилия Алякринские (с ударением на «я»), была у всех на слуху. Семья Михаила и Елизаветы воспитала восьмерых чад, коим смогла дать приличествующее детям священнослужителя образование. К началу Первой мировой 48-летний бухгалтер Алексей жил в Первопрестольной, 40-летний Николай врачевал, 31-летний Михаил состоял на частной должности. Самая старшая из сестер, Пелагея, работала акушеркой. Погодок её, Александра, жила «при матери», а Елизавета и Елена, что были младше последних соответственно на десять и пятнадцать с лишним лет, – за своими мужьями.

Особой любовью и уважением всего большого семейства пользовался второй по старшинству из сыновей, Василий (1871 г.р.). Он пошел по отеческим стопам и нашел себя на поприще духовного служения. В 1893-м, по окончании курсов Нижегородской семинарии, В.М. Алякринский был направлен на Выксу. Службой достойной снискал он уважение и прихожан, и, главное (увы, это для карьеры везде главное), церковного «начальства». Все у него заладилась. Он состоял делопроизводителем отделения Братства Святого Креста, депутатом по училищным и епархиальным делам, законоучителем в земской школе, цензором проповедей IV Благочинного округа Ардатовского уезда. В 1902 награжден был набедренником, спустя пять лет – фиолетовой скуфьею (по просьбе прихожан!), ещё примерно через пять, ко Дню св. Пасхи, – от Святого Синода камилавкою.

Со своей семьей Василий Михайлович обосновался в собственном доме на церковной земле (впоследствии площадь Советская, 14).

Когда и где умер о. Василий, его потомки достоверно уже не знают. Начавшиеся после революции гонения на церковь вы-

нудили священнослужителей сняться с места обжитого и, дабы найти какие-либо средства для содержания семьи, уехать служить, по семейному преданию, в одну из деревень около Александрова на Оке. Там Алякринский прожил 2 ли 3 года и скоропостижно скончался от воспаления легких. В любом случае было Василию Михайловичу тогда немногим более полувека... А в Выксе его помнили ещё очень и очень долго. В первую очередь благодаря достойным же продолжателям фамилии. Василий Михайлович и супруга его Александра Петровна (тоже из семьи священнослужителя) расстарались, чтобы и их дети были людьми по меркам времени хорошо образованными и культурными (в старорежимном ещё понимании этого слова). Старшая, Фаина (1896 г.р.) преподавала впоследствии немецкий язык и музыку. Борис (1897) окончил реальное училище в Муроме и поступил на механический факультет Варшавского политехнического института в Нижнем Новгороде, в 1919-м перешел в Московское техническое училище. Смерть отца помешала успешно завершить начатое: надо было помочь Глебу (1900 г.р.) и, опять же, содержать семью. Младший же окончил Казанский университет и получил диплом специалиста по лесному хозяйству.

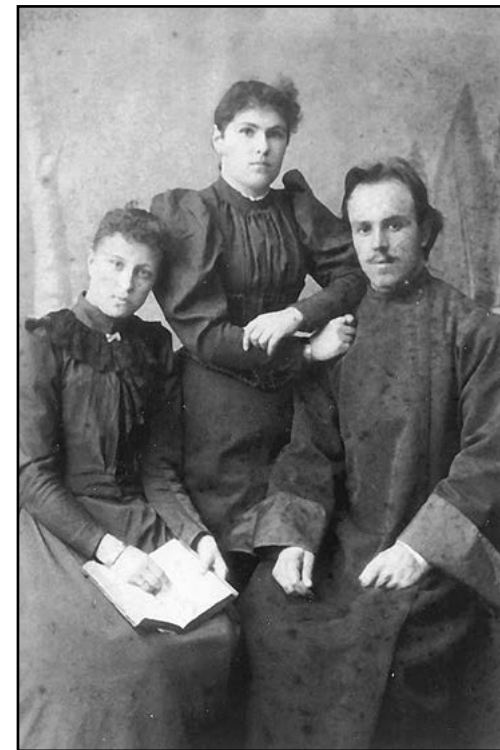
Господь был милостив к наследникам священника. Тень отца, принадлежащего к изгоям новой власти, не легла на их судьбы, не застила им перспективы нормальной жизни при советах. Удивительное дело, не было их в списках лишенцев. Больше того, Фаина Васильевна сподобилась заслужить на ниве просвещения, шутка ли, орден Ленина! Глеб Васильевич успешно продвигался по служебной лестнице и в конце концов возглавил в Горьковском облисполкоме отдел лесного хозяйства. Продолжателей рода он не оставил. Старший брат работал инженером по лесоторфоразработкам на ВМЗ. Уже выйдя на пенсию, долгое время – на общественных началах – инспектором собеса. Его семья водила дружбу с семьями Мальвинских и Вознесенских. Дочь Ольга (в замужестве Комарова) выучилась на врача, рабо-

тала в Выксе (умерла уже в 1998-м), у неё родились две дочери: Марина и Любовь. Обе выучились (неодолимая до сих пор семейная традиция) на преподавателей музыки. Любина дочь Юля и Маринин сын Борис осваивают профессию железнодорожника...

У Фаины Васильевны и её супруга, служившего юристом, Комлева было две дочери. Рина стала врачом и тоже вырастила двух дочерей. Она живет в Нижнем. Эмма в освоении наук превзошла, пожалуй, всех родственников. Профессор математики университета Дружбы народов. Пожалуй, другой-то такой дамы среди уроженок нашего города и нет!

К чему все эти подробности? А к тому, что в свое время сословие, к которому принадлежал Василий Михайлович, очень любили бичевать как рассадник «опиума для народа».

Копию фотографии, что здесь помещена, прислала мне правнучка В.М. Алякринского, Марина Борисовна Прокофьева. Из её письма узнал много интересного. Рядом с прадедом – его супруга, Александра Петровна, со своей двоюродной сестрой Аней, матерью Николая и Алексея и ещё двух детей семьи Клю-

*Михаил и Елизавета Алякринские,
конец XIX – начало XX в.*

чаревых. Первый из них навсегда останется в благодарной памяти патриотов Выксы как автор «Железной розы» и «Работных людей».

В памяти Марины Борисовны сохранилась и такая деталь истории рода. Дед с отцом, Б.П. Комаровым, посадили на Советской площади липы в несколько рядов и тщательно за ними ухаживали. Ей в детстве доводилось помогать им, и эти воспоминания до сих пор согревают душу.

Борис Васильевич Алякринский отличался необыкновенным тактом, интеллигентностью, эрудицией. Общаться с ним было легко даже одноклассникам внучки, которым он охотно помогал по учебе и житейскими советами. Многие из лучших черт отца унаследовала Ольга Борисовна...

У правнучек Василия Михайловича и ныне в Выксе друзья и родственники, что всегда рады встрече. И фамилии всё звучные, с корнями, уходящими в вековую глубь... Но о них разговор отдельный.

Вот так, в самом общем виде о хорошем человеке и черед его достойных потомков.

2001 г.

Он любил глядеть на звёзды

Вот вам ещё один портрет в галерею памяти тех, кто некогда в наших краях жил, служил и проповедовал Слово Божье.

Может быть, кто-то из постоянных читателей рубрики помнит помещенный в «ПХ» № 42 от 17–23 октября 2000 г. («Время собирать») коллективный снимок духовенства, выполненный неизвестным фотографом? Для совершения праздничного богослужения в честь Успения Божьей Матери в августе 1911 г. в Иверский женский монастырь прибыл из Нижнего Новгорода архиепископ Иоаким (Левицкий).

Но не исключен и другой вариант: второй визит Владыки 1912 г. по поводу освящения двух приделов Троицкого собора. Когда бы то ни было, но решили местные пастыри, служители культа, светские заезжие и из числа самых важных персон при заводского села, заботников и благодетелей по чину или призванию, запечатлеться для памяти. За честь!

Осенью прошлого года, мы предприняли попытку назвать некоторых из них. По поводу трех-четырех «фигурантов» нашего расследования сомнений нет. Высокий гость, о. Иоанн (Лебедев), игуменья Серафима, казначея, сестра Маргарита... Ещё по поводу нескольких высказали вполне правдоподобные предположения. Но больше же, конечно, не узнанных.

А недавно удалось идентифицировать ещё один персонаж. Это – о. Николай (Вознесенский). Узнал его на этом снимке внук, мой давнишний знакомый Виктор Александрович Вознесенский. Чтобы не осталось никаких сомнений, последний показал мне снимок деда примерно той же поры. Это абсолютно точно Николай Иванович!

Ну вот, а теперь, собственно, то, что удалось нам к сему времени узнать об этом человеке...

Родился он 11 декабря 1861 года в семье псаломщика Ивана Дмитриевича и просвирни Татианы Вознесенских. Отец умер, когда Николеньке исполнилось всего-то пять лет, и детство его последующее слишком сытым и беззаботным, конечно же, не было. А как мальчонка немного подрос, брат дедушки по отцу, иеромонах Иоаким, пристроил его в монастырский детский приют при Оранском монастыре (в районе Богородска). Под его же, надо думать, надзором Коля несколько лет здесь воспитывался и учился. И небезуспешно. Приезжавший в обитель нижегородский архиерей признал в Н. Вознесенском наилучшего ученика и направил в Арзамасское духовное училище. А

Н.И. Вознесенский

завершил образование он уже в 1884 году в Нижегородской духовной семинарии. Спустя примерно три года, уже после того, как свёл под венец дочь священника из Большого Макателема Павла Николаевича Крылова – Марию (кстати, сестра-двойняшка последней, Екатерина, была сосватана будущим о. Симеоном Комаровым, который был посвящен в сан и получил приход в селе Алямаево Арзамасского уезда).

После смерти тестя в 1896 году Николая Ивановича перевели на освободившееся место, и служил он там до начала 1910 года.

В январе того года он уже на Выксе. Знакомый читателю по ряду публикаций дневников и мемуаров о. Сергей (Лебедев) оставляет по этому поводу в своём дневнике такую запись: «...В монастырь определен священник села Большого Макателема Ник. Ив. Вознесенский... Полагаю, что он прогадал: искал лучшего, нашёл худшее, да и благочиния лишился».

Не знаю, как тогда, в 1910-м, а впоследствии сам Николай Иванович едва ли разделял такую точку зрения. По крайней мере, до начала великой смуты. По сведениям, которыми располагает его внук, Вознесенский был назначен протоиереем. Он, видимо, тогда пришелся ко двору, с игуменьей поладил и, в общем, не бедствовал. Хотя справедливости ради заметим: ни раньше, ни тогда, ни много позже о. Николай и супруга его «ку-

черяво» не жили. А как вы думаете, возможно ли оно, благополучие, в принципе при одиннадцати-то потомках?

Кто нынче не знает, как справиться с одним-двумя, пусть на минуту представит: одиннадцать! Пять сыновей и шесть дочерей. Николаевичи все поначалу направили было стопы по дороге, проторенной батюшкой. Павел, Михаил, Александр, Николай и Сергей обучались в Нижегородской духовной семинарии. Трое старших стали священниками. Николай Николаевич (1894–1978) от уготованного ему духовного поприща вскоре отбился. Подхватил его вихрь революции и Гражданской войны: воевал за красных, в мирное же время освоил профессию бухгалтера и другого дела себе уже не искал.

Самая яркая, по советскому эталону, судьба у Сергея Николаевича (1897–1975). И он в Гражданскую воевал. Да так, видимо, ярко и удачно, что пошёл по этой, значит, военной линии. Окончил академию, дослужился до чина генерал-майора (мы упоминали его в публикации «Нашенские генералы» в 2000 г., там же и фотография помещена). Последняя должность перед уходом в отставку – замначальника артиллерийского управления Министерства обороны. Уже в начале военной карьеры имел немалый вес и влияние. По семейному преданию, папашу его от притеснений со стороны новых местных властей спасло письмо из РККА. Мол, так и было написано: не трогать в виду заслуг сына, его вклада в разрушение мира насилья и защиту революции. Помогло! Помогло и то, что Николаю Ивановичу к моменту закрытия монастыря было уже под семьдесят. Чего упорствовать, так и так на покой пора...

Не стали на путь конфронтации с новым порядком – плетью обуха не перешибешь – Михаил и Александр Николаевичи. Они также переквалифицировались в бухгалтеров. Эта «цифирькина служба» прямо-таки довлела над Вознесенскими: и младшие дочери Надежда, Ольга, Вера средства к существованию ей добывали. Мария и Любовь были замужем за священниками.

Последняя работала библиотекарем. А Татьяна – учительницей. Кроме самой младшей, все учились в епархиальном училище губернского центра и, понятно, в грамоте были изрядны.

А вот первенец семьи, Павел Николаевич, «перестроиться», как сейчас говорят, то ли не пожелал, то ли не успел. Он был репрессирован в 1934-м, а 1935-м умер в местах лишения свободы.

Что характерно: живучие, в целом-то, Николаевичи и Николаевны. За исключением двоих (Павел Николаевич – не в счёт), жили по 70, а то и по 80, с приличным «гаком» лет. Даже под девяносто (Надежда Николаевна).

И глава семьи, не подкосил нелепый случай, наверняка, девятый десяток разменял бы. Подшивал кожаную вешалку на тулуп и иголкой под ногтем наколол. Пошел нарыв, а там и заражение крови...

А так, вспоминает В.А. Вознесенский, ещё довольно крепок был и помирать не собирался. «Викторсон, – говорил внуку (он имел обыкновение всем шуточные клички давать. – И.П.), – как придёт пора, так я тебе все “потаенные” грибные места покажу». Грибник был заядлейший и очень понимающий. Когда другие только руками разводили: «Пустой нынче лес!» – он обязательно корзину насшибает...

Знал толк бывший протоиерей в огородном деле. И большой сад за домом был всегда ухоженный. Виноградная лоза – и та вбирала в себя не слишком щедрое на тепло наше лето и дарила богатства витаминные детворе и взрослым. Что до менее экзотичных плодов – тех всегда вдосталь...

Внуки любили деда. Он не докучал нравоучениями, наставлениями и, ни боже мой, не наказывал. А зачем? Он располагал их к себе своим жизнелюбием, добротой и снисходительностью, осведомленностью в самых разных науках и мастеровитостью. Особенной страстью старого священника была астрономия, и самым большим сокровищем (не считая икон, которые вну-

ки-пионеры игнорировали) являлась подзорная труба. Понятно, что выросшие под его опекой с младых ногтей весьма неплохо знали и наименование планет, и основные созвездия.

Владелец относительно небольшой, но интересно подобранной библиотеки, Николай Иванович до крайних своих лет в свободную минуту частенько почитывал. Внук запомнил: почему-то дед очень внимательно читал сочинения Ницше. Ничего себе диапазон! От «Отче наш» до «Антихриста» и «Ессе Номо!» И уж, само собой, на полке теснились во множестве религиозные издания и русская классика...

Семья была исключительно дружной. В трех больших комнатах половины дома, некогда построенного в монастыре для семей священнослужителей, в 32-м году, например, обитало десять душ взрослых и детей. Порядок в семье держался на уважении к старшим, простоте и честности во взаимоотношениях.

Когда приезжали дети и внуки, что жили на стороне, обязательно устраивалось задушевное застолье. Николай Иванович, в прекрасном расположении будучи, склонен был и побалагурить, и винцо без внимания не оставлял (но в меру: стопочку-другую). И до самого последнего времени «смолил» душистый самосад.

Со своей судьбой, с новым порядком вещей Николай Иванович вполне смирился. Газеты регулярно посматривал и не

М.П. Вознесенская

без интереса следил за развитием событий в стране Советов. Но атеистом не стал. Пока не закрыли Христорождественскую церковь, ходил на службы, поддерживал добрые отношения с тогдашними священнослужителями Снегиревым и Смольяниновым. Старика навещали осевшие на Выксе монахини, по-прежнему полагаясь в разрешении различных житейских коллизий на мудрость бывшего священника.

А впрочем, оставив в прошлом чины и звания, главного своего, пастырского, призвания он уже избежать не мог. Ведь экс-пастырей не бывает. Это – пожизненное.

2001 г.

ПОМНИ

За здоровье ль, за упокой?

Публикация в «Провинциальной хронике» очередного списка репрессированных выксунцев стала событием в жизни К.Е. Пономарёвой. Спустя – подумайте только! – 65 лет после того, как её отца арестовали, она получила, наконец, документальное подтверждение давно уже внутренне осознанного, принятого и пережитого факта его казни по приговору комиссии НКВД и Прокуратуры СССР.

Никто из официальных представителей государства, утверждает Клавдия Ефимовна, так и не счёл нужным сообщить об этом жене и детям. Ну, понятно, в зловещие 30-е тогда такой «моды» не было, но даже и в 50-е, 60-е...

– Матушка перед смертью всё сокрушалась, – со слезами на глазах вспоминает сама теперь уже пожилая собеседница: – «Надо бы за батюшку вашего молитву заказать, а какую? Не знаю: за здоровье или уже за упокой?!» Человек искренне верующий, она очень этим тяготилась... И продолжала, видите, надеяться: а вдруг чудо, а вдруг уцелел...

Забрали Богомольникова, в ту пору рабочего виллопрокатного, в ночь на зимнего Николу, 19 декабря 1937 года. При аресте произвели в доме настоящий погром, всё вверх дном перевернули: долго искали оружие, но так и не нашли.

Но откуда оно у простого труженика? Оговорили?

– Нет, – говорит дочь, – у отца, мать как-то создалась, были револьвер именной, карабин и шашка... Он ведь Гражданскую прошёл с латышскими стрелками, может, там за боевые заслуги наградили. А может, после службы в милиции оставались на руках...

– Куда же они могли деться?

– Так матушка, поди, сама и избавилась. Заблаговременно припрятала, а потом, после, как папу взяли, могла, к примеру, в пруд бросить... Она на сей счёт не распространялась.

Клавдии Ефимовне тогда было всего-то три года. Несмышлёныш! А брату 9 лет, сестре – 12... Сашенька-то после этой ночи долго ещё заикался.

Отца она, естественно, почти не помнит. Но из рассказов матушки о нём осталось многое. Ефим Богомольников («А правильно-то Еремей! И фамилия может быть неисконная»), как мы уже говорили, прошёл и Первую мировую, и Гражданскую... Когда после войны вернулся на родину, в Ковенскую губернию, его там стали преследовать. Мол, нам тут «красные» без надобности. Вынужден был недавний служивый податься в Россию. Каким-то образом занесло на Выксу. Здесь его, боевого, пороховым дымом «прокопчённого», в красную милицию взяли, бороться с врагами советской власти. Как он на металлургический попал – неведомо. Может, сам ушёл, а может, «ушли» – что гадать?

Здесь, в российской глухой сторонке, встретил он свою суженую, Александру Дмитриевну Пушкину. Путь к её руке – видимо, по требованию родителей невестки – лежал только через венец. А жених, очевидно, был крещён в другой конфессии, так что сначала пришлось перекреститься по-православному.

В Литве у него оставалась сестра, они поддерживали переписку (корреспонденцию из буржуазной западной окраины бывшей Российской империи перепуганная Александра Дмитриевна сожгла в печи). В общем, стрелок стрелком, а какой-то налет чего-то «ненашенского» мужичку так и не простили...

В новом доме, возле малой церкви, который семья поставила в 1925-м, только-только по-настоящему обустроились, начинали разживаться. Бурёнкой обзавелись, потомков поднимали, мечтали, как бы их получше к нынешней жизни приспособить...

Несколько дней, пока Богомольникова и других арестованных держали в Выксе, супруга постоянно искала встречи с ним.

Официально? Что вы – никак не можно! А за гостинчик часовому – тоже ведь человек – удавалось выменять минуту-другую разговора через узенькую, только глаза и видны, амбразуру. Тоску и тревогу хозяйшки Еремей-Ефим развеять был не в силах. Только всё твердил: «Мать! Не плачь, береги детишек... Что ты в самом деле!? Ладно я, малограмотный тут, знаешь, какие видные да умные люди мятутся...»

А что это за утешение?! Когда одна неизвестность впереди и мука сердечная?.. И к кому на поклон ни зайдёшь, к начальственным, всё нос воротят в сторону... И если бы только начальство! Тут и люди простецкие как взбесились – стёкла били, ворота дёгтем мазали. В открытую даже: камнями вслед, проклятиями...

Поехала за сеном – стожок ещё с мужем ставили, – а его уже растащили. Перетопчутся, мол, враги народа! Пришлось продавать корову, козу бы окормить... Как жили, догадываетесь? Богомольникову на работу нигде ведь не брали (только уже лет в шестьдесят она смогла, наконец, пристроиться сторожем на пиломрам). Какие-то копейки (или «бартер») за сдачу передней то заготконторе, то каким заезжим квартирантам – учителю, дантисту.

– В какой-то момент мать впала в чёрную хандру, – рассказывает К. Е. Пономарёва. – Решила наложить на себя руки. Уложила вечером детей спать, перекрестила, привязала к стропилам верёвку... Жилец – учитель, чуткий оказался человек, догадался. Успел за ней на чердак. Буквально из петли вынул: «Александра Дмитриевна, не стоит детей сиротами оставлять... Нужно жить, бороться!» Оно и ей понятно было: надо! Но как! У маленькой вон ноги от голода отнимаются... И опять запряглась... По деревням, с саночками. Пешком всю округу обходила, вплоть до Унора, Ермиши, Кадома, чтобы остатки вещичек на муку, на зерно поменять. На ночь пироги из отрубей с картошкой, крапива, лебеда... В плохо протопленной избе, укутавшись шоблами, уснуть после изнуряющего дня – единственная позволительная слабость...

Она умерла 14 апреля 1961 года. В свои 62 года выглядела глубокой старухой!

Сестра Тося ещё во время войны устроилась в кроватный. Брат учился в ремесленном, потом работал в «чугунке». «Я помню, – говорит Клавдия Ефимовна, – он мальчишкой ходил в деревянных, как когда-то у голландцев были, башмаках». Клаве, окончившей восьмилетку, очень хотелось учиться на медсестру. Куда там! По анкетным данным «забраковали». Из-за отца...

В конце 40-х и в 50-х мать посылала письма-запросы. Не снизошли до ответа Александре Дмитриевне. Ни разу ни в чем, по крайней мере вслух, при детях, сгинувшего мужа не попрекнула. Ребята знали: живой ли, мёртвый ли, отец, как и сами они, – безвинный страдалец.

...Клавдия Ефимовна благодарит: «Спасибо вам, теперь уж мамину мечту исполню, закажем заупокойную...»

Столько лет прожито так, как будто ничего подобного со всеми нами не было. И всё-то ничего, распогодится!

2002 г.

Осиротели семьи и приходы

Их расстреляли в один день – 28 ноября 1937 года. Может быть, даже в один час, в одну минуту. Трёх священников: О. Петра Смольянинова, о. Анатолия Милютин и о. Максимилиана Земенского. Меньше недели спустя их участь разделил и о. Михаил Крылов... Осиротели семьи, осиротели приходы...

Нам пока удалось разыскать фотографию только одного. Это Максимилиан Антонович Земенский (1890 г.р.). На снимке он совсем ещё молодой, безбородый батюшка, вместе с супру-

гой своей и дочерью. Они из Санкт-Петербурга. Судя по всему, из образованных, но, возможно, не из духовного сословия.

Как их занесло в наши края, неизвестно. Можно предположить, что так же, как и многих других столичных жителей. Спасались от голода, холода, разбоя... В 1921 году Земенский был приговорён к 2 годам лишения свободы. Стал он священнослужителем до этого или уже позже – не знаем. Могли и просто как «классово чуждого» за решётку упрятать...

А вот ко второму аресту, 22 сентября 1937 г., он уже священник со стажем. Жил в Проволочной и служил, надо думать, исправно, так как Евгения Ивановна, вдова отца Максимилиана, утверждала, что покойный имел «от церкви награду»...

После мужа она потеряла и детей. Сын Арсений погиб на фронте в конце июля 1944-го. Дочь Евгения уже девушкой утонула на Верхнем пруду, в месте, где вода по пояс. Сердце отказало... В тридцать первом она ходатайствовала перед советскими органами о восстановлении её в гражданских правах, подчёркивая свою обособленность от родителя. По сути дела, отказываясь от него (нет ли между этими двумя событиями какой-то связи?).

Евгения Ивановна, так до самой своей смерти в 1960 году не узнавшая судьбу мужа, осталась верна своей интеллигентской природе. Незлобивая, чуткая к чужой беде (как будто своих неоставало), участливая... Мой давний знакомый В.В. Симонов, знавший её в детстве, такой её и запомнил. Говорит, что в доме Земенской бережно сохранялось множество книг и журналов, свидетелей лучшей поры её жизни...

Об А. Милютине (1894 г.р.) знаем только то, что есть в «Книге памяти жертв политических репрессий в Нижегородской области». Родом он из с. Лесуново Павловского района. 5 мая

1933 года «тройка» приговорила его к трём годам концлагеря. Последний арест – 21 сентября 1937 г.

Священника с. Ближне-Песочное М. А. Крылова (1866 г. р.) «воронок» забрал на следующий день (в один день с Земенским). У Михаила Антоновича к тому моменту позади было, как сейчас говорят, уже две «ходки». В 1925-м Выксунский нарсуд «наградил» его 3 годами, а в 1932-м – краевой – таким же сроком.

Дважды попадал в руки советского «правосудия» Пётр Михайлович Синадский, 1875 г.р., уроженец с. Никулино Лимиковского р-на Московской обл. Первый раз – в 1933 г. как священник с. Благодатовка Вознесенского р-на. Тогда обошлось относительно благополучно: 1,5 месяца под арестом и от «тройки» три года условно. А 7 августа 1937-го полдеревского священника уже забрали из дома навсегда: 2 декабря по приговору «тройки» Синадский был расстрелян.

Священник с. Семилово Пётр Иванович Орлов (1881 г.р.), уроженец с. Покровское Новосильского р-на Тульской губернии, был арестован 20.10.37 г. «Тройка» была «милостива» к нему, и отец Петр получил 10 лет ИТЛ (исправительно-трудовых лагерей)...

Пока списки репрессированных опубликованы не полностью. Можно предполагать, что будущее откроет нам имена и других местных представителей духовенства, пострадавших за веру. Помнятся давние разговоры: тогда чекисты почти в одночасье забрали чуть ли не всех священнослужителей и кое-кого из членов церковных советов. Мол, чудом спаслись те, кто тогда был в отъезде...

А ведь не 100 лет прошло. Надеемся, что где-то хранятся фотографии этих и других мучеников, кто-то помнит какие-то рассказы о них. Поделитесь. Очень важно донести до потомков жестокую правду, от которой нас с вами отгораживали десятилетиями.

Продолжим скорбный список:

Афонин Алексей Фёдорович, 1903 г.р., уроженец и житель г. Выксы, ст. инспектор Выксунского отделения Госбанка. В 1941 г. приговорён областным судом к 7 годам лишения свободы, 5 лет поражения в правах. Умер в заключении 04.03.43 г.

Балашова Мария Михайловна, 1901 г.р., уроженка г. Москвы, жительница г. Выксы, член коллегии защитников г. Выксы. В 1936 г. находилась под арестом 1 мес.

Бостль Иоагган Францевич, 1899 г.р., уроженец г. Вены, Австрия, житель с. Досчатое Выксунского района, ст. мастер инструментального цеха завода медсаноборудования № 2. Арестован 29.03.38 г. Находился под арестом 1 год 11 мес.

Бурьянов Георгий Алексеевич, 1896 г.р., уроженец г. Ростова-на-Дону, житель г. Выксы, часовой мастер артели «8 Марта». В 1951 г. приговорен областным судом к 10 г. ИТЛ, 3 г. поражения в правах. Приговор отменён в сентябре 1954 г.

Ваха Эдуард Васильевич, 1887 г.р., уроженец д. Мездрич, Чехословакия, житель д. Новая Выксунского района, печник-каменщик сельсовета. Арестован 16.03.38 г. Находился под арестом 5 мес.

Епифанов Павел Васильевич, 1903 г.р., уроженец с. Чупалейка Выксунского района, житель г. Выксы, помощник начальника городской пожарной службы. В 1935 г. приговорён краевым судом к 2 годам лишения свободы.

Петров Григорий Прокофьевич, 1907 г.р., уроженец д. Тамболес Выксунского района, курсант Саратовской бронетанковой школы. В 1933 г. приговорён Особым совещанием к 3 г. концлагеря.

Сафонов Сергей Андреевич, 1898 г.р., уроженец и житель д. Грязная Выксунского района, управделами Выксунского уисполкома. В 1929 г. приговорён Особым совещанием к 6 месяцам лишения свободы.

Метеор

Николай Андреевич Виноградов родился 20 ноября 1831 года в селе Выкса Ардатовского уезда Нижегородской губернии в семье священника. С раннего детства будущий ученый водил дружбу с детьми Шепелева. Учитель детей заводчика М.О. Ранцевич оценил способности мальчика и дал ему в дополнение к домашнему неплохое образование. Николенька Виноградов ещё в юные годы овладел несколькими иностранными языками. Отец хотел, чтобы сын последовал по его стопам, и в 1845-м отдал его в Нижегородскую духовную семинарию. Отпрыску в ней не глянулось.

В письмах домой он всё время жаловался на «мертвящую обстановку» и просил забрать домой. Однако, будучи юношей любопытным, Н. Виноградов и в бурсе много читал, занимался самообразованием, редактировал рукописный журнал «Метеор».

Семинарию он так и не окончил. В 1850-м подал прошение об увольнении и вернулся в Выксу. Стал упорно готовиться к поступлению в Московский университет. Дело-то было непростым: правительство воздвигло для разночинцев, стремящихся к высшему образованию, немало препон. Но наш даровитый и трудолюбивый земляк их одолел и, успешно выдержав осенью 1851 г. вступительные экзамены, стал студентом. «Казеннокоштным». То есть принадлежал к числу самых бедных, перебивающихся на жалкую стипендию и редкие доходы от частных уроков.

Закончил университет по ускоренному (в связи с Крымской войной) выпуску в апреле 1855 года. Начиная карьеру врачом 1-го саперного батальона в Польше. Работая в Варшавском госпитале, он собрал, обобщил материалы наблюдений за лечением перемежающейся лихорадки холодной водой и представил в качестве докторской диссертации. В декабре 1858-го успешно

Мишанин Степан Сергеевич, 1866 г.р., уроженец с. Долго-руково Инсарского уезда Пензенской губернии, житель г. Выксы, врач хирургического корпуса городской больницы. В 1937 г. приговорён «тройкой» к 8 годам ИТЛ. В мае 1942 г. умер в заключении.

Ткачёв Нил Анисимович, 1904 г.р., уроженец д. Старинки Ростовского р-на Западной области, житель г. Выксы, десятник материального склада ВМЗ. В 1926 г. арестован в Севастополе. Находился под арестом 1 г. 1 мес. В 1930 г. приговорён к 3 г. ИТЛ. Вновь арестован 22.09.37 г. Приговорён «тройкой» к 10 г. ИТЛ. В 1949 г. – житель г. Выксы, рабочий лесозавода. Приговорён Особым совещанием к ссылке в Акмолинскую обл. Казахской ССР.

Шварцкопф Август Августович, 1881 г.р., уроженец г. Орша Витебской обл., БССР, житель г. Выксы, мастер экспериментальной мастерской ВМЗ. Арестован 19.12.37 г. Умер 15.02.38 г. в больнице Горьковской тюрьмы.

Post scriptum. Вы, конечно, обратили внимание на несколько экзотические фамилии в ныне публикуемом и прежних списках псевдоантисоветчиков. Мы уже как-то позволили себе порассуждать по этому поводу... И опять: Ваха, Бостль, Шварцкопф... Каким ветром их заносило в наши края? Вообще, по слухам, среди инородцев попадались бывшие военнопленные Первой мировой. Что-то «помогало» чехам, немцам и прочим разным «застрывать» в России. Что-то их здесь блазило. Материализующийся призрак коммунизма? Но уж больно рьяно их потом чекисты «отбраковывали». Ведь в провинции если не каждый второй, так каждый третий, всяко – хотя бы дальняя, но родня. Свои отвернутся – тут и «отец народов» не поможет. Случись самому споткнуться, ещё и подтолкнут... А тут план по бдительности выполнил и своих огородил.

2002 г.

защитился. А примерно год спустя появилась и его первая печатная научная работа.

Вскоре распоряжением Военно-медицинского департамента Виноградов был прикомандирован к столичной Медико-хирургической академии. Пребывание в ней сыграло в его дальнейшей судьбе важную роль. Здесь он окончательно сформировался как клиницист нового типа. Определились основные черты его научного творчества: экспериментально-физическая направленность исследований, разработка вопросов нервизма, стремление применять в диагностике и лечении новые методы и средства.

В Боткинской клинике Н.А. Виноградов выполнил 5 научных работ, в одной из которых ему оказывал методическую помощь великий И.М. Сеченов. Сам С.Н. Боткин отметил его заслуги и заметил: «Виноградов... стал твёрдо в своей работе на единственно верный путь к истине». Он же ходатайствовал о направлении Николая Андреевича за границу на казенный счет с ученой целью. Ещё до отъезда Боткин и Виноградов избраны были в действительные члены Общества русских врачей. Боткин и во все последующие годы интересовался делами и успехами талантливого ученика, искренне уважал его.

Европа! Виноградов слушал лекции выдающихся медиков в Берлине, Вене, Париже. В столице Германии, в патологическом институте, возглавляемом Р. Вирховым, он занялся исследованием некоторых вопросов патогенеза сахарного диабета. В результате – новая научная работа, опубликованная и в Германии, и в России. 10 февраля 1863 года Николая Андреевича избрали экстраординарным профессором кафедры частной патологии и терапии Казанского университета. Очень лестно отозвался о его работах здешний ректор великий русский химик А.М. Бутлеров.

И вот уже в сентябре 1863 года Н.А. Виноградов перебрался в Казань, где возглавил вышеназванную кафедру. Вся его дальнейшая четвертьвековая научная и врачебная деятельность связана с этим городом. Он считается основателем знаменитой ка-

занской школы терапевтов, внесшей большой вклад в достижения клиники внутренних болезней. Не одну сотню студентов научила «виноградовская терапевтическая школа» научному врачебному мышлению. Многочисленные её питомцы внесли достойную лепту в достижения отечественной клинической медицины.

Н.А. Виноградов был блестящим лектором и педагогом. С первых же месяцев пребывания в Казанском университете он развил кипучую научную и общественную деятельность, внес на рассмотрение совета множество предложений, проектов улучшения подготовки научных кадров, приложил множество усилий для преобразования терапевтической клиники (Николай Андреевич некоторое время возглавлял её) в соответствии с лучшими европейскими и отечественными образцами, создал первую в университете клиническую лабораторию.

Именно здесь особенно ярко проявил Н.А. Виноградов талант искуснейшего врача-диагноста. В его основе лежала присущая профессору исключительная наблюдательность: даже самый ничтожный симптом заболевания не ускользал от его внимания. И, конечно же, необыкновенная эрудиция. Первым в отечественной медицинской литературе он описал, например, клинику тромбоза лёгочной артерии. При жизни больного поставил диагноз – тромб венечной артерии сердца. Исключи-

Николай Андреевич Виноградов

тельно точно определял локализацию поражения центральной нервной системы.

Достигнув вершин клинической диагностики, Н.А. Виноградов охотно делился знаниями с коллегами и сам постоянно учился.

Несмотря на большую занятость, многие часы проводил в клинике. В обращении с пациентами проявлял завидное самообладание и хладнокровие, всегда находил для них слова утешения. Но близкие друзья знали: этот внешне суровый человек скорбел от неудач и даже плакал, когда убеждался, что возможности медицины ограничены. Один из его казанских коллег, Н.И. Котовщиков, говорил: «Посмотрите на врачей... Я не знаю ни одного случая, чтобы во время болезни их или их семейств не было бы у постели Николая Андреевича... Страдалец верит, что если нужно даже чудо, то оно возможно в присутствии Виноградова».

Он был порядочен и смел не только в науке, но и в самой жизни. Знаменитое дело П.Ф. Лесгафта, нашумевшее в начале 70-х гг. XIX столетия. Позиция, занятая Николаем Андреевичем в отношении опального профессора, – безусловное подтверждение его личного гражданского мужества.

Испытавший в юношеские годы все «прелести» обучения за казенный счет, Н.А. Виноградов по мере сил стремился улучшить материальное положение беднейшей части студентов. При его активном участии в 1865 г. была увеличена стипендия, а 6 лет спустя основано «Общество для вспомоществования бедным студентам...». По его ходатайству в 1881 г. совет университета разрешил использовать актовый зал для музыкальных концертов, доходы от которых поступали в кассу общества. И сам Николай Андреевич принимал в них участие как искусный скрипач-любитель...

Он завещал студенчеству всё своё состояние. 10 тысяч рублей на выдачу пособий командируемым за границу; 4 тысячи – на премии за лучшие сочинения; на стипендии студентам – 45 800 рублей. Кроме того, Виноградов оставил университету свой дом, где после его смерти была открыта студенческая столовая.

В 1881 году исполнилось четверть века врачебной деятельности учёного. Согласно существовавшим тогда правилам, он должен был уйти в отставку. Однако совет университета имел право наиболее нужных оставлять на службе на следующее пятилетие. И почти небывалая «баллотировка»: Виноградов был единодушно избран «на продолжение учёной деятельности». Двумя неделями позже торжественно отмечалось её 25-летие. Юбилей прошёл как большой и радостный праздник русской медицинской науки. А спустя два года, в ноябре 1883 года, по рекомендации знаменитого психиатра В.М. Бехтерева и основоположника патфизиологии В.В. Пашутина профессор Н.А. Виноградов был избран членом Общества русских врачей.

Умер Николай Андреевич 14 января 1886 года от воспаления лёгких. По свидетельству очевидца, «вся Казань хоронила и оплакивала невозместимую потерю». В последний путь своего кумира провожала многотысячная толпа. Гроб с покойным до самого кладбища на руках несли студенты-медики...

Его жизненный путь был относительно недолог, но исключительно ярок. Метеор!..

К сожалению, мы не можем подробней рассказать об этом замечательном человеке, истинном русском интеллигенте: гуманном, блестяще образованном, порядочном и бескорыстном. Нет возможности осветить все важнейшие составляющие его вклада в развитие медицинской науки (это было бы доступно пониманию только его нынешних коллег). И очень благодарны сотрудникам музея ОАО «ВМЗ», прежде всего Г.К. Никулиной, предоставившей нам работу В.Е. Анисимова, В.Ю. Альбицкого «Профессор Николай Андреевич Виноградов», изданную в Казани в 1972 г. Это позволило нам, хотя и очень сжато, представить выдающегося земляка. А заодно и восполнить один из множественных пробелов в наших собственных познаниях.

2001 г.

Дело всей жизни

С полгода тому назад прослышал, будто написана книга об истории развития производства пористого проката на Выксунском металлургическом. Автор (как позже выяснилось, соавтор) Лев Сергеевич Шмелёв – один из последних уже в своём поколении по сей день верой и правдой служит делу, которое сам некогда и начинал. Не один, понятно, с небольшой группой инженерно-технических работников. В 1964 г. он, ещё очень молодой специалист, возглавлял прокатно-исследовательскую группу в центральной заводской лаборатории, когда руководством предприятия было принято решение наладить производство, о котором лишь очень немногие, как сейчас принято говорить, «продвинутые» металлурги-практики имели смутное представление: «...Мало ли чего такого-этакого учёные коллеги в своих институтах придумывают, изобретают».

Между тем это самое «такое-этакое» было уже остро необходимо ряду быстро развивающихся отраслей народного хозяйства. Спецы соответствующей кафедры Горьковского политехнического института (ГПИ) одними из первых вступили на новую стезю, и надежды на перспективность разработок нисколько их не обманули. Они первыми в стране получили пористый прокат с заданными авиастроителями свойствами. Испытания фильтров тонкой очистки из нового материала подтвердили возможность увеличения с их помощью ресурса двигателей, а следовательно, и надёжности, безопасности отечественных воздушных машин.

Но сколько они могли сделать в своих лабораториях?.. Верно, немного. Под давлением обстоятельств учёные вынуждены были приискивать предприятие, готовое взяться за внедрение новой, перспективной, по их убеждению, технологии («новой» – для СССР). Политеховцы предлагали разделить их усердие по производству фильтрующего материала и нижегородским, и

кулебакским, и выксунским металлургам. Преобладающая ответная реакция – скепсис. Ну, тоже, в общем, понятный: этим ребятам привычно было мерить объёмы в сотнях тысяч тонн.

– В том, что производство пористого проката появилось не где-нибудь, а именно на ВМЗ, – рассказывает Лев Сергеевич, – большая заслуга нашего земляка, в прошлом начальника производственного отдела ВМЗ, Дмитрия Александровича Капустина, к тому времени занимавшего должность главного инженера металлургического управления Волго-Вятского совнархоза. Он внял настойчивым рекомендациям заведующего кафедрой ГПИ Григория Фёдоровича Тихонова и поддержал их. Ну и раскрутилось колесо: согласования, обоснования...

К тому времени главным инженером завода уже был Борис Фёдорович Антипов. Знаешь ведь, это в его природе: новое, передовое – «на щит»! Очень ведь было тогда непросто средства на такие новации отыскать, но он сумел найти решение: кое в каких других потребностях немного ремешки потуже затянули и, смотришь, выкроили. Два первых маленьких стана (кстати: поныне в деле!) изготовили, как говорится, на энтузиазме самих заводчан. Чертежи выполнил конструктор проектного отдела В. П. Козяков, схему электрической части – опытный инженер-электрик Э.Ф. Савин. В старом здании ЦЗЛ под опытно-промышленный участок выделили часть площадей, собирали своими руками... Я скажу, кто:

Лев Сергеевич Шмелёв

Л.Г. Галкин, В.А. Морозов, Н.А. Балихин. Потом ещё с полгода над своим детищем колдовали: ну, никак лента не получалась!

Дальше дело пошло бодрее. В 1966-м утвердили проект нового цеха, в 1968-м начали строительство, а в 1970-м – он уже был введён в строй...

Даже и не буду пытаться сколько-нибудь обстоятельно изложить всё рассказанное Л.С. Шмелёвым. Он во всем этом – без малого сорок лет. Буквально: дело всей жизни! Прослушивая диктофонную запись нашей беседы, ловлю себя на мысли: «Воистину – слияние, диффузия... Он сам-то с ЦПП, как те порошки, крепко-накрепко “спрессован”! Именно тот случай, к которому формула: завод – наше всё!»

Первая партия продукции – где-то 200–400 кв. м – была выпущена в 1966-м. В лучшие свои годы цех производил 15–20 тысяч, кв. м! С его «подачи» у предприятия появились такие заказчики, что будь это в наши «пиаристые» времена, так мастера рекламного дела звонили бы о них во все колокола, «накачивая» авторитет бренда. Речь о предприятиях военно-промышленного комплекса, крупнейших авиастроительных заводах, академических, научно-исследовательских, отраслевых институтах и т. д. и т. п. Заявки на освоение всё новых и новых изделий, иногда – с весьма интригующими обывателя названиями (типа: «алмазосодержащие пластины»), поступали на ВМЗ с завидной частотой.

В заводе (значит, и в городе) за этим подразделением укрепилась репутация аристократического. Говорили, что устроиться сюда без великого блага было почти невозможно (так оно в принципе и было). Образовательный уровень работников цеха много превосходил средний по заводу. Сюда же: несравненно лучшие, чем в старых корпусах, условия труда. Ну, и чисто моральный фактор: сопричастность к тому, что олицетворяло технический прогресс на Выксунском металлургическом. Постепенно этот раздражающий завистников нимб несколько потускнел и развеялся под порывами мощного ветра перемен. Началась коренная реконструкция старого завода, появились

отлично оснащённые цехи-гиганты, которые, в конце концов, и определили дальнейшую его судьбу.

Однако из песни слов не выкинешь: именно цех пористого проката стал на ВМЗ провозвестником эпохи НТР. Более того, как утверждает Лев Сергеевич, он внёс очень весомый вклад в знаменательное достижение – выход предприятия в число рентабельных. Но и потом, когда уже всю гремели фанфары в честь колёсопрокатного и трубоэлектросварочных цехов, «порошки» в нахлебниках не числились. Коллектив продолжал работать очень эффективно. Неуклонно расширялось число освоенных видов продукции, совершенствовалась технология.

В годы своего расцвета цех имел крупные, а главное, стабильные заказы и весьма обширную номенклатуру. Оговоримся: слово «крупные» в этом цехе соизмеряется с совершенно другими масштабами. Пятьсот квадратных метров – уже значительный заказ, а если партнёру нужно в полтора раза больше, то у коллектива «порошков», считайте, прорва работы!

При известных исторических обстоятельствах те базовые сферы народного хозяйства, на заказах которых жил цех, вступили в полосу затяжного кризиса. Об интенсивной загрузке оставалось только мечтать. Номенклатура, верно, продолжала увеличиваться, но объёмы заказов!.. Иные теперь таковы, что их можно было бы отправить по назначению... по почте. Ну, сами посудите: вес некоторых составляет 5 или даже 3 кг! Но ЦПП жив. И не кое-как. Коллектив численностью примерно в сотню человек сам себя кормит и приносит пусть скромные, но дивиденды предприятию. Вот такой, получается, «непотопляемый кораблик» выстроили выксунские металлурги почти сорок лет назад.

Л.С. Шмелёв как государственный и патриот до мозга костей верит в то, что непременно должны настать времена возрождения тех передовых отраслей промышленности и прикладной науки, в которых в первую очередь и может быть востребована продукция цеха.

– Судя по тому, что мне довелось увидеть на международных выставках, – говорит он, – дальнейшее широкое распространение изделий из пористого проката неизбежно. Целый ряд композитных материалов, без которых непредставима самая современная техника, можно получить только с помощью освоенной нами технологии. А опыт в Выксе накоплен огромный, производственная база и работоспособный коллектив, включающий и ветеранов, и их хорошо обученную смену, сохранены. Кто сегодня может без раскочки наладить массовый выпуск контактных пластин для МПС? Только мы. А никель-кадмиевых пластин для аккумуляторов? Тоже! А сопла для плазмотронов?.. И так, поверьте, по многим десяткам позиций...

(Убедительнейшее подтверждение тому, что сказанное Шмелёвым – не банальная бравада, а его оптимизм – не пустая мечтательность, пришло тогда, когда этот материал готовился в печать. Недавно предприятие получило от своих исконных партнёров – создателей современных летательных аппаратов – новый заказ. Такого объёма, какого уже минимум десятков лет не было.)

...Пора, однако, вернуться к книге, послужившей поводом для нашей встречи. За десятилетия, в которые распаивание этой благодатной нивы происходит при непосредственном участии выксунцев, Лев Сергеевич собрал более 400 рассказывающих об этом публикаций в различных сборниках научно-технической информации, отраслевых журналах и т. п. изданиях.

– Года три назад приехал из Нижнего Новгорода наш давнишний товарищ, ученый из политеха, – вспоминает Л.С. Шмелёв, – и поинтересовался: сохранил ли? Говорит: помоги подобрать те, над которыми вместе потрудились. Честно говоря, мне нелегко было признаться, что привести в порядок этот свой «капитал» я до сих пор не удосужился! Но пообещал.

Время на систематизацию ушло изрядно. А примерно год назад пришли в цех Б.Ф. Антипов и один из специалистов ОМК С.Г. Чекалов. Улучив момент, я обратился к последнему: «Цех единственный в своём роде не только на территории бывшего

СССР, но и в Европе. В солидной специальной литературе его достижения почти никак не отражены. Всё по периодике статьи рассыпаны да по малодоступным сборникам. Надо бы издать что-то добротное. А иначе по чему молодёжь учить?..» В ответ – обнадеживающее: «Подготовьте письмо...»

А тут как раз начиналась подготовка к празднованию 245-летия завода. И закрутилось дело. Собранную мною «болванку» отослал коллеге из университета: «Срочно редактируй!» Оставил, бедного, без отпуска, – признаётся Лев Сергеевич с улыбкой.

Однако В.К. Сорокин и не думал роптать. Издаться учёному человеку всегда было непросто, а в последние годы так и вообще громадная удача. В кратчайшие сроки была сформирована, отредактирована и издана Metallurgizdatом на средства ЗАО «ОМК», ОАО «ВМЗ» книга «Производство пористого проката». В ней обобщены данные по прокатке и спеканию металлических порошков, по используемому в этом производстве оборудованию, рассмотрены основные виды пористого проката, их свойства, указаны сферы применения.

В конце марта 2003-го Л.С. Шмелёв, уезжая на выставку в Минск, взял с собой несколько экземпляров книги. В частности, одну вручил знакомому из украинского Института проблем металловедения. «На следующий день ко мне подошёл его сосед по гостиничному номеру, профессор. Представился со всеми титулами, рангами и попросил уважить нашей книгой и его. Говорит: «Я преподаю, мне она вот как нужна!» – с довольной улыбкой поведал Лев Сергеевич. Он и не пытается скрывать, что причастностью к этому труду, как и к развитию порошковой металлургии в целом, гордится. Ну, так что же? Имеет право!

– А книгу, что ты ожидал увидеть, мы тоже постараемся написать. – заявляет он в самом конце разговора. – Именно историю коллектива цеха. Материала – море! Начиная от копии министерского приказа и вплоть до наших дней. В общем, вся хронология, все тревобления и победы...

Последних с лихвой выпало на долю Б.Ф. Антипова, сыгравшего в реализации данного проекта роль локомотива. Он до сих пор в подробностях помнит тернистый путь от «чистой» идеи до её очень убедительного практического воплощения, пролежавший через массу кабинетов, хозяева которых не столько решали вопросы, сколько выставляли всё новые и новые условия их решения.

Вот какие интересные подробности вспоминает по этому поводу Б.Ф. Антипов: «Стан, который заводские специалисты, по существу, сами сконструировали, изготовили и отладили (кстати, от выдачи задания на эту работу до получения первой полосы прошло ровно девять месяцев), вполне мог бы претендовать на авторское свидетельство. Но тогда мы еще не умели правильно отстаивать свои права. Буквально через несколько дней, после того как наконец выпустили первую продукцию, позвонил главный конструктор авиационных двигателей и спросил: сможет ли завод поставить его фирме определённое количество полосы для изготовления фильтров? Понимаете, говорю, завод нерентабельный... Он: «Понимаю. Определитесь с суммой, которая вас устроит, сообщите мне». Спустя день или два мы отправили депешу: «Можем поставить по цене 240 рублей за метр квадратный» (представьте, это отпускная цена примерно 1,5–2 тонн самых лучших заводских труб!). Тут же получаем ответ: «Согласны». Таким образом, подтверждение высокой рентабельности дела, которое иные представители заводского руководства считали «ерундовым», пришло практически сразу же! Мы тогда с участка чуть ли не на миллион рублей продукции получили...

2003 г.

Жил-был режиссёр...

Время от времени жизнь балует встречами с людьми совершенно незаурядными. Подарки же эти, как правило, остаются безответными. Спыхватываешься лишь многими годами или десятилетиями позже. Да что теперь поделаешь?

Будучи ещё учащимся техникума (38 лет тому назад), получил от преподавателя обществоведения Е.А. Егорова тему контрольной работы: «Культурная революция». Не без обычного удовольствия порывшись на библиотечных полках, отыскал пару-тройку изданий, где раскрывалось существо явления и начал набрасывать текст. Казалось, главное понятно: народ просвещали и образовывали, новую социалистическую идеологию и культуру внедряли, быт налаживали. Удручало, однако, что некоторые тогдашние горячие головы в революционном перевозбуждении посчитали, что богатство культурное, до них накопленное, – балласт тлетворный, гиря на ногах, ко дну тянущая.

Как-то встретился с жившим по соседству Владимиром Алексеевичем Орловым, режиссером народного театра при Дворце культуры им. Лепсе, и поделился своими на этот счёт мыслями. Надо было видеть, как оживился этот не по годам молодцеватый и замечательно бодрый человек, каким озорным огнём сверкнули его глаза! Вот, говорит, перед тобой и есть самый всамделишный пролеткультовец. И пошёл сыпать именами. Да такими, что даже для меня, юнца, звучали как культовые: Эйзенштейн, Маяковский и прочие-прочие в этом роде, разве что чуть поменьше «калибром». Было очевидно, что называл только тех, с кем был знаком лично!

Так случилось, что некоторые подробности жизни этого человека я удосужился выяснить лишь совсем недавно благодаря документам, предоставленным его дочерью, Валентиной Владимировной. Родился В.А. Орлов в 1900 г. в Ярославской губернии, в небольшом уездном городе Пошехонье. Судя по сохранившимся бумагам, происходил он из семьи мелких служащих.

То бишь принадлежал к социальной категории незаласканной властями ни российской монархией, ни её ниспровергателями. Равнодушие к твоей персоне со стороны Её Величества Судьбы для человека, от природы щедро одарённого, что ни говори, обидно. Естественно, что молодой человек с энтузиазмом принял произошедшие в стране к его совершеннолетию перемены.

К тому времени он, кажется, уже окончил механико-техническое училище в Рыбинске. Потом на два года «влился в ряды пролетариата»: работал слесарем в вагоноремонтном депо, токарем в мастерской по ремонту телеграфных аппаратов. А дальше такой неожиданный поворот: с мая по август 1920-го Володя Орлов – актёр-режиссёр фронтовой труппы политуправления РККА на Западном фронте. Как получилось? Надо думать, ещё на прежнем своём месте совмещал работу с какими-то сценическими опытами...

Наше предположение, что юноша был изрядно талантлив, подтверждает и следующий этап: он оказывается в Москве и на целых три года становится студентом режиссёрских мастерских под руководством самого С.М. Эйзенштейна. Затем Ленинград, где он сначала организатор-режиссёр 1-го рабочего театра Пролеткульта, после – театра областного Профсовета, ещё позже – руководитель-педагог режиссёрского класса государственного техникума сценически искусств...

С этой стези он уже никогда не сходил. Но театров поменял – мало не покажется! В качестве режиссёра и (или) художественного руководителя его знавали служители Мельпомены из Рыбинска, Ярославля, Ставрополя, Грозного, Рязани, Челябинска-40... Плюс пару лет в драмтеатре при Северной группе Советской армии (в Польше). А ещё какое-то время – общественный руководитель-режиссёр народного театра в Касимове.

Не спрашивайте о причинах столь многочисленных переездов. Театральная среда, она довольно ядовитая и опасная даже для тех, кто, кажется, только в ней обитать и может. Зарплата ничтожная и у «гигантов», амбиции гигантские и у ничтожеств.

Владимир Алексеевич Орлов – справа

В Выксу заслуженный деятель искусств РСФСР В.А. Орлов приехал в 1964 г. Он возглавил самодеятельный театральный коллектив, который к тому времени уже носил ко многому обязывающее звание «народный». Здесь им были осуществлены постановки пьес «В день свадьбы» В. Розова, «Не было ни гроша, да вдруг алтын» А. Островского и «Славы» В. Гусева.

Верно, не слишком много для такого периода. И то правда, что со «старой гвардией» Выксунского народного у Владимира Алексеевича отношения не сложились. Они пеняли на высокомерное будто бы к ним отношение, на частые командировки по направлению Всесоюзного театрального общества, из-за которых будто бы чрезмерно растягивался процесс подготовки очередной постановки. Сравнивали его с режиссёрами, при которых получили признание, О.Г. Демишевым, В.В. Варнаковым, и все-то эти сопоставления оказывались якобы не в пользу Орлова...

Прочитав рукописные воспоминания одного из тогдашних «мэтров», М.М. Заонегина, я почувствовал, с одной стороны, какой

остроты достигали эти конфликты, а с другой – насколько нелепы и мелочны были некоторые претензии к Владимиру Алексеевичу...

В конце концов его вынудили уйти из ДК. Как показало время, всех проблем здешнего народного театра это не решило...

В последний раз он стал отцом в уже очень-очень почтенном возрасте. Не скрывал своей гордости по этому поводу и, как обычно и бывает в таких случаях, бесконечно любил очаровательную Валюшу. Старался как мог поддержать достаток семьи скромными гонорарам за лекции, которые читал по линии общества «Знание». Несколько экстравагантные для тогдашней Выксы манеры и очевидная – даже недоброжелателям – эрудиция помогли надолго запечатлеть в памяти его образ.

Умер Владимир Алексеевич в 1974 году. Похоронили широко известного в театральных кругах огромной страны человека на выксунской земле.

2003 г.

Так ли наивна «бабушка Н»?

Сегодняшнюю нашу гостью уже по помещённым на этой полосе фотографиям наверняка узнали множество читателей. Кто-то из старшего поколения, некогда окончивший Выксунский металлургический техникум, увидел на них знакомую преподавательницу. Из среднего, заставшего, в частности, расцвет приснопамятного общества «Знание» (неоправданной жертвы «перестройки»), – лектора, не раз выступавшего в их трудовых коллективах. Или экскурсовода, некогда увлечённо рассказывавшего им об истории края, его достопримечательностях. И даже большинство тех, кто с этой женщиной, хотя бы в одной из перечисленных ипостасей, не встречался лично, видел ее подпись под многочисленными краеведческими публикациями в обеих выксунских газетах, по выступлениям на местном радио и телевидении.

Так вот, если вы всё-таки знакомы с Н.А. Князевой, то не премините случаем хотя бы мысленно поздравить с юбилеем. Шутка ли, 80 лет! И в этом почтеннейшем, по меркам нашего времени – «аксакальском», возрасте она по мере сил продолжает участвовать в общественно полезном деле изучения истории города и района, пестует молодых (увы, относительно молодых и весьма немногочисленных!) приемников, работает над новыми публикациями...

Удивительное дело, большинство краеведов послевоенного призыва – не коренные жители Выксы. Г.М. Сорокин, А.А. Козерадский, Г.К. Никулина и ряд других, как-то отметившихся на этой ниве в самые последние годы, – люди, как бы сказали в старину, пришлые. И Надежда Алексеевна, тоже не из местных. Родом она из-под Рыбинска. В 18 лет поступила в Ярославский педагогический институт, на физико-математический факуль-

тет. Спустя год, весной 1943-го, появились представители Московского института стали и сплавов, эвакуированного к тому времени в Сибирь. Среди десяти отобранных ими студентов оказалась и Надежда Князева. Уровень знаний и усердие в учёбе позволили успешно добраться до финиша и получить диплом из самого престижного в борющейся с разрухой стране вуза.

По распределению попала на металлургический завод в Енакиево. Работала в бессемеровском цехе. Года хватило девушке, чтобы понять: ну, не производственный она по природе человек. Что ж удивительного: и по сей день женщин в этой отрасли не густо... Написала в Управление учебных заведений Министерства чёрной металлургии, попросила перевести её на преподавательскую работу. Из предложенных на выбор четырёх техникумов остановилась на том, что ближе остальных к столице. Так и оказалась в Выксе.

Последующие три десятилетия её жизни неразрывно связаны с ВМТ. Поначалу читала предметы металлургического цикла, спецкурсы, организацию производства и успела «благословить» четыре собственных выпуска техников-мартеновцев. Затем учреждение перестало готовить по этой специальности (1952 г.), и ей пришлось переквалифицироваться. Преподавала различные другие предметы, вплоть до черчения. Но окончательно определиться удалось лишь тогда, когда открылась вакансия преподавателя химии. Верно, при этом необходимо было приложить немалые усилия, чтобы углубить свои знания в области аналитической и физической химии. Однако справилась...

Будущего избранника встретила здесь же. Сергей Лизунов только что демобилизовался после восьми лет службы на флоте, и одно уже это обстоятельство внушало молодой и – что особенно важно для понимания личности и судьбы нашей героини – исключительно патриотичной преподавательнице уважение симпатичному экс-служивому. К тому же приветливому, обходительному «вечернику».

– В общем, Сергей Васильевич сумел мне понравиться, – с улыбкой вспоминает Надежда Алексеевна. Они прожили вместе более полувека, воспитали троих детей. «Стартовав» позже большинства сверстников, бывший матрос быстро, а главное, основательно освоил профессию и со временем вырос в руководителя районной электросвязи.

Как пришла в краеведение? Надежда Алексеевна рассказывает.

– Наверное, под влиянием Александра Александровича Козерадского. Он сам был человеком исключительно активным, любознательным и нас, коллег, всегда старался подключить к сфере своих интересов...

Очень сильным побудительным фактором стало знакомство с только что вышедшей в свет книгой «Славная история», подготовленной Г.М. Сорокиным. Обостряли интерес к предмету (честно говоря, тогда малознакомому) и появившиеся вскоре на страницах «Выксунского рабочего» статьи Л. В. Шестерова. Интеллигентная публика сразу же оценила присущие автору достоинства: эрудицию, хороший слог, убедительность аргументации.

Когда А.А. Козерадский, будучи уже пенсионером, оставил пост директора техникума, его выбрали председателем местного отделения Всесоюзного общества охраны памятников истории и культуры. На должность своего заместителя по пропаганде краеведческих знаний он предложил меня. Некоторый опыт

Надежда Алексеевна Князева

лекционной работы к тому времени уже имела. А вот знания предмета не выходили за пределы «Славной истории». В местном экскурсионном бюро были организованы курсы для тех, кто изъявил желание знакомить выксунцев и гостей города с историей и памятными местами. А там читал лекции Л.В. Шестеров. Курс сравнительно небольшой (занятия продолжались где-то месяца полтора), но очень полезный. Не только в информационном плане. Заряд искреннего интереса к предмету и какого-то даже азарта к нему сумел передать нам Лев Васильевич. Поэтому, несмотря на то что старше годами, числю его в своих учителях...

По признанию Надежды Алексеевны, попробовав свои силы на новом поприще, она очень скоро прочувствовала: краеведческая нива распахана далеко не полностью, есть на ней не тронутая предшественниками целина. Даже в той части, что, казалось бы, освоена и описана, наличествуют и пробелы, и изъяны. Сама принялась за разработку ряда наименее изученных тем.

Конечно же, обращалась к источникам, находящимся в фондах крупных библиотек. Главным образом, областной. Но не только. Однажды повезла группу учащихся техникума в Ленинград и там использовала всё свободное время для работы в Салтыковке. Отправляла запросы в архивы. Не поверите: отвечали. Бесплатно!

Но, как нам представляется, самая значительная заслуга Князевой – запись воспоминаний старожилов. Сколько домов и квартир обошла за последующие годы Надежда Алексеевна, ей и самой не сосчитать. Выксунские долгожители принимали пытливого гостью доброжелательно и охотно делились воспоминаниями об ушедшем. Всех тех, кто помог ей (а значит и нам!) преумножить знания о канувшем в Лету, не перечислишь. Но нескольких тогдашних собеседников краевед попросила назвать непременно. Во-первых, Антонину Петровну Лебедеву и Анну Петровну Наумову, которые оказались настоящими

кладезями сведений по истории выксунского учительства. Со встреч и бесед с ними началось едва ли не самое капитальное исследование истории местных школ (все собранные материалы, включая редкие фотографии и документы, Князева передала в фонд музея ОАО «ВМЗ»). А во-вторых, М.И. Орлов. Помощь его была неоценимой. Старожил Выксы, один из первых здешних комсомольцев, он хранил в своей памяти богатейший багаж образов едва ли не всех заметных на современном его жизни «небосклоне» персон, коих, разумеется, знал лично. И также фотографии, документы. Оценки и суждения человека широких интересов и масштабного мышления покоряли своей наблюдательностью и богатой палитрой...

– Я продукт своей эпохи, – с лёгкой иронией сообщает Надежда Алексеевна. – Признавая за другими право на другое видение нашей истории, собственных убеждений не меняю. Да, я читала лекции об истории Иверского монастыря с атеистических позиций. Но все-таки очень многие именно с моей помощью распрощались с полным своим невежеством на сей счёт... Меня очень интересовали люди, вынесенные политическими обстоятельствами того времени в число выксунских знаменитостей: делегаты съездов КПСС, герои ратных и трудовых дел. В абсолютном большинстве это были люди достойные той чести, что им была оказана.

К моменту начала работы над книгой «Второе рождение» Н.А. Князева уже была признанным авторитетом. Её пригласили участвовать в подготовке раздела, описывающего период Великой Отечественной. Она приложила немало усилий, чтобы он был представлен большим списком имён, достойных памяти потомков, и, где возможно, хотя бы краткими справками об их свершениях, судьбах («В те дни довелось встречаться с такими людьми, слышать рассказы о таких событиях и делах, что невольно дух захватывало!»).

Число газетных публикаций за подписью «Н. Князева» давно уже не десятками исчисляется. В относительно недавние годы благодаря усилиям когорты местных ветеранов увидела свет «Летопись боевой и трудовой славы», где вклад Надежды Алексеевны также весьма очевиден. Но издания собственной книги она ждала очень долго. И наверняка не дождалась, если бы уповала исключительно на инициативу властей. Помогли бывшие ученики. Благодарные и уважительные. Они смогли решить вопрос об издании двух книг («Прогулки по городу с бабушкой Н.» и «25 рассказов из истории ОАО «ВМЗ») Князевой на средства металлургического завода. Обе адресованы детской аудитории. Но, слышали мы, и некоторыми родителями прочитаны были как откровение. Надежда Алексеевна не перестаёт сокрушаться огрехами этих изданий. И критики коллег по цеху они не избежали. Но и те признают: сегодня упомянутые выше книги – единственные доступные юным выксунцам (в том смысле, что имеются в любой библиотеке) источники по истории малой родины.

Одним из главных дел в своей жизни Н.А. Князева считает участие в создании музея техникума. Начинала она эту работу ещё в 1989-м вместе А.А. Козерадским. Основное поле деятельности – ВМТ в 30-е годы прошлого столетия. Поисковая работа продолжается. Особенно активно сейчас, в канун очередного юбилея техникума. С оправданной для всех его выпускников гордостью констатируем: далеко не каждое среднее специальное учебное заведение страны располагает столь же обстоятельной летописью...

Она и в свои 80 неутомима! Из тех, про которых и говорят, что им «больше всех надо». Вот сожалеет, что очень уж немногочисленно «войско краеведов». Что маловато в поле зрения людей, которые хотя бы в будущем оказались бы в состоянии разрешить проблемные вопросы истории края и «расцветить» её белые пятна. Что интерес не только официальных инстанций,

но и самих рядовых выксунцев к предмету, чрезвычайно занимавшему зрелые годы жизни, часто прохладное, а то и вовсе никакое. Говорит удручённо: «Надо думать, лет сто ещё понадобится, чтобы выработать в наших людях потребность в изучении истории семьи, рода, города своего!»...

При последней нашей встрече Надежда Алексеевна обмолвилась, что вчерне набросала повесть о своей жизни. «Знаете, как назвала?.. “Наивная Надя”». И смеётся вместе с нами. Но обращенная на самую себя ирония лишена самоуничижения. Никто не сокрушит её уверенности в том, что общественная активность граждан, их готовность служить делу культуры и просвещения, их творческие инициативы – не менее важное условие процветания государства, чем прелести рыночной экономики и всякие НТР. Более того, последние зависят от первых, дающих правильные духовные скрепы дней минувших и нынешних. Так ли уж она наивна, наша «бабушка Н.»?

2004 г.

Жизнь короткая, но яркая

В.Н. Мазурин родился 1 июля 1902 года в селе Досчатом в семье предприимчивого кустаря-одиночки Николая Ивановича Мазурина. Семейное предание гласит, что предки его появились в России после польского восстания 1863 года. Деды В.Н. Мазурина гоняли плоты по Тёше и Серёже, сплавляли лес. Через несколько лет кочевой жизни Николай Иванович выбрал для постоянного места жительства Досчатое, где со временем устроил мастерскую для отливки колоколов, утюгов, гирь, изготовления ведер, тазиков, бадей, корыт. Восьмой по возрасту (третий сын от второй жены), Владимир вместе с братьями помогал отцу в деле, в частности сбывал продукцию в Досчатом, Выксе, Муроме, Меленках и даже в Сызрани. В семье был недостаток – двум

сестрам Владимира, Анне и Марии, удалось окончить Меленковскую женскую гимназию (а это денег стоило). Несколько лет Мазурины прожили в Сызрани, где Володя работал маслёнщиком и слесарем на мельнице частного предпринимателя.

Со временем старшие братья перебрались в Екатеринослав, к сестре Марии, которая была замужем за екатеринославским вице-губернатором. И пошли работать на здешние предприятия. Литейное дело продолжать стало некому, его закрыли, родительский дом продали в Усад.

В 1913 году Мазурины переехали в Выксу и здесь купили дом у Сиднева, что располагался на месте, где ныне центральная проходная ВМЗ. Там до сих пор растут три посаженные ими липы. Глава семьи приискал себе место в ОВГЗ. А младшего решили подучить. Мужское двухклассное училище он окончил с отличием в 1914-м, а немного спустя поступил слесарем на Нижний завод.

Революционные события в стране и Выксе оказали огромное влияние на впечатлительного подростка. На его глазах в ноябре 1917 года власть перешла в руки Советов, он был свидетелем контрреволюционных выступлений в Выксе и Новодмитриевке. Всё это помогло ему политически сформироваться так, что, казалось бы, за будущее Володи можно не волноваться. Одним из первых вступил в ряды комсомола и стал признанным вожаком молодежи, одним из первых председателей Выксунской организации РКСМ, первым председателем Ардатовского укома. В 1921 году В. Мазурин – председатель оргбюро Канавинского райкома комсомола, потом секретарь райкома комсомола в городе Баку. Везде пригодились его прекрасные организаторские способности.

По медицинским ограничениям он был освобожден от призыва в Красную армию, но лично подготовил 2 роты из рабочих Нижнего завода для отправки на деникинский фронт.

С 1921 по январь 1924 года работал слесарем Нижнего завода и одновременно здесь же – заместителем председателя завкома.

Владимир Николаевич был большим любителем художественной самодеятельности. По инициативе молодежи, при самом деятельном участии Мазурина был создан рабочий клуб в доме бывшего торговца Кубарева. Там он с увлечением играл Чацкого в «Горе от ума», Незнамова в пьесе А.Н. Островского «Без вины виноватые», выступал с сольными номерами на концертах – пел под гитару, отплясывал чечётку.

Владимир Николаевич Мазурин

22 лет от роду Владимир Николаевич женился на коренной выксунке Нине Николаевне Кокоревой. В счастливом, но, по трагическим обстоятельствам, увы, недолгом браке родилось двое детей – Вениамин и Галина.

С января 1926 года по февраль 1928 года В. Мазурин – заместитель председателя завкома профсоюза заводов Приокского горного округа.

Владимир Николаевич был одним из организаторов строительства Дворца труда (сейчас ДК металлургов). Судьба свела его однажды с председателем профсоюза металлистов России И.И. Лепсе. Это знакомство обернулось для Выксы неожиданным культурным прорывом. Именно Лепсе помог в выборе архитектора и организации строительства Дворца культуры металлургов, начавшегося в мае 1927-го. А уже в 1929-м (прикиньте, какие темпы!) состоялось торжественное открытие учреждения, верой и правдой служащего уже которому по счету поколению

выксунцев. Кстати, Владимир Николаевич тогда самолично заложил золотую пятирублевую монету под фундамент.

Индустриализация страны, первые пятилетки заставили Мазурина взяться за книги. В 1928 г. он окончил 6-месячные курсы Центрального института труда. После этого почти год возглавлял профсоюз крупного оборонного объединения в Ижевске. Здесь Владимир Николаевич участвовал в подготовке к пуску мотоциклетного завода.

Остро ощущая недостаточность научного багажа, Мазурин поступил на заочное отделение столичной Горной академии. Домой, в Выксу, он вернулся в августе 1929-го, был назначен директором ВМЗ. И 10 ноября присутствовал на торжественном открытии техникума. В декабре вместе с заводскими специалистами направился в Ленинград, где отстаивал идею строительства в Выксе нового мартеновского и виллопрокатного цехов, новой газогенераторной станции, добивался установки мелко-сортного стана.

Как руководитель крупного промышленного предприятия В.Н. Мазурин неоднократно направлялся в научные командировки за границу. Первый раз в 1929 году он изучал опыт строительства металлургических предприятий в Германии (Эссен), Чехословакии (Витковицы), Франции (Марсель) вместе с И.Ф. Тевосяном, И.А. Лихачевым, П.И. Коробовым и др.

В 1930–1931 гг. Владимира Николаевича вновь направили за рубеж, в Германию. Цель поездки – изучение современного мартеновского производства, а также закупка мартеновского цеха для ВМЗ. Немцы в то время были лидерами в этой области. В.Н. Мазурин приехал на заводы Круппа, будучи не только директором ВМЗ, но и одним из директоров ГОМЗ (Государственного объединения металлургических заводов центра России). Несмотря на это, Крупп, прежде чем продать оборудование, предложил Владимиру Николаевичу поработать на его заводе в городе Эссен третьим подручным сталевара. За полгода

Мазурин дошел до должности обер-мастера (начальника смены). Оборудование было закуплено.

По возвращении домой в начале 1932-го В.Н. Мазурин приступил к строительству нового завода, включавшего мартеновский, мелкосортный, виллопрокатный и новотрубный цехи. Здесь же, на ВМЗ, выполнял особое правительственное задание – осваивал выпуск и прокатку броневой стали, из которой делали эсминцы и подводные лодки на «Красном Сормове» и в Мордовщиках. Одновременно он принимал участие в строительстве завода ДРО, фабрики-кухни (перепрофилированной по ходу в рабочий клуб), зданий ФЗУ, жилых домов.

В марте 1932 года В.Н. Мазурина назначили директором строящегося Ново-Тульского металлургического завода, в 1933 году он – в числе заместителей директора легендарной Магнитки. А с ноября 1933 года – директор Кулебакского металлургического завода (тогда кадры «тасовали» с огромной скоростью). Здесь Владимиром Николаевичем было налажено производство бандажей для Московского метрополитена.

Труд успешного «красного директора» был высоко оценен правительством. Он несколько раз премировался именными золотыми часами. А в 1935 г. приказом наркома был награжден знаком почетного метростроевца и личным автомобилем марки «Линкольн».

В.Н. Мазурин принимал активное участие в партийной и общественной жизни. Избирался членом Выксунского укома партии, членом Нижегородского крайкома, Удмуртского, Тульского обкомов партии, делегатом первого съезда Советов в декабре 1936-го, делегатом партийных и профсоюзных съездов.

В.Н. Мазурину приходилось общаться по работе со многими выдающимися людьми того времени: Н.К. Крупской, будущим зам. наркома обороны А.С. Щербаковым, наркомом внешней и внутренней торговли, наркомом снабжения А.И. Микояном, знаменитыми металлургами П.И. Коробовым, И.Ф. Тевосяном,

И.П. Бардиным. Он был близко знаком с авиаконструктором Н.Н. Поликарповым, летчиками-испытателями И.П. Мазуруком и В.К. Коккинаки, председателем профсоюза металлистов России И.И. Лепсе, директором Московского автомобильного завода И.А. Лихачевым. С некоторыми из них у него сложились вполне дружеские отношения.

Непосредственным начальником Владимира Николаевича был нарком тяжелой промышленности Серго Орджоникидзе. Это был очень жесткий человек. Когда он приезжал с проверкой, в страхе была вся область. А.А. Жданов (тогдашний первый секретарь Горьковского крайкома партии, а впоследствии — первый секретарь Ленинградского обкома партии, член Политбюро), с которым также приходилось работать Мазурину, напротив, был скромен. Бывая в доме у Мазуриных, предпочитал угощаться хозяйкиными пельменями на кухне.

...Начались массовые репрессии. Один политический процесс следовал за другим. Повсеместно против десятков тысяч ни в каких злодеяниях не виновных людей фабриковались обвинения в заговорах и других политических преступлениях. Не выдержав обстановки тотального подозрения, Г.К. Орджоникидзе покончил с собой.

Эта смерть потрясла В.Н. Мазурину. Он понимал, что тоже обречен, так как для НКВД тех лет многочисленные командировки за границу — более чем «весомые» поводы, чтобы взять человека, пусть даже имеющего идеальную биографию и значительный послужной список, в оборот. По воспоминаниям жены Нины Николаевны: осенью 1936 и в январе 1937 г. муж приходил домой очень уставшим и часто в подавленном настроении. Бывало, обхватит голову руками и, вздыхая, говорит: «Что делается в стране? Сажают лучших людей, лучших!» Сразу после ареста главного инженера предприятия из полагавшегося ему по рангу пистолета пустил себе пулю в висок.

Что им двигало в те минуты? Потомки уверены: будучи не в силах изменить собственную участь, Владимир Николаевич надеялся уберечь близких. И поначалу их действительно не трогали. Даже не выселили, как семью инженера Якобсона, из квартиры. Вдова продала какой-то организации подаренный правительством автомобиль, купила дом в Выксе. Очень своевременно! Потому что вскоре и директора объявили «врагом народа». Нине Николаевне не полагалось даже пособия на детей. Лишь в конце семидесятых годов пожилой женщине удалось, наконец, добиться официальных документов о реабилитации мужа. Не из-за каких-то «коврижек», а исключительно ради того, чтобы вернуть ему доброе имя.

В.Н. Мазурин, безусловно, достоин памяти выксунцев как один из вожаков молодежи 20-х годов прошлого столетия, успешный профсоюзный лидер и человек, что называется, приложивший руку к делу развития завода-юбиляра и города.

2006 г.

Содержание

Мастер слова	3	<i>Ах, гармонь моя, гармонь</i>	165
Дельные люди, или Прежние «новые русские»?	8	<i>Судьба служивого хранила</i>	167
Приложение 1. Потомки берендеев?	91	<i>Сватовство по-старовыксунски</i>	169
Приложение 2. Один из сотен	94	Миссия	173
Приложение 3. Им бы жить поживать...	97	Музвзвод	177
Приложение 4. Воротца в прошлое	104	В городском саду играет...	180
Приложение 5. Сердце доскажет	108	<i>Патриарх</i>	181
Приложение 6. Фотограф щёлкает	112	<i>Первый «красный» и последующие</i>	182
Приложение 7. Усадские «кутюрье»	117	<i>«Боже, царя храни...»</i>	183
Семейный архив	122	И больше века длится...	185
Гаврилыч – «обер»	122	И череда достойных потомков	187
Яблоко от яблони	126	Он любил глядеть на звёзды	190
Наша – лучше всех!	130	Помни	197
«...Трудно быть беспартийным»	137	За здоровье ль, за упокой?	197
Автобиография	137	Осиротели семьи и приходы	200
Или грудь в крестах...	152	Знай наших	205
...или голова – в кустах	152	Метеор	205
Господа-товарищи, или Превратности судьбы	156	Дело всей жизни	210
Родня	160	Жил-был режиссёр...	217
Я не мог лицемерить и заискивать...	164	Так ли наивна «бабушка Н»?	221
		Жизнь короткая, но яркая	227

Приокская глубинка
№1(22)—2022

Подписано к печати 14.06.2022.
Бумага офсетная. Формат 60x84 ¹/₁₆
Печать офсетная. Зак. 2/06. Тираж 100 экз.

Издательство «Дятловы горы»
603005, Нижний Новгород, ул. Большая Печёрская, 19
тел.: 8 903 058 25 74, e-mail: polezno@mail.ru

Отпечатано в типографии издательства «Дятловы горы»
603167, Нижний Новгород, ул. Маршала Казакова, 6Б